

РАБОЧИЙ ЧТЕЦ- ДЕКЛАМАТОР

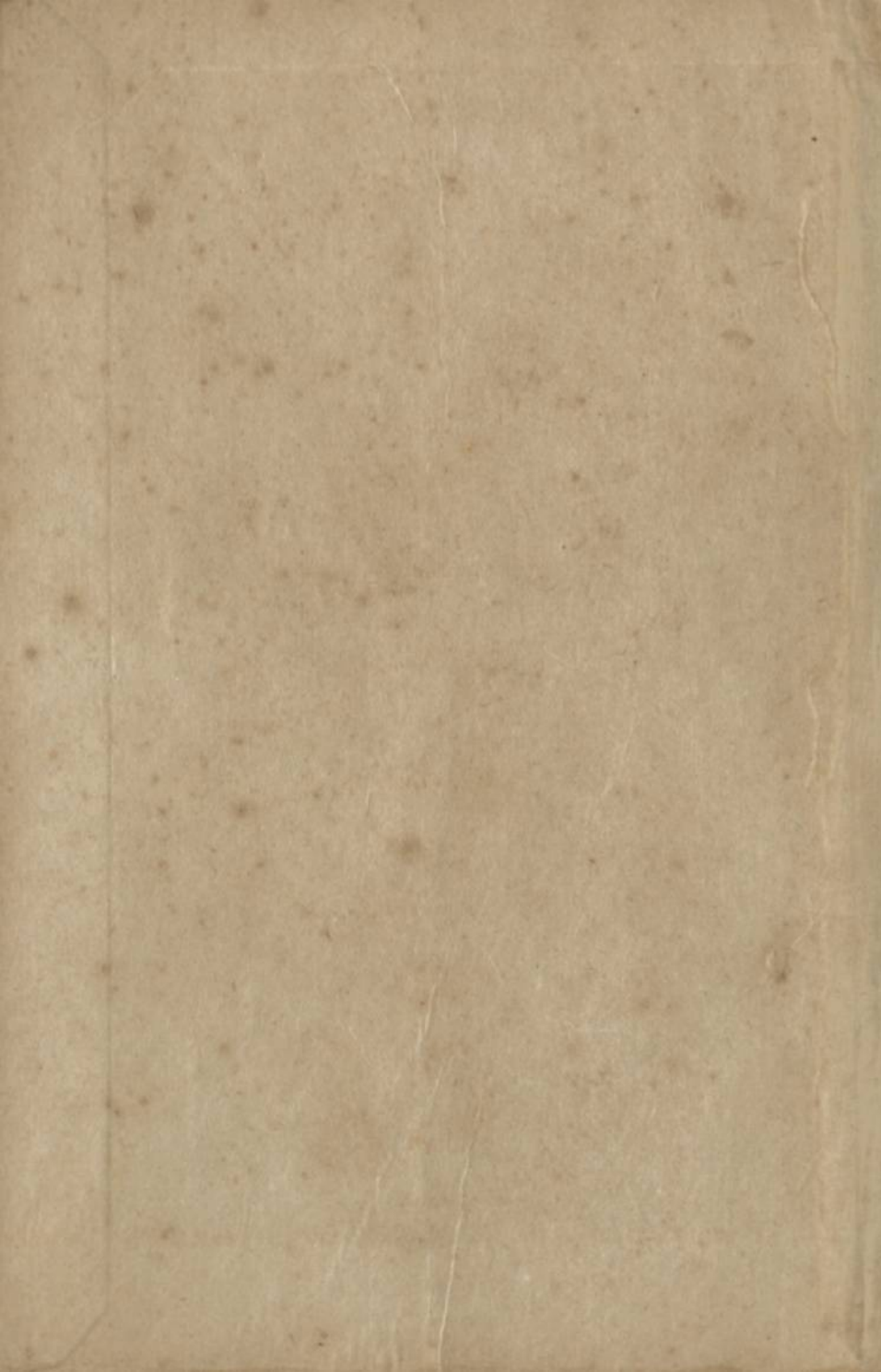

СОСТАВИЛИ
С ГОРОДЕЦКИЙ
И
Е ПРИХОДЧЕНКО
С ПРЕДИСЛОВИЕМ
А. ЛУНАЧАРСКОГО

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“

ЛЕНИНГРАД

1 9 2 5

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

РАБОЧИЙ ЧТЕЦ-ДЕКЛАМАТОР

СОСТАВИЛИ
С. ГОРОДЕЦКИЙ
и
Е. ПРИХОДЧЕНКО

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
А. ЛУНАЧАРСКОГО

МУК "РЯЗАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ С.А. ЕСЕНИНА"
ГМК-659
АОМГ-98

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД :: 1925

ПРЕДИСЛОВИЕ

При нашей энергичной клубной жизни и постоянных жалобах артистов эстрады на полное отсутствие вещей для декламации, давно уже назрела потребность в действительно художественном и в то же время действительно революционном сборнике стихотворений для декламации. Этой потребности отвечают кое-какие вышедшие до сих пор сборники, изданные как в центре, так и в провинции. Иные из них недурны. Я думаю, однако, что книга выпускаемая сейчас, является лучшей из всех, увидавших до сих пор свет.

Сборник этот чисто революционный не только потому, что он обнимает поэзию лишь с 1917 года по текущие дни но и потому, что в этой поэзии выбирает лишь вещи, отражающие переживания великих революционных годов. Он составлен с большой полнотой во всем, что касается русской поэзии, и может служить, таким образом, не только сокровищницей для всякого декламатора, но и прекрасной хрестоматией русской революционной поэзии.

Думается, что всякий по прочтении его согласится, что эти семь лет далеко не являются пустыми для русской поэзии. Удачно выбранные цветы революционной поэзии, в значительной мере обнимающие все лучшее, что за это время было написано в данном направлении, особенно разительно доказывают неправоту тех, кто утверждает, будто бы поэзия замерла за шумом революционного оружия. Я склонен думать, что, если взять, скажем, преды-

дущее семилетие от 10 до 17 года, мы не только не сможем собрать там такой хрестоматии в смысле ее волнующего гражданского содержания, но даже не смогли бы набрать столько стихотворений, полных и о д л и н н о й художественной силы и пользы. Вот почему сборник этот можно горячо рекомендовать не только для специального декламаторского употребления, но и в каждую библиотеку и в каждую читальню, посещаемую нашим новым революционным читателем.

А. Луначарский.

Кремль, 16 IX 24.

ВОССТАНИЕ

I

Тайна в глазах.
Взгляды порывисты, ценки.
Что-то растет,
Кто-то огромный идет.
Черные куртки и кеки
Плавают в сером тумане.
Всплеснуты сжатые руки
В карманы.
В темных углах
Страх.
Мрут и рождаются звуки.
Там, на крутых поворотах,
Гаснут огни.
Плотно закрыли ворота
Грязные пасти домов.
Чу... Шопот шагов,
Это — они...
Зовы во мгле задрожали:
— Братья... Братья... —
Лязг беспорядочной стали.
Злые проклятья.
Ширится тайна. Растет.
Небо краснеет.
Время не ждет.
В муках Великое зреет,
Идет.

Выстрелы гулкие четки.
Стекла посыпались на тротуар.

Пороха запах.
Стоны короткие.
Резкие крики. Пожар.
Прошлое будущим стиснуто в лапах.
Смерть ему! Смерть!
Улицы ревом наполнились.
Сроки исполнились.
Вспыхнула твердь.

II

Проклятое слово —
Измена —
Кривлялось, шипело кругом —
И души одело, как пена
Прибоя.
Впивались сурово
Друг другу в глаза
И ждали:
Сейчас разразится гроза,
И вспыхнувший гром
Нас выбросит скоро из строя...
С какою бы силою сжали
Угрюмые руки
Преступное горло шпиона...
Томились,
Искали.
Под тяжестью муки
Хватались за нож.
И вдруг,
Из-за темной колонны
Глаза засветились,
И ярко мерцали
В них дождь
И искут.
Рванулись,
Схватили
Десятками рук.

И пальцы как клещи сомкнулись
 И в миг погасили
 Испуганный звук.
 Скрывались в тумане. Тайком.
 Шуршали ногами усталыми...
 А сзади оставленный дом
 Окрасили лентами алыми.

III

Беспощадна смерть была
 В ярком зареве восстания:
 Здесь сквозь злую боль страданья
 Жизнь борьбой сердца зажгла.
 В гуще серого тумана,
 С свежей раной,
 Перевязанной небрежно,
 У ворот стоит рабочий,
 Чутко вслушиваясь в мглу.
 Завязался жаркий бой
 Вновь.
 И мятежно
 Всколыхнулся воздух ночи.
 В нижнем этаже к стеклу
 Чья-то голова прильнула
 И отирянула: там кровь.
 Зубы вдруг заскрежетали
 Точно ржавое железо.
 Всныхнул местью взгляд.
 Волны гула
 Трепетали
 То усиленно, то реже,
 Звали смелых
 На защиту баррикад.
 Окровавленное тело,
 Как пружина,
 Снова ринулось в туман. —
 Цепи там рвались стальные

Молодого исполина,
Там тиран,
Что гнет ковал,
Умирал.
Золотые,
Огневые
Змеи жалили дома.
Тени таяли починые,
Гасла тьма.

IV

Рассвет.
В людей превращаются тени,
И тайны в глазах уже нет,
В них светится жажда сражений,
Побед.
Справляет свой праздник Борьба.
Откуда-то звонко
Горниста труба
Запеда во вражеском стане.
И тогда же тонко
Свистнули пули
В тумане,
Как улей,
Народ всколыхнулся.
Мышцы рук задрожали,
Рванулся
Вверх окровавленный флаг.
Ждали:
Подступит ли враг?
Нет.
Не идет.
Так развернутым строем,
Братья, вперед!
На гребне побед
Мы старое строем,
Раздавим.
И в этой борьбе

О себе
 Мы вечную память оставим.
 Враг сломлен. Разбит.
 Сквозь полог туманный и дымный
 Лучи свои солнце струит.
 А толпы — восторги и гимны...

V

Знамена. Плакаты.
 И лозунги бурей рожденные:
 — Вся власть Советам!
 — Долой соглашателей! —
 Гимны. Оркестров раскаты.
 В солнце влюбленные
 Жизни ваятели
 Розовым утренним светом
 Хмельны.
 Кружатся в воздухе песни.
 Как птицы.
 Счастьем они рождены:
 В улицах узких им тесно.
 К небу взвиваются.
 Радость, великая радость на лицах:
 Праздник Труда.
 Красные флаги
 Виснут с домов.
 Машут из окон руками.
 Дышат отвагой
 Лица стрелков.
 Красная арка
 Цветами
 Украшена.
 Злоба, горевшая ярко,
 Погашена.
 Ныне крылаты
 Души борцов.
 Реют знамена, плакаты.
 Гимны из солнечных слов.

О К Т Я Б Р Ъ

Октябрь!
Разбитые окна и зеркала,
Крови стуженной пятна;
И ночью и днем пулеметный лай.
То звонкий, то еле слышный...

Октябрь...
— Не спите, не спите, не спите!
Я с вами, от вас, за вас,
Чердаков и подвалов жители.
Пробил двенадцатый час!

Это я, — Октябрь,
Горящий, поющий, звенящий;
Кто не жил вчера, будет завтра жить!
За мною, со мной навсегда добить
И прошлое, и настоящее...

Кровь не даст отступить назад,
Да и души — горящие факелы;
У повстанцев выцветшие глаза,
Но они никогда не плакали.
О, Октябрь!...

О НЕЗАБЫВАЕМОМ

Не будет никогда забыт
Громовый пир огня и стали.
Когда мы осень распинали
На медных заревах борьбы.

Кровавой ненависти жало
Накаливалось на огне,
А явь мечту опережала,
А пули пели о весне.

Не личности, не единицы.
А сотни тысяч на костре;
И души — огненные птицы —
Летели к солнцу в Октябре.

Ах, было радостно до боли
Взорвать с сердцами будни лет,
Из черной, вековой неволи
Вдруг погрузиться в яркий свет.

Не будет никогда забыт
Громовый пир огня и стали.
Когда мы осень распинали
На медных заревах борьбы.

ПОЭМА О НАХОМЕ

Часть первая

I

Ах, Нахом, черноглазый Нахом,
Мой земляк из Смоленской губернии:
Помню, помню тебя пастухом
В нашей деревне...
Помню старый шалам за кустом,
Из него — закорюлые ноги;
Я так часто твоим кнутом
Разворачивал пыль на дороге.
Славный парень, всегда под хмельком
(Ведь кабак-то почти-что рядом!),
Заплетающимся языком
Разговаривал ты со стадом.
Иногда бабий смех зазвучит
(Ах, Нахом, озорной и лукавый!):
— Ну-ка, сбегай, коров отгони
От канавы... —
Много раз тебе мяли бока
Мужики за такие проделки.
Но смеющимся из кабака
Выходил ты после «похмелки»...
А когда ты грустил, — молчал
(Рга веревками так не свяжешь!).
Словно ты на широких плечах
Поднимал непосильную тяжесть...
Мы всегда чем-нибудь горим,
Жизнь, ведь, это — хорошая сказка.
И теперь тебя часто таким
Вспоминает подвасок Васька.

II

Дни, пропахшие сеном и медом,
 Дни, поющие скрином телег;
 Мы с тобой поднимались с восходом,
 И лучами звенел наш смех.
 Дни, как дни, а такие хрупкие!...
 Как хороши зауменный плес!
 Тренихались да стадом юбки,
 Подоткнутые выше колен.
 И лишь солнце — ликующий странник —
 В кабаке дерболизнет винца, —
 На костре уж подвизывал чайник
 Пучеглазым, дотошным скворцам.
 Разгорится от вышней водки
 И пойдет куралесить во-всю...
 Сенокос-то, как праздник, Васюк!...
 Дни по крышам звенели соломой,
 Рыжий пьяница в небе плясал;
 И горели глаза у Пахома
 И лохматились волосы...

III

Луиная ночь за окном,
 Виснут со стен тараканы;
 Клим конокрад и Пахом —
 Пьяные...
 Спорят о боге, понах,
 Тысячу тысяч проклятий;
 Черною кошкою страх
 Прыгал ко мне на полати.
 Плавал махорочный дым,
 Тусклая лампа мигала;
 Всем — и богам и святым —
 Попадало...
 Ежился я и дрожал,
 Тайно крестился в печали.

А за окном сторожа
Стучали...

IV

Шли года. Захлестнутый огнями,
Я к другому роднику приник, —
Превратил ржаное сердце в камень,
Робкий шепот — в первобытный крик.
Отошли и потускнели овцы,
Стали сны тревожны и темны;
В жизни все рабы или торговцы,
В жизни все холопы или наны.
Было странно делать по указке,
Было странно видеть всюду ложь,
И другие, огненные сказки
Осветили мой подвал светом.
Я из слов подпольных прокламаций
Пил огонь и спалил других,
И зарею стали разгораться
Гнев и радость в мускулах тугих.
Что ж такого, если был и промах,
И осадок горький на душе?
Но в чаду мне было жаль Пахома,
Губящего силу в шалаше.

V

Били снаряды по тучам медным —
В полк пополнение... — Ты ли, Пахом?...
Кости да кожа, и бледный-бледный...
Полк за полком. За разгромом разгром.
Так-так-так... — Падала на пищу.
У-у-у-бах... — Клюквенный снег.
Ветер ли, смерть ли за спинами свищет,

Дьявола ли, сумасшедшего ль смех?...

Что на лице: кровь ли, пот ли?

Что впереди там: село ль, гора ль?

Славно сегодня mortarы работали, —

Вновь за сто верст штаб удрал.

Слушай Нахома:

— Жизнь дороже.

Жизнь дороже их барыней,

Пусть-ка сами жирные рожи

В этих окнах покормят виной.

Слушай Нахома:

— Нет на свете

К нам справедливости, — их законы;

Слушай! Последних в черный ветер

Ты не бросай своих патронов!...

Так-так-так...

— В грудь попало.

У-у-у-бах...

— Нет руки...

Мертвые ждут рокового сигнала

Бросить на Питер свои полки.

VI

— Эй, Нахом! Осторожней, Нахом! —

Кто-то смотрит в затылок со злобой,

Кто-то в тьму поскакал верхом

С донесеньем по черным сугробам.

Ни суда, ни допроса в снегу,

Пуля свистнет — руки раскинешь;

На кровавую ленту у губ

Ляжет острый, метящий иней!

Слышишь ветра февральского рев?...

Видишь тучи — какими буграми?

В этот час по снегам в Мотилев

Буйным вихрем летят телеграммы.

Может быть — подорвется война,

Может быть — жизнь не будет копеекой...

Отчего побелел, как стена,
 Перед царским вагоном Воейков?...
 Тише, тише!... Не нужно кричать,
 Избегай подозрительных взглядов, —
 Что-то много ушло кумача
 Из московских и питерских складов...
 Жизнь скомандует властно: кругом! —
 И пойдешь на восток по сугробам...
 — Эй, Пахом! Осторожней, Пахом, —
 Кто-то смотрит в затылок со злобой...

VII

...Треплется красный флаг
 Над проволокой колючей...
 — Что? Разве он мне враг?
 Разве он всю жизнь меня мучил?
 — Будет. Конечно. В землю штыки...
 Ветер сердца теперь не раздражит,
 Для корявых и грязных таких
 С неба солнце спустилось на праздник.

VIII

Ухали над cereздумками пушки,
 Рушились на улицах дома;
 И трупы — испорченные игрушки,
 И пулями простреленный кумач.
 Телеграф. Электрическая станция.
 Пакеты в солдатских сапогах;
 Все ближе и ближе повстанцы,
 Железная хватка туга.
 То тихо, то с грозными гимнами,
 То крадучись, то бегом...
 И дерзко с винтовкой у Зимнего
 Стоит черноглазый Пахом.

Часть вторая

I

Каждый старался вытрясти больше
 Слухов и сплетен, злобы и лжи;
 — Сто поездов провезли через Польшу
 Золота немцам и тысячу — ржи.
 Город губернский всегда недоверчив —
 В каждом и каждой он видит врага;
 Были бы карты, да сельди из Керчи,
 Все остальное — к чертям на рога.
 Ходят сутулясь по рынку пустому,
 Шепчут сквозь зубы: постойте уж!
 Им хорошо. Они — в царских хоромаш,
 Нам же забавы их — в сердце пожар.
 — Обыски. Обыски. Золото. Подкуп.
 — Не комиссары — стоглазая вошь...
 — Сами-то жрут они ведрами водку, —
 Ты же картонки нигде не найдешь.
 — Слышали? Слышали? Слышали? Скоро...
 Брызжут слюною и дальше бегут...
 Слухами, сплетнями, злобою город
 Пухнет и ежится в синем снегу...

II

Предгубчека. «Дела». Окурки.
 Трезвонят мухи о стекло.
 Бессменно в кожаной тужурке
 Пахом два года хмурит лоб.
 Два года городскую нечисть
 Просеивал сквозь решето;
 Все так же выпрямлены плечи
 И чуть подергивает ртом.
 Без сна томительные ночи,
 Весь напряженный, как струна,
 Солдат, крестьянин и рабочий —

Он выщеп эту жизнь до дна.
Как проволокой, телефоном
Прикручен за своим столом.
И уж другим — железным — тоном
Приказы отдает Пахом.
Рука не дрогнет с папирсой,
Но будто свалится гора,
Когда вполголоса он бросит,
Что вот такого-то «убрать»...
Р. — неуклюжее на «деле»,
А мысль остра и горяча.
Ведь так отчетливо звенели
Слова из писем Ильича.
Закурит вновь и рюмку брому, —
Еще так много, много «дел»;
И город чувствовал Пахома
И зорко на него смотрел.

III

И все же весеннее солнце заманчиво,
И кровь по плечу вскипает весной;
Пахом торопливей работу заканчивает
И за-город сдвиг за синью лесной.
И было так: когда с закатом
Он возвращался в губчека,
Кричало сердце злым набатом,
И мозг туманила тоска.
Она проскальзывала мимо,
Как тень, уже в который раз...
Но ведь хотелось быть любимым
И отдыхать под зноем глаз.
И вечером, когда однажды
С глазами встретился он вновь,
Горевшими любовной жаждой,
В нем всколыхнулась буйно кровь.
Закат, над лесом догорая,
Их облил золотым дождем

И розовое имя «Рай»
Весною зазвучало в нем.

IV

...Сегодня... 6 часов... на даче...
Шифр бил по голове колом;
И снова по следам горячим
С отрядом двинулся Пахом.
Шесть месяцев любовных пыток,
Шесть месяцев он — в тунике, —
Бандитам тайны все открыты,
Что были лишь в его руке...
Но кто же, кто?... Идет сутулясь,
Он постарел на десять лет,
А зоркие провалы улиц
Глядят загадочно вслед.
И Рай нет. Уже недели...
В душе и вьюга и гроза,
В глазах тревожно каруселят
Ее глубокие глаза...
...Чернел в тумане лес знакомый.
Шептались. Осторожно шли...
На лбу отточенном Пахома
Морщины змейками легли.

V

Проникли неожиданно и быстро,
Испуганные взвились голоса;
Перед Пахомом гудко крикнул выстрел
И ненавистью вспыхнули глаза.
Глаза холодные, глубокие, как ночь...
Звенели стекла. Выстрелы и стоны...
...Вот у окна...
— Остановитесь, прочь! —
Я сам из маузера выпущу патроны...
И резкий треск. Рука, как плоть, легла,

И голова рванулась и застыла,
Но тотчас чья-то пуля из угла
Впиалась Пахому яростно в затылок...

VI

Вновь весна бьет в окна крылом.
Вновь томительны зори вечерние...
Ах, Пахом, черноглазый Пахом,
Мой земляк из Смоленской губернии...

КУЗНЕЦ

Искры, точно золото
Брызжут из-под молота.
В горне вихрь поет...
Нет в руках усталости,
Нет к железу жалости, —
Бьет!

Молодость мтежится,
Сердце счастьем нежится,
Брагу жизни пьет...
Звеньев лязг взвывается,
Это разбивается —
Гнет!

Взгляд горит решимостью,
Злой неутомимостью
Сам себя он жжет...
Руки молот стиснули,
Руки взмахом свистнули, —
Бьет!

РАБОЧНИЙ

Мышцы тяжести просят, —
Я от труда не устал,
Руки не раз еще бросят
Молот на красный металл!...

Сила огнем коллектива
В теле моем зажжена,
Мечутся в сердце бурливо
Радости струи вина!...

С детства под песни машины
Бурю в душе я растил,
Метительный клекот орлиный
Творческий вихрь разбудил!

Линнет рука моя к стали,
Дышет упругостью взмах, —
Новые дам я сжимали
Жизнь утопившим в мечтах!

Вешние песни приносит
Бури стремительный вал...
Руки не раз еще бросят
Молот на красный металл!...

ПРИ РАЗГРУЗКЕ

Разговаривали в сумерках колеса
Дребезжащих нумерованных телег;
Ты ушла в туман синеволоосый
Хоронить застенчивый смех.

Паровозов удушливые всхлипы
Не скребли уже душу тоской,
И тяжелые ящики и кины
Взгромождались на плечи легко...

Позабыта во рту папироска,
На затылок сдвинут картуз;
Я шатался, как пьяный, по доскам,
На телеги наваливая груз.

— Эй, пусти! Стоишь, как идол!
Еще пять порожних телег...
Ах, какую мне тайну выдал
Сегодня застенчивый смех.

ТАМ и ЗДЕСЬ

Сколько счастья и путаницы,
Я какой-то расколотый весь:
Синь полей — моя вечная спутница,
Рев машин — колыбельная песнь.
Полевые туманы и улицы,
Корпуса и дорожная пыль;
Я могу и смеяться и хмуриться
В звоне леса и в шуме толпы.
Скука схватит жестокими лапами,
А в крови уже солнце — снопом;
Здесь: приводы, моторы и клананы,
Там: овраги, пастух Нахом.
Там все так же душиста овчина,
Здесь все тот же магнитный завод.
И вот жизнь, как вода из плотины,
Закружила меня в хоровод.
Ну, и пусть бестолковая путаница, —
В голове моей радугой дым
Оттого, что синь — моя спутница,
Рев машин — раскаленный гимн.

Две жизни в холодной избе,
Два сердца — родных и враждебных,
Одно закалилось в борьбе,
Другое прогнуло в молебнах.

Одно и под снегом живет
И бьется так сильно и звонко,
Другое — немое, как лед,
Изглодано злой самогонкой...

А ветер в осевших снегах
Поет о просторе знакомом
И треплет развернутый флаг
Над водостным исполкомом.

Да, такие бывают напасти,
 Что на сердце ложатся, как ночь, —
 У веселой уборщицы Насти
 Умерла в понедельник дочь.

Я частенько заходил к Вере,
 И ко мне приходила она, —
 Палец в рот и станет у двери
 Или сидит на стул у окна.

(Знала, знала, что я скучаю, —
 Угадывала по лицу...)
 — Вера! Хочешь сладкого чаю?
 И сквозь острые зубки:

— Хочу...

А когда я читал о Донбассе,
 О финансах, о кровном враге,
 Приходила и...

— Дядя Вася,

Покарай меня на поге...

— Сколько лет тебе Вера?

— Двести...

— Что сегодня?...

— Сегодня — вчера...

Сколько раз коротали мы вместе
 Незаполненные вечера...

Да, такие бывают напасти,
 Что на сердце ложатся, как ночь, —
 У веселой уборщицы Насти
 Умерла в понедельник дочь.

Когда на строгие, нахмуренные ели
Седая изморозь набросит седину,
Как остро чувствуешь, что дни повеселели,
Как предугадываешь новую весну.
Весь день хрустит под сапогами шней,
Весь день лучи косятся на меня;
Какая тишь. Какой покой пустыни
В сторанинн серебряного дня.
В осинах синь, а луг весь белый, белый,
Душа легка — ни груза, ни тревог,
И лишь от счастья вздрагивает тело
На перекрестке матовых дорог.
Густеют сумерки. Уже огонь заката
Лесной рябины окровавил куст;
Как хорошо идти весь день куда-то,
Под шорох листьев и звенящий хруст

Я

Я выпил сотни солнц. И все мне мало.
Все мало мне. Но сердце не грустит,
Я никогда не рассыпаю жалоб
По пыльному и долгому пути.

Сегодня — даль, а завтра — плен и скорби,
Сегодня — тьма, а завтра — блеск и зной,
Но никогда своей спины не сторбил
Я от усталости и тяжести земной.

Снега, и пыль, и терпкий запах гарн...
Звонят шаги. Я дерзок и упрям.
Я, — всеобъемлющий, чье имя — Пролетарий,
Идущий к новым солнцам и мирам.

Дороги без конца. Тоскующие чащи,
И на полях переливающаяся синь...
В рассветный час нет радостей и слаще
Любвиных ласк проснувшейся Руси;

Когда спешат к заставам грузовозы,
Поют гудки о святости труда,
Когда заря пылающие розы
Бросает на поля и города...

Там одурманивает запахами клевер
Здесь песни нескончаемые вьюг...
Я горячо люблю звенящий снегом Север.
Я горячо люблю поющий солнцем Юг...

Как я дрожу от страстного горенья,
Когда проходят в солнечных лучах
Передо мною толпами виденья,
Рассказывая о миновавших временах!...

Когда мечты — на солнце рой пчелиный, —
Торжественными песнями звенят.
Какие яркие, огромные картины
Встают перед глазами у меня!...

ВОЛЯ КОЛЛЕКТИВА

Мы не одни в потоке стройном...
Мы в вихре солнечных огней
Созвездьем радостным и знойным
Горим в тумане буйных дней.

Мы, разнося грозу и пламень,
Зовем к восстанью, к мятежам...
Огонь, вода, железо, камень, —
Все, все подвластно в мире нам.

Свободны мы, как ветер в поле,
Не будем в рабстве никогда,
В сердцах неукротимой воли...
Гудят немолчно провода.

Мы — страсть, мы — сила, мы — движение,
Мы — буйство хмеля, мы — порыв...
В грозе и буре наши звенья
Сковал могучий коллектив...

ПЕСНЯ О МОЛОТЕ

В красных кузницах
Везувийно-грозовых,
В блеске молний бирюзовых,
Мы без отдыха куем,
Песню звонкую поем.
Как в пылу тревоги бранной
Мы чеканом и градем,
Сумрак ночи неустанно
Мы огнями золотим.
В час тревожный, в час усталый
Наши товарищи — смех,
Наш могучий запевало —
Громозвучный мех.
То не ветер парусами
Зашумел —
Молодыми голосами
Загремел
Наш веселый вольный хор.
И не грохот бури дальней —
Молот с грозной наковальней
Огневой заводит спор.
Только он железо тронет,
Эхо звонкое застонет,
Эхо в воздухе замрет.
И призывно-четкой трелью,
Нежно-звонкою свирелью
Сталь застонет, запоет...
Не на помощь ли зовет?
Окна дымом занавесило,
Но, как отклики ответные,
Гори взметнулся ярким пламенем.
Заалел призывным знаменем.

Нам же весело
И радостно ковать,
Златоцветные
Алмазы рассыпать.
На работу неустанно
Мы доведем,
Мы — владыки, мы — титаны
Над железом и огнем.

К У М А Ч

Красные зори —
Красный восход,
Красные речи
У красных ворот,
И красный — на площади Красной —
Народ.

У нас пирогами
Изба красна,
У нас над дугами
Горит весна.

Нас толпами сбили,
Согнали в ряды:
Мы красные в небо
Врубили следы.

За дулами — дула,
За рядом — ряд,
За полымем сдуло
Царей и царят!

Не прежнею есесью
Наш разум строг,
Но новые песни
Все с красных строк.

Краснейте же, зори,
Закат и восход,
Краснейте же, души,
У красных ворот,
Красуйся над миром
Мой красный народ!

День революции не прожит,
Гром революции — не стих!
Я чую: снова бродят дрожжи
Квашню тусую разжести.

Не много чести киснуть в тесте,
Бродить и тлеть в сыром огне,
Но в нужный час — сольется вместе
Разбухший мускулами гнев!

И он качнет сердец устои
Всех стран, времен, людей, границ,
И он улыбкою простою
Сомнет ребриющийся гранит.

Но и тогда опять, быть может,
Стальному крику зацвести:
День революции не прожит,
Гром революции не стих!

С Е Г О Д Н Я

Сегодня — не гиль позабытую разную
О том, как кончался какой-то угольник,
Нет! Новое чудо встречают и празднуют —
Румяного века живое «сегодня».

Грузчик, подвигший смерти куль,
Взбежавший по неба дрожащему трану,
Стоит в ореоле порхающих пуль,
Святым протянув закорюзлую лану.

Его не снесете в червоном кивоте,
Пред ним не заставишь вас петь аллилуйя,
Он встанет сегодня в смертельной зевоте,
На рану кровавыми слезками плюя.

И в новое небо пропеллером ввинчен,
Собою засеет он синюю пустошь,
С тобою, с тобой мое звонкое нынче
В твой рай я войду, если пустишь.

Я НЕ ЗНАЮ ЗЕМЛИ ИНОЙ

(Вступление к поэме «Электриада»)

Начинается это так:
 Триста рук ударяют в такт,
 Триста плеч сотрясает мочь,
 Триста отблесков блещет в ночь.

А потом — вперехват удар,
 Вперехват молота летят,
 Шумно дышит грудей гряда,
 Но железу дией колотят.

И пойдет эта круть и дрожь
 Только рук и глаз не жалея:
 И из жерла ревет ядро
 И на радио рвет реле.

Как понять этот быстрый строй,
 Эту трудную страсть натуг,
 От которой — в глазах нестеро
 И лицо и сина в поту?

Я не знаю земли другой,
 Кроме той, что шумит в труде,
 Той, что вольтовой гнет дугой
 К рычагам принавших людей.

Кто ударил киркой о сланц,
 Разрывая земли руду,
 Тот видал — и она росла,
 Чтобь жилы открыть труду.

Кто твоих ледников оскал
 Обольнул, разогнав разбег,
 Тот — красавицу быстрь искал,
 Что заснула в тебе, Казбек.

Пеной гневною гриву взмыль, —
Он уже в облаках пропал, —
Над тобой — на сколько ж миль
К ней винтом завилась тропя?

Кто летел, кто горел, мчась,
Кто на мачту взлетал высок —
Угадал грозовой час,
Подставляя ветру висок.

Я не знаю земли иной,
Я другие забыл слова, —
Кроме той, что стала стеной,
Кроме тех, что родит молва.

В твой зеленый будний базар
Мы — безмолвию наперекор,
Вложим — тросы — бури азарт,
Вклиним — краны — молнии рекорд.

Зажимая любовь и гнев,
Прокусивши губу насквозь,
Закалимся в тугом огне,
Что столбом стоит над Москвой.

О Н Е М

Со сталелитейного стали лететь
Крики, кровью окрашенные,
Стекало в стекольных, и падали те,
Слезой поскользнувшись страшную.

И был соловей, живой соловей,
Он бил о таком и об этакое,
О небе горящем в его голове,
О мыслях, ползущих по веткам.

Он думал: крылом — весь мир обовью
— Весна ведь — куда ни кинешься...
Но велено было вдруг соловью
Запеть о стальной машинице.

Напрасно он, звезды опутав, гремел
Серебряными канатами,
Машина вставала — прямой и прямой
Пред молкнувшими пернатыми!

И стало тогда соловью не в мочь
От полымем жегшей одуми:
Ему захотелось — в одно ярмо
С гудящими властью заводами.

Тогда, пополам раскинув нилой,
Вонзивши в недвижную форму лом,
Увидели, кем был в середине живой,
Свели его к точным формулам.

Пускай весь мир остальной
Глазеет в небесную щелку,
А наш соловей стальной
Уже начинает щелкать!

Того-ж, кто не видит проку в том,
Кто смотрит на ветки выше,
Таким мы охлынем рокотом,
Что он и своих не услышит.

Мир ясного свиста льни,
Мир мощного треста льни,
Он будет бить без умолку!
Он стал соловьем стальным!
Он стал соловьем стальным!...
А чучела ставьте на полку.

О Г О Н Ь

I

Над кручами сопок
В морской простор
Высоко-высоко
Глядит костер.

Кому попутен
Алый маяк? —
С огнем не шутят
В этих краях!

А если откроют
По мысу огонь: —
Горы кровью
Потеют кругом.

Снимется с рейда
Серый пират:
В селах — скорее
Дома запирать:

Женщины — в горы,
Дети — в леса,
Мужчинам в пору
Со скал свисать.

О берег бацнет
Пушечный гул —
И семьям рыбацким
Бежать в тайгу.

В тумане всухнет
Крейсера тень, —
И детям из бухты
Осиротеть.

Не потому ли
В морской простор
Над черною улиц
Огонь простерт?

II

Токует тетерев
На черном суку,
Японский ветер
Зовется тайфун.

Нет, это не птица
На синей сосне —
Человечий мнится
Облик сквозь снег.

За сонками семьи
Приникли к окну
Выстрел не смест
В темь полыхнуть.

По веткам трепет...
В тумане морском
Японские цепи
В горы — ползком...

Заходят с тыла,
Скользят с боков,
Душа застыла
У рыбаков.

Крик на дороге
Прянул — и стих,
У горла — широкий
Короткий штык.

Острее трепет
Первых охот:
Черные цепи
Пошли в обход.

Токует тетерев
 На сухом суку...
 Знает ли на свете
 Такую тоску?

III

Рабочие порта
 Собрались в док;
 Провыл четвертый
 Тревожный гудок.

Еще не проснулись
 Вышесты пуль,
 Но дергает улицы
 Бешеный пульс.

Шумом артерий
 Полны дома,
 Скоро зардеет
 Заря сама.

Поет сирена,
 Рвутся гудки, -
 Ветер свирепый
 Берет за грудки.

Вдруг — с вокзала
 Трели «ура».
 Сердце сказало:
 — Теперь пора.

— Вырвать панель
 — У них из-под ног,
 — Мчаться по ней,
 — Свиваясь в одно.

Прожектор с рейда
 Уперся в грудь...
 Кто выдумал бреда
 Такого игру?

Цени встают,
Вокзал окружен,
Орудия бьют }
С пятисот сажен.

За грузчиком грузчик,
Сердце спалив,
Бросается с кручи
В черный залив.

Тщетно рабочий
Рвется вперед:
Гочкис на ключья
Режет и рвет.

Острее трепет
Людских охот:
Японские цени
Зашли в обход.

IV

В тумане улицы,
В седом, в морском
Китайские кули
Ползут — ползком.

Окрик «цуба»,
В висок приклад.
Кровь через зубы
Плевком стекла.

Семьсот убитых,
Двести в плену,
От долгих пыток
Судьбу кланут.

Белогвардейский
Веселый шакал
Досыта детской
Крови — лакал.

Серому пирату
Под ноги слег,
Им — император
Японский — бог.

Он не почувал
Чья жизнь текла,
К серому плечу
Метнув приклад.

Чей токовал тетерев
На сухом суку,
Что разрушил ветер
Японский тайфун.

Но в чужой казарме
Защел рожок
О тех, кто пожаром
Сердце зажжет.

Кому стал попутен
Алый маяк —
Здесь с огнем не шутят,
В этих краях.

ДВА ДЦА ТЬ ШЕСТЬ

Памяти погибших

I

ВСТУПЛЕНИЕ

Темен Баку.

Дымен Баку.

Отчаяние.

Ночь.

Нефть.

Решетка у дба

И пуля в боку —

Для тех, кто не скрыл гнев.

Фонтаном встает

Восемнадцатый год.

Беспомощен

и суров.

Британская Индия

маршем шлет

Своих офицеров.

Им нефть нужна,

им нужен хлопок,

А хлыст и поход —

их страсть...

Но пуце —

хочет английский сапог

Советскую смять власть.

Тарангул зол.

Верблюды зубат.

Шакала шкура — сера...

Но их путям

идут в Асхабад

Английские офицера.

Москва далека,
 Кавказ высок...
 Но им позволения просить?
 Они хотят
 кара-кумский песок
 Возделать и оросить.
 Затем они
 и пришли сюда,
 Чтоб,
 чуть шевельнув бровь,
 Узнать—
 пресна ли у моря вода.
 И солона ль кровь?
 Полковник спит,
 спит капитан,
 Уснул генерал-старик;
 Им снится,
 как плотно давит пята
 Раба встающего лик.
 Спокойно спи,
 офицер,
 засыпай,
 Размеренно ровно дыши.
 Тебя охраняет
 твой раб-силай—
 И здесь в закаспийской глуши
 А в черном Баку,
 в дымном Баку—
 Отчаяние.
 Ночь.
 Нефть.
 Винтовка у лба
 И пуля в боку—
 Для тех,
 кто не скрыл гнев.
 Не спи, товарищ,
 не спи, подожди,
 Глазами

буравь мрак.
Зачем не с тобою
твой вожди,
Когда подступил враг?
Они за решеткой.
Заключены.

Их мало.

Их двадцать шесть.
И ночь не расколет
своей тишины

В Москву
донести весть.

Москва далека.

Высок Кавказ,
На море
надежда плоха...

Но
от советской власти отказ
Врагам ее
не услышать!

II

П У Т Ь

Белая рука меньшевика
Мягко стелет,
только жестко спать;

У эс-эра
поступь широка,
Да привык шагать он ею
всепять.

Вот и нет
советского следа,

Вот и власть рабочих—
не в чести,

Вот и надо—
Баку покидать,

Убегая,
 двадцати шести.
 Отчего же не встанет
 в грозный ряд?
 Отчего винтовок не сожмет?
 Он обманут,
 пролетариат,
 Залил мысли
 меньшевистский мед!
 Пароход
 от берега бежал,
 Уходил во мглу
 Азербейджан,
 Далеки на Астрахань пути,
 Топлива не хватит
 им дойти.
 Прямо —
 через море — Красноводск
 Лица у рабочих там —
 как воск.
 Эй, матрос!
 Не дело — сходи класть
 К пристани,
 где нынче белых власть.
 Не пройдет сквозь сети
 осетер,
 Моря хищник
 злюбен и хитер:
 Не ступай на сходни,
 большевик,
 Не уйдешь
 отсюда ты в живых!
 Нет! Ступили!
 Поднялись!
 Идут!
 От голов их
 не отвесьь беду.
 Не минует

вражеская месь
Лучших самых,
сильных —
двадцать шесть.

III

С М Е Р Т Ь

Телеграф в Красноводске
стучит...
стучит...
«Передать... в эту ночь...
от тюрьмы... ключи...
«Коммиссаров взять...
погрузить в вагон...
«Перевал» — «Ахча-Куйма»...
перегон».
В эту ночь весь край
в сон погружен;
Но не спит капитан
Реджинальд Тиг Джонс.
В окнах английской миссии
блещет свет,
В канцелярии миссии
ждут ответ.
И не спят шакалы
в песках степеней,
Слыша жалобный
перезвон цепей:
Их клыки стучат,
их глаза горят,
Шерсть встает у них —
слыша залпов ряд.
Ничего не видать
в эту алую ночь.
Безоружным
никто не придет помочь,

Но мы знаем:
 не дрогнет голос ничей,
 О пощаде
 не будет молить палачей.
 Телеграф в Асхабаде
 стучит...
 стучит...
 Загораются
 новой зари лучи.
 Капитан Тиг Джонс
 тушит свет:
 В канцелярии миссии
 есть ответ.

IV

КТО ПРЕДАЛ

Кто по тебе не горевал,
 Ахча-Куймынский перевал?
 Здесь каждый взор—суров и строг:
 Здесь цвет коммуны в землю лег.
 Он черные пески твои,
 Пустыня,
 кровью напоил...
 И не стереть с лица румян
 И в землю
 в страхе не зарыться
 Тому,
 кем предан Шаумян,
 Тому, кем предан Джанаридзе;
 Кто затаился, кто молчал,
 Кто вас обрек
 на мрак и гибель;
 Кто у тупого палача
 Из рук оружие не выбил;
 Тому, кто знал,
 что в этой тьме,

Что в этой ночи
 может крыться,
 Кто в это время
 мог и смел
 С английской миссией мириться.
 Вам нет имен!
 Вам нет имен!
 И нет для вас рукопожатья...
 Ваш общий список заклеим
 Брезгливым словом:
 «Соглашатель!»
 Но не стереть с лица румян
 И от проклятия не скраться
 Тому,
 кем предан Шаумян,
 Тому,
 кем предан Джанаридзе!

У

КТО УБИЛ

Ты гордишься
 военной выправкой.
 Капитан
 Реджинальд Тиг Джонс!
 Ты забыл, как,
 все слезы выплакав,
 Каменели глаза их жен!
 Ты теперь
 красуешься в Лондоне,
 Ты —
 на первых занят ролях:
 Нет вернее
 и верноподданней
 Офицера у короля!
 Беспокоиться
 нет тебе поводов:

Ты
 надежной покрыт рукой:
 Все орудия
 могучих дредноутов
 Охраняют твой покой.
 Ты скрестил
 руки доленные,
 Ты пригубил
 полный бокал...
 Вспомни:
 ночью... кровью соленой
 Также
 вымочил пасть шквал.
 Но не все
 королевской оперы
 Украшать тебе пурпур лож:
 И когда-нибудь
 смуглые докеры
 Приведут тебя в пот и в дрожь —
 И тогда,
 в последнем отчаянии,
 Вскинув браунинг
 у виска,
 Ты поймешь
 глухое молчанье
 Черной стени
 о павших в песках.

VІ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта песня писана
 в вашу честь:
 Эта песня о вас,
 двадцать шесть,
 Эта слава,
 знаю, еще слаба,

Это голос
проснувшегося раба.
Но ничей сапог
не наступит вновь
На пролившуюся
вашу кровь.
И в родном Баку
вы погребены;
Ваши кости —
гранит свободной страны.
И мой вольный стих
вашу смерть хранит.
Как венок дождась
на ее гранит.
Боль и гнев круша,
ночь и смерть круша.
Ваш последний шаг —
все звенит в ушах:
Той стране не пасть,
той стране цвести.
Где могила есть
двадцати шести!

РЕКВИЕМ

Если день смерк,
 Если звук смолк,
 Все же бегут вверх
 Соки сосновых смол.

С горем наперевес,
 Горло бедой сжав,
 Фабрик и деревень
 Заговори шаг.

— Тяжек и глух гроб,
 — Скован и смят смех,
 — Низко ль пригнать смогло
 — Горе к земле всех!

— Если умолк один,
 — Даже и самый живой,
 — Тысячами родин,
 — Жизнь, отмсти за него!

С горем наперевес,
 Зубы бедой сжав,
 Фабрик и деревень
 Ширься, гуди шаг;

Ближе плечом к плечу!
 Нашей ли широте,
 Пасынкам ли лачуг
 Жаться, осиротев!

Стой, спекулянт—смерть,
 Хрипный твой вой—жив,
 Нашего дня не смей
 Трогать: он весь жив!

С горем наперевес,
 Зубы тоской сжав,

Фабрик и деревень
Ширься, гуди шаг;

- Станем на караул.
- Чтоб не изонили враги.
- На самую
- Дорогую
- Из наших могил!

Если день смерк,
Если смех смолк,
Слушайте ход вверх
Жизнью гонимых смол.

С горем наперевес,
Зубы тоской сжав,
Фабрик и деревень
Ширься сплошной шаг!

РОССИЯ ИЗДАЛИ

Три года плавилась весна
Три года грохотали пушки,
И вот — в России не узнать
Цера и голоса кукушки!

Заводы встали, песни, днел,
Отрите каменные слезы:
В России — вора голодней
Земные груди гложет озимь.

Россия — ден, Россия — снл,
Россия — брошенный ребенок,
Россию, сердце, возноси
Руками песен забубенных.

Теперь там зори подил май,
Теперь там груди черных пашен,
Теперь там — голос подымай
И — мир другой тебе не страшен.

Теперь там мчатся ковыли
И говор голубей развешан,
И ветер ленту шевелит
Восторгом взмыленных черешен!

Заводы, слушайте меня —
Готовьте пламенные косы:
В России всходят зелени
И бредят бременем покоса!

МОСКВА

Тебе бы только кланяться,
Грудями о землю плюхать,
Растрепанная пьяница,
Замызганная плюха!

Ничьим слезам не верила,
Аршинном горе мерила,
Сбивала в сбитень слабых
На ярах, на ухабах.

Плыла опарой блинною
По ветру да по рынку;
Взрывала ночью длинною
Из ржавых труб Пеглинку.

Клялась крестом и золотом?!
Клянись серпом и молотом!
Казнись губной избою
От хмелю да разбою!

Твоя сплюснутая кабала
Кого от мук спасала?
Пока пылали купола,
Не золото — сусало.

Клялась грошом и верою —
Клянись шинелью серою!
Тугой лабазной пользой
В погах у сильных ползай.

Тот час пока не был еще:
Тебя мы, смывши строем,
И вылушим, и вылощем,
И снова перестроим.

И, грозный праздник праздника,
Над павших дней тоскою, —
Ты станешь нашей красною
Железною Москвою!

Г А С Т Е В

Нынче утром певшее железо
Сердце мне изрезало в куски.
Оттого и мысли, может, лезут
На стены, на выступы тоски.

Нынче город — молотами в ухо
Мне вогнал распевавший костыли,
Черных лестниц, сумерек и кухонь
Чад передо мною расстелив.

Ты в заре торжественной и трезвой,
Разогнавшей тленье тень и сон,
Хрипом этой песни не побрезгуй,
Зарумянь ей серое лицо.

Я хочу тебя увидеть, Гастев,
Длинным, свежим, звонким и стальным.
Чтобы мне — при всех стихов богатстве
Не хотелось верить остальным.

Чтоб стеклом холодных и спокойных
Глаз своих разрезами в сажень,
Ты б зашел за внешний подоконник
На моем девятом этаже.

Чтобы ты зарокотал, как жолоб
От бранчливых масевых дождей,
Чтобы мне не слышать этих жалоб,
С улиц, бьющих пылью в каждый день.

Чтобы ты сновал не снов основой —
Маяковским в яростном плену —
Чтоб ты шел, как в вихре лес сосновый,
Землю с небом струнами стянув.

Чтоб была строка твоя верна, как
Священная нуля Пастернака.

Чтобы кровь текла, а не стихи —
С Нарбута отрубленной руки...

Мы — мещане. Стоит ли стараться,
Из подвалов наших, из мансард,
Мукой бесконечных операций,
Нарезать эпоху на сердца?

Может быть, и не было бы пользы,
Может, гром прошел бы полосой,
Но глыбу: весь мир свивает кольца,
Немота железных голосов.

И когда я забиваю в зори
Этой песни рвущийся забой, —
Нет! — никто б не мог меня поспорить
С будущим, зовущим за собой!

Нет, не даром этот я влечу там
Чугуна и свежий скрежет пил, —
Это ты к расплывшимся лачугам
Комом песни к горлу подступил.

Я тебя и никогда не видел,
Только гул твой слышал на заре,
Но я знаю: ты живешь, Овидий
Горняков, шахтеров, слесарей.

Ты чего ж перед лицом врага стих?
Разве мы безмолвием больны?
Я хочу тебя услышать, Гастев,
Больше, чем кого из остальных.

КРАСНОАРМЕЙКА

С красной звездой на рукаве
В освободительный бой я иду,
Сохранилась из всех моих вер
Вера в красную звезду.

Я играю легко винтовкой,
Накинув шинель на плечо,
В руке моей крепкой — споровка,
А в жилах отвага течет.

Лишь редко в боевом напряжении
У горизонта далеко от земли
Я вижу, словно в сневиденьи,
Нежный, трогательный лик.

Не печаль меня взором укоряющим,
Изменившую невесту прости!
В райском саду нерасцветающем
Не суждено мне расцвести.

Я стала задорной и бравой,
Рвутся с уст буйнокрылые протесты,
Голове ли дерзко-кудрявой
Пойдет венец небесной невесты?

ТОВАРИЩ-ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ

Ты ласков и кроток со мной,
Союзники мы и друзья,
Как дружны твой конь вороной
И белая лошадь моя.

Мы вместе стреляем в цель,
На врагов вместе идем,
Отразился мой смех на лице,
На лице строгом твоём.

Когда на трибуну войдешь,
Безумствую, сердце кричит,
А на ухо слово шепнешь, —
Сердце сладко проколют лучи.

Товарищи, мы новобрачные,
В час отдыха после битв
В сердце примем небо прозрачно●
И сильные земных молитв.

Пойдут вперед наши души,
Ласкаясь, как прежде шли...
Но если в борьбе я струшу,
Пожалей меня — пристрели.

ГЛАВНАЯ УЛИЦА

Движутся, движутся, движутся, движутся,
 В цепи железными звеньями шнурятся,
 Поступью тулою грозно идут.
 Грозно идут,
 Идут,
 Идут,
 На последний, на главный редут!

Главная улица в напике бешеной.
 Бледный, трясущийся, словно помещанный,
 Страхом смертельным внезапно ужаленный,
 Мечется — клубный делец накрахмаленный,
 Плут — ростовщик и банкир продувной,
 Мануфактурщик и модный портной,
 Туз — меховщик, ювелир патентованный, —
 Мечется каждый, тревожно — взволнованный
 Гулом и криками, издали слышными.
 У помещений с витринами пыльными,
 Среди облигаций меняльной конторы, —
 Русский и немец, француз и еврей,
 Пробуют песни, сигналы, заборы:
 — Эй, опускайте железные шторы!...
 — Скорей!...
 — Скорей!...
 — Скорей!...
 — Скорей!...
 — Вот их проучат, проклятых зверей,
 Чтоб бунтовать зареклися навеки!
 С грохотом падают тяжкие веки
 Окон зеркальных, дубовых дверей.
 — Скорей!...
 — Скорей!...
 — Что же вы топчетесь, будто калеки?

Или измена таится и тут?!

Духом одним с этой сволочью дышите!

— Слышите?...

— Слышите?...

— Слышите?...

— Слышите?...

— Вот они!... Видите?... Вот они, тут!...

— Идут!...

— Идут!...

С силами, зревшими в нем, необъятными,

С волей единой и сердцем одним,

С общей болью, с кровавыми пятнами

Алых знамен, полыхавших над ним,

Из закоулков.

Из переулков

Темных, размытых, разрытых, извилистых,

Гневно измстив свои тысячи — жилистых,

Черных, корявых, мозолистых рук,

Тысячелетиями связаный, скованный,

Бурным порывом прорвав заколдованный,

Каторжный круг,

Из запотелых фабричных окраин

Вышел на улицу новый хозяин.

Вышел и все изменилось вдруг:

Дрогнула, замерла Улица Главная,

В смутно-тревожное впаив забытье. —

Воля стальная, рабоче-державащая,

Властной угрозой сковала ее:

— Это — мое!!

Улица эта, дворцы и каналы,

Банки, пассажи, витрины, подвалы,

Золото, ткани, и еда и питье, —

Это — мое!

Библиотеки, театры, музеи,

Скверы, бульвары, сады и аллеи,

Мрамор и бронзовых статуй литье, —

Это — мое!!

- Всем ответила Улица Главная.
 Стал богатырь. Загражден ему путь.
 Хищных стервятников стал бесславная
 Когти вонзила в рабочую грудь.
 Вмиг оцетнились пытками и пиками,
 Главная Улица — страх позабыт! —
 Вся огласилась волями дикими,
 Гиком и руганью, стонами, криками.
 Фырканьем конским и дробью копыт.
 Прислули злобные, пьяные найки
 Из полицейских, жандармских засад:
 — Р-рысью... в атаку!
 — Бери их в нагайки!
 — Бей их прикладом!
 — Гони их назад!
 Шанкою, шанкой, которые с флагами,
 Чтобы вперед не собирались ватагами,
 Знали б, ха-ха, свой станок и верстак,
 Мать их растак!...
 — В мире подобного нет бедобразия!
 — Темная масса.
 — Татарщина!
 — Азия.
 — Хамы!
 — Мерзавцы!
 — Скоты!
 — Подлецы!
 — Вышла на Главную рожа суконая!
 — Вышла им жандармерия конная!
 — Славно работали тоже доицы!
 Видели лозунги?
 — Да, ядовитые!
 — Чернь отступала, заметьте, грозил.
 — Правда ль, что есть среди рабочих убитые?
 — Жертвы... Без жертв, моя прелесть, нельзя!
 — Вирок ли пойдут им уроки печальные?
 — Что же, дорвутся до горшей беды!

Вновь засверкали витрины зеркальные,
 Всюду кровавые смыты следы.
 Улица, злого полна ликования,
 Залита светом вечерних огней.
 Чистая публика снова на ней,
 Чавкает с пошлю-тупою беспечностью,
 Меряя срок своих чавканий вечностью,
 Веруя твердо, что с рабской судьбой
 Стерпится, свыкнется «хам огорошенный».
 Что не вернется разбитый, отброшенный,
 Глухо рокошующий где-то прибор!

Снова...

Снова...

Бьет роковая волна...

Гнется гнилая основа...

Падает грузно стена.

— На!...

— На!...

— Раз-два,

Сильно!!

— Раз-два,

Дружно!!

— Раз-два,

В ход!!

Грянул семнадцатый год.

— Кто там?

Кто там

Хнычет испуганно: — «стой?!»

— Кто по лихим живооглотам

Выстрел даст холостой?

— Кто там виляет умильно?

К чорту господских пролаз!

— Раз-два,

Сильно!!

— Еще

Раз!!

— Нам подхалимов не нужно.
Власть — весь рабочий народ!

— Раз-два,
Дружно!!

— Раз-два,
В ход!!

— Кто нас отсюдова тронет?
Силы не сыщется той!

Главная Улица стонет
Под пролетарской пятой!!

Э П И Л О Г.

Петли, узлы — колен исторической...
Пробил — второй или первый? — звонок.
Годы мучений, борьбы титанической,
Вот наш победный, терновый венок!

Братья, не верьте баюканью льстивому:
— «Вы — победители, падаем ниц!»
Хныканью также не верьте трусливому:
— «Нашим скитаньям не видно границ!»

Пусть наша Улица будет задворками
Перед Проспектом иным, Мировым.
Разве не держится он лишь подпорками
И обольщеньем, уже не живым?

Мы, наступая на нашу на Главную,
Разве потом не катился всякий.
Но, отступая пред силой неравною,
Мы наступали. Опять и опять.

Красного фронта всемирная линия
Пусть перерывиста, пусть не ровна,
Мы ль разразимся словами уныния?
Разве не крепнет, не крепнет она?

Стойте ж на страже добытого муками,
Зорко следите за стрелкой часов,

Даль сотрясается бодрими звуками,
Гролом живых, боевых голосов.

Братья, всмотритесь в огни отдаленные,
Вслушайтесь в дальний рокочущий шум:
Это резервы идут закаленные!
Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!

Двигутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями движутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут,
На последний, всемирный редут!!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ МАРСЕЛЬЕЗА

Мы — пожара всемирного пламя,
 Молот, сбивший оковы с раба.
 Коммунизм — наше красное знамя,
 И священный наш лозунг — борьба.
 Против гадов, охрипших от воя,
 Пожиравших все наши труды,
 Для последнего страшного боя
 Мы сомкнем трудовые ряды.

Кто честен и смел, пусть оружие берет!
 Свергай кабалу мироеда!
 Нас ждет или смерть или победа,
 Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Наших братьев погибших миллионы,
 Матерей обездоленных плач,
 Бедняков искалеченных стоны —
 Скажут нам, где укрылся палач.
 Пусть же знают, укрывшись в палаты,
 Кто служил золотому тельцу,
 Что настал час жестокой расплаты
 Кулаку и банкиру дельцу.

Кто честен и смел, пусть оружие берет
 (и т. д.)

Всем насильникам воли народной,
 Всем кормившимся нашим трудом,
 Всем, кому был статьею доходной
 И завод, и молитвенный дом,
 Всем, чьих прибылей ради разбойных,
 Наша кровь и текла, и течет —
 Умиравшие, гнившие в войнах,
 Неоплатный предъявим мы счет.

(Привев).

Нам грозят еще гнусные гады,
 Но уж пробил последний их час,
 И не будет в бою им пощады,
 Им, не знавшим пощады для нас.
 Пусть не знают бойцы сострадания,
 Чтобы враг обмануть нас не мог.
 На развалинах старого зданья
 Возведем мы наш светлый чертог.

(Припев).

Никакая на свете работа
 Для мозолистых рук не страшна.
 Но ничья от народного пота
 Не разбухнет уж больше машина.
 Хищный плут будет жадничать втуне.
 Не пабьет он своих сундуков.
 В трудовой пролетарской коммуне
 Нет богатых и нет бедняков!

(Припев).

Против общего злого вампира,
 Против шайки попов и господ
 Встаньте, все пролетарии мира,
 Обездоленный черный народ!
 Встаньте, рыцари нового строя!
 Встаньте, дети великой нужды,
 Для последнего страшного боя
 Трудовые смыкайте ряды!

Кто честен и смел, пусть оружие берет.
 Свергай кабалу мироеда!
 Нас ждет или смерть или победа,
 Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Осада! Осада!
 Бойцы Петрограда,
 Привет вам из красной Москвы!
 Восторженных слов говорить вам не надо.
 Бойцы Петрограда,
 Победу решаете вы!

Скажу ль вам, героям:
 Мы силы устроим?
 Нет числа, нет меры такой,
 Чтоб вашу отвагу измерить, исчислить.
 Кто может помыслить,
 Кто смеет помыслить —
 Схватить вас за горло рукой?
 Безумец какой?

Вся барская свора,
 Вся челядь — онора
 Своих благодетелей, бар —
 На вас наступает в неистовство яром.
 Бойцы Петрограда, вы встали не даром:
 Врагу вы ответите мощным ударом.
 Удар — на удар!

И снова, и снова,
 За Питером слово:
 Он первый к победе укажет нам путь.
 Разбив своим молотом барскую шнагу,
 Ему суждено боевую отвагу
 В полки, утомленные боем, вдохнуть.

В тяжелую пору,
 Готовясь к отпору
 Врагам, угрожающим ей,
 Москва встает за Питером, твердым и смелым,
 По вражеским ордам, и черным и белым,
 Ударит всей мощью своей!

Осада! Осада!
Бойцы Петрограда,
Привет вам из красной Москвы!
Восторженных слов говорить вам не надо,
Бойцы Петрограда,
Победу решаете вы!

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГУДОК

Прорезал призыв твой тревожный и грозный
Глубокою ночью воздух морозный:

«Вставай, поднимайся, рабочий народ.

Смертельный твой враг — у ворот!».

Твой голос, стозвучным подхваченный гудом,
Звучал, как набат, над трудящимся людом:

«Вставай, поднимайся, рабочий народ.

Насильник стоит у ворот!».

Твой клич повторил пролетарий всесветный,
Доносит к нам его голос ответный:

«Проклятье злодеям, творящим разбой.

К оружию, народ трудовой!».

Услышав твою боевую тревогу,

К нам рать трудовая спешит на подмогу,

И, слыша ее сокрушительный шаг,

Трепещет зарвавшийся враг.

Священные храмы труда и свободы,

Застыли в суровом молчаньи заводы,

Проходят пред ними в щетине штыков

Ряды пролетарских полков.

Гуди же, гудок! Всему миру поведай,

Что все мы умрем или вернемся с победой:

«Вставай, поднимайся, рабочий народ.

Смертельный твой враг — у ворот!».

П Е Т Р О Г Р А Д

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия!

А. С. Пушкин.

Среди лесов, среди болот
Возникший волею державной,
Самодержавия оплот,
Гордился ты судьбою славной,
Своей твердыней боевой,
В гранит окованной Невой,
Дворцов массивными рядами,
Великолепными садами,
Нарядным видом площадей,
Двора изысканностью чванной,
Пирами, блеском знати пьяной,
Рысистым бегом лошадей,
Лоскутьями знамен победных
И рабской преданностью бедных.
Нуждой измученных людей.

Но пробил судный час. И ныне
Настал конец былой гордыне.
Ты чашу горькую испил
И, возродившись к жизни новой,
В борьбе мучительно-суровой
Грехи былые искупил.
Оплотом власти став народной,
Омыт кровавою росой,
Свободный страж страны свободной,
Ты над Невою поливоводной
Сияешь новою красой.
Исполнен мощи пролетарской,
Напор врагов преодолев,
От барской челяди и царской

Ты отбиваешься, как лев.
 На мощный плуг, идущий новью,
 На каждодневный подвиг твой,
 На стяг твой, весь облитый кровью,
 Смотрит с тревогой и любовью
 Весь пролетарий мировой.

Самодержавья первый крестник,
 Сын, свергший отчий производ,
 Ты — новой жизни провозвестник,
 Ты — строя нового символ.
 Тобой прославленному веку
 Ты имя дашь. Пройдут года,
 И все паломники труда
 В коммунистическую Мекку,
 В святынь своих живой заслон,
 Стекаться будут на поклон.

Среди раскованной России,
 Средь взбунтовавшейся стихии,
 Стоишь ты грозною скалой.
 Нет, никогда железной выи
 Не сложишь ты пред птицей злой, —
 Винов не совет орел двуглавый
 В тебе проклятого гнезда!

Взметни же в высь твой стяг кровавый,
 И пусть немеркнушею славой
 Нам светит красная звезда!

ЮНОЙ ГВАРДИИ

Время темное, глухое...
И забитость, и нужда...
Ой, ты времечко лихое,
Мои юные года!

Перед кем лишь мне, парнишке,
Не случалось спину гнуть?
К честным людям, к умной книжке
Сам протапывал я путь.

Темь. Не видно: ров иль кочка?
Друг навстречу или гад?
Сиротливый одиночка,
Брел я слепо, наугад.

Вправо шел по бездорожью,
Влево брел наискосок, —
И дрожал пугливой дрожью
Мой незрелый голосок.

Нынче красной молодежи
В дядьки я уже гоюсь.
На ребяческие рожи
Все гляжу — не наглядюсь.

Зашумит ли резвым роем
В светлых залах новых школ,
Наль пройдет воснным строем
Предо мною Комсомол.

Я, состарившись наружно,
Юным вновь горю огнем:

— Гей, ребятки! В ногу! Дружно!
Враг силен. Да шут ли в нем?

Враг стоит пред грозной карой,
Мы — пред заревом побед!
Юной гвардии от старой
Героический привет!

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Былых господ прогнавши взащей,
Мы знаем: есть страшнее враг, —
Мы по пути к победе нашей
Свершили только первый шаг.

Страшнее барской шайки дикой
Нас изнурившая нужда.
Вперед же, войны великой
Единой армии труда!

Отбив рукой вооруженной
Всю злую, вражескую гнусь,
Спасем работой напряженной
Коммунистическую Русь.

Работать все станки заставим,
Исправим все и пустим в ход, —
И от смертельных мук избавим
Нуждой измаянный народ.

Мы деревушкам скажем черным:
— «Довольно жутких, темных зим!
Себя трудом, трудом упорным,
Мы к светлой жизни воскресим!»

Есть на Руси один хозяин —
Народ свободный, трудовой,
С рабочим пахарь кровно спаян
Одною спайкой боевой.

В одном строю — герой с героем —
Шли в бой, опасности деля.
Вперед же, братья, бодрым строим!
Свои заводы мы откроем,
Свои запашем мы поля.

Свои богатства мы умножим
И возрастим свои плоды,
У общих фабрик горы сложим
Из торфа, угля и руды.

Жизнь забурлит живым потоком,
Не зная вражеских запруд,
И мы, в спокойствии глубоком,
Окинув Русь хозяйским оком,
Благословим наш общий труд!

Б Р А Т Ь Я М

(Международному пролетариату)

Братья!

Час наступил торжественно-тревожный,
Последний час решительной борьбы,
Чей приговор жестоко-непреложный
Неотвратим, как приговор судьбы.
Сомкнулся круг, и спаяны все звенья.
Все взвешено и все предрешено.
Пылливый дух не ищет откровенья:
Оно уж есть, оно уж нам дано.
Есть цель одна у подлых слуг монарших,
Иная цель у рати трудовой.
И сила вся у вас, у братьев старших,
Нас поддержать или выдать головой.
Мы дали бои всем злым своим тиранам,
Не пощадив ни одного дворца.
Мы бились, не зная счета ранам,
Мы бились и бьемся до конца.
И если мы падем в борьбе неравной,
И если наш пробьет последний час,
Позор не нам, идущим к смерти славной,
А вам, кто мог спасти нас, и не спас.
Но в грозный час, пред вражескою кликой,
Пред бурей и огненным дождем,
Сражался с насильем шайки дикой,
Мы веры все еще полны великой:
— Час наступил! Мы верим вам и ждем.

В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

1 мая 1918 года

Еще не все сломили мы преграды,
 Еще гадать нам рано о конце.
 Со всех сторон теснят нас злые гады.
 Товарищи, мы — в огненном кольце!
 На нас идет вся хищная порода,
 Насильники стоят в родном краю.
 Судьбою нам дано лишь два исхода:
 Иль победить, иль честно пасть в бою.
 Но в тяжкий час, сомкнув свои отряды
 И к небесам взметнув наш алый флаг,
 Мы верим все, что за кольцом осады
 Другим кольцом охвачен злобный враг, —
 Что братская к нам скоро рать пробьется,
 Что близится приход великих дней,
 Тех дней, когда в тылу врага сольется
 В сплошной огонь кольцо иных огней.
 Товарищи! в возвышенных надеждах
 Кто духом пал, отрады не найдет.
 Позор тому, кто в траурных одеждах
 Сегодня к нам на праздник наш придет.
 Товарищи, в день славного кануна
 Пусть прогремит наш лозунг боевой:
 — Да здравствует всемирная коммуна!
 — Да здравствует наш праздник трудовой!

ПЕЧАЛЬ

Дрожит вагон. Стучат колеса.
Мелькают серые столбы.
Вагон, сожженный у откоса,
Один, другой... следы борьбы.
Остановились. Полустанок.
Какой? Не все ли мне равно?
На двух обгоревших цыганок
Гляжу сквозь мокрое окно.
Одна — вот эта, что моложе —
Так хороша! В глазах огонь.
Красноармеец, рваный тоже,
Пред нею вытянул ладонь.
Гадалки речь вперед знакома:
Письмо, известье, дальний путь...
А парень грустен. Где-то дома
Остался, верно, кто-нибудь.
Колеса снова застучали.
Куда-то дальше я качу.
Моей несказанной печали
Делить ни с кем я не хочу.
В чему? Я сросся с бодрой маской.
И прав, кто скажет мне в укор,
Что я сплошною красной краской
Пишу — и небо, и забор!
Души неясная тревога
И скорбных мыслей смутный рой —
В окраске их моя дорога
Мне жуткой кажется порой.
О, если б я в такую пору,
Отдавшись власти черных дум,
В стихи оправил без разбору
Все, что идет тогда на ум!

Какой восторг, какие ласки
 Мне расточал бы вражий стан,
 Все, кто исполнен злой опаски,
 В чьем сердце траурные краски,
 Кому все светлое — обман.

Не избалован я судьбою.
 Жизнь жестоко меня трясла.
 Все ж не умножил я собою
 Печальных пыток числа.
 Но полустанок заходистый...
 Гадалки эти... Ложь и тьма...
 Красноармеец этот грустный
 Все у меня нейдет с ума!
 Дождем осенним плачут окна.
 Дрожит расхлябанный вагон.
 Свинцово-серых туч волокна
 Застлали серый небосклон.
 Сквозь тучи солнце светит скудно,
 Уходит лес в глухую даль,
 И так на этот раз мне трудно
 Укрыть от всех мою печаль!

О ДОХЛОЙ КОБЫЛЕ

(История, на истинном происшествии основанная)

Извозчик чмокал: — «Но! Но-но!
У, язва! Чтоб тебя...»

Но тощая кобыла
Былую прыть давным-давно,
Давным-давно забыла.

Шажком кой-как плелась она

И, наконец, утомлена

Поездкою — не так уж длинной —

Свалилась на Пеглининой.

Ушел седок, извозчика браня.

Куда-то, вслед за ним, судьбу свою кляня,

Извозчик на себе увез пустые дроги.

А кляча мертвая осталась средь дороги.

Мир праху твоему,

Ненужная уж больше никому.

Ненужная? Не тут-то было!

Какой тут к чорту прах и мир!

За клячу дохлую ветушили в спор —

Главжир,

Центроутил, Главкость, Главшерсть,

Главмыло...

Сначала главков пять или шесть,

А после — трудно перечесть.

В Высовнархоз вошла с докладом Химоснова,

Решали что-то там, перерешали снова,

Потом вернули весь доклад

Назад

Для исправленья

И направленья

«По принадлежности» — в Центральный
Химотдел.

По той порой Главтук — он дохлой клячи
тоже

Не проглядел:

— «Статья такая-то, стотысячный раздел...»

— «Но это же подвох!» Шум поднялся
в Главкоже,

А Наркомздрав послал запрос в Наркомвнудел.

Что заварилось, правый боже!

Кобыла дохлая лежит на мостовой...

Никто, никто о ней не думал, о живой,

А дохлая — она для всех дороже.

Заволиновалась вся Москва,

А по районам всем пошла такая склока,

Что, отложив стихи и Брюсова и Блока,

Москвы излюбленный глава,

Тишайший Каменев, в порядке крайне
срочном,

Быв вынужден созвать Московский весь

Совет,

Рек с изумлением в собрании полномочном:

— «Слух ходит, что в Москве порядка,
дескать, нет, —

«Что третий месяц на исходе,

«Как в ошарашенном народе —

«Догадки всякие плоди.

«Служа источником тревоги,

«У самого Кремля — к ТЕО не доходя —

«Кобыла дохлая лежит среди дороги!»

Совет весь загудел, что надо внести
запрос:

— «Чего же смотрит Наркомпрос?»

— «У театрального отдела

«Кобыла окодела!...»

Когда же выпылю, что, сверх такой беды,

Из-за кобылы той средь главков нелады,

Заволиновались депутаты,

Пошли горячие дебаты:

Кому, когда, куда кобылу убирать?

Как помирить враждующие главки?
 Ведь не на улице ж кобылу раздирать.
 В ход были пущены и пшильки, и булавки, —
 Неслися выкрики: холера! тиф! чума!
 Немало было тут проявлено ума
 И боевого пыла.
 К порядку призваны звонком,
 Все под конец сошлись на выходе таком:
 — «Ввиду того, что дохлая кобыла
 «На территории лежит,
 «Которая принадлежит
 «Московскому Совету,
 «Перевезти кобылу эту
 «С Неглинной улицы»... Не помню уж, куда.
 Неважно, в веденье Главжпра или Глав-
 мыла, —
 Не в этом суть, а в том, что дохлая
 кобыла —
 Искали — не нашли! — пропала без следа.
 Хотя в розысках ее сто ведомств
 подвизалось,
 Веди из-за нее ожесточейный спор,
 Но на Неглинной до сих пор
 Кобыльей косточки нигде не оказалось.
 В Москве другой уже, вновь избранный,
 Совет,
 Но славки злой враждой пылают, как
 пылали.
 Не о кобыле спор, о той, которой нет,
 А спор идет о том, кобыла-то была ли?
 Но на допросе в ВЕ-ЧЕ-КА
 Каких-то два отнелых смельчака
 (Держать их надо на примете!)
 Они, однако же, клялися всем на свете:
 — «Кобыла дохлая была!
 «И на Неглинной, — да, к Воздвиженке
 с угла, —

«Лежала две или три недели,
Пока ее собаки всю не съели!»

Вот узел. Разрубить его каким мечом?
Рубите, кто горазд. А я здесь не при чем!

КРЕЩЕНИЕ

Дьячок Кирилл да поп Ипат
У старенькой купели
Под писк ребят
Козлами пели.

Кто думал про детей, а батя — про отцов:

— «Ужотко проучу я этих подлецов:
Довольно мне они, злодеи, насолили.
Церковный сенокос и поле подсадили.
На требы таксу завели...

Приходится сидеть, как раку, на мели:
Нет ни почету, ни доходу!»

С перекосившимся от злой усмешки ртом
Поп ребятишек в воду

Стал погружать гуртом:

— «Во имя... Отца... и Сына... и Святого
Духа...

Крещаются младенцы: Голиндуха...

Евил... Хуздазад... Турвоп...

Дупп... Кирса... Сакердон...

Ексакостудиян... Проскудия...

Коздоя...»

Чрез полчаса

В деревне шум стоял от ругани и воя.

Ермил накинудся на кума, на Сысоя:

— «Кого же ты носил крестить: дите,
а ль пса?

Как допустил его назвать ты... Сакердоном?»

В другом конце сцепился Клим

с Антоном:

— «Как, ты сказал, зовут мальчика?»

На куме не было лица.

— «Эк... сам... — уставился бедняк убитым
взглядом

На разъяренного отца: —

Как, бинь, его... Кума с попом стояла
рядом...

Эх... сам...»

— «Что сам? Крестил, аль что? Ты,
леший, пьян!»

— «Я? пьян? Ни боже мой! — Кум жалко
усмехнулся: —

А крестничка зовут: Эк... сам... кустом...
Демьян!»

— «Сам под кустом Демьян?! Ай, братцы!
Он рехнулся!»

Пров кума своего на все лады честил:

— «Ты ж где, подлец, в лесу дите мне
окрестил.

Аль у соседского овина?

Как, повтори, зовут мальчика?»

— «Ху... Хуздазад!» —

— «Что? Сам ты — Хуздазад! Вон со двора,
скотина!

Неси дите назад!»

— «Ай! — Кузькина жена в постели горько
билась: —

Какого Ёвпла мне, кума, ты принесла?

Ёвпл!... Лихоманка б вас до смерти
затрясла!» —

У Сурина Паума

За Голиндуху так благодарили кума,

Что, не сбежись народ на шум,

Крестины век бы помнил кум.

«При чем тут кумовья? Опричь пона

Ипата, —

Мне скажут, — ни одна душа не виновата.
 Пожалуй, что и так. Хоть есть слухок,
 что пон,
 Из кумовой понав кому-то под ослоп,
 Ссылатся пробовал на святцы,
 Но... Я при этом не был, братцы!

А Л Т Ы Н Н И К И

В Москве, в Рогожско-Симоновском районе, торговцами пожертвовано в пользу голодающих волжан всего-на-всего 45 коп. серебром и один кожан капусты.

Из отчета.

— «За именинницу!»

— «Ур-ра!»

— «Ур-ра!»

— «Ур-ра!»

— «Парфентьевна, всего!»

— «Мерси вас!»

— «Дай вам, боже!»

«Сысой Сысойч, э, ты что же?

Пей водочку до дна!»

— «Уж больно, брат, остра».

— «Отвык, хе-хе?»

— «Отвык».

— «Привыкнешь, милый, снова.

Торговля как?»

— «Нельзя сказать худого слова».

— «А ну-ко-ся под осетра».

— «Я под икорочку».

— «М-да, знатная икра!»

— «Нет, вы севрюжники попробуйте,
какая!»

— «Сыр, не угодно ль, со слезой?...

Сысой Сысойч... э... Сысой!

Не допиваешь, брат, не дело».

— «Чего не допил? Перепой!»

— «С такой-то малости? Едва ли.

Уж мне ль не помнить, как с тобой

В былое время мы пивали!»

— Вот-на!» —

Поскреб Сысонч темя:

«Так то ж в былое время!»

— «Эй, старина,
Да ты в уме ли?» —

Все гости сразу зашумели:

— «Чем плохи нынче времена?

Так расторгнемся...»

— «Сысонч, брось лукавить.

Пред кем ломаешься? Ты говори, как
есть:

Прибытку, чай, наскреб вчера мильёпов
шесть?»

— «Мильёпов шесть, хе-хе, да шесть еще
прибавить!» —

Ослабился Сысой: «и то сказать, вчера

От покупателей с утра

В Москве ломались магазины.

Ведь что ни дом, то именины».

— «За р-риваляцию... ур-ра!!»

Вдруг у какого-то купчины

С отрыжкой выпер тост из самого нутра,

— «За р-р-риваля-ца-ю!!» Купцы хватили
дружно,

А громче всех хватил Сысой:

— «Теперь особенно считаться нам
не нужно

Со всякой сволочью босой!»

— «Чтоб ей подохнуть, окаянной!!»

Тут с рожей плачущей, притворно-
покаянной,

Стал обходить Сысой гостей,

Протягивая им тарелку из-под каши:

— «По-дай-те, милостивцы наши.

Для голодающих волжан и их детей!»

— «Что?! Ох-хо-хо-хо-хо!»

— «Ох, в рот те сто чертей!»

— «Ой, уморил нас, шут плешивый!»

— «Ой!»

— «Ой! — за животы хватались
кунцы:

— «Ты сам-то... жертвовал?»

— «По-жертвовал, отцы...
Пятиалтынничек... фальшивый!»

Я мог бы дать мораль, и даже не одну!

Но дело вовсе не в морали, —
И соль не в том, что мы в гражданскую
войну

Не дочиста (пока!) Сысоев обобрали, —

Нет, не к тому я речь веду.
Сысоев много ли? Сысой на виду.
И будь все горе в них, мы б их прижали
разом.

Но вот Сысойчики... Густую их орду

Окинуть трудно глазом.

Для революции стократ

Орда сысойчиков опасней!

Как с ними справиться, не скажешь, крат-
кой басней, —

Тут надобно писать не басню, а трактат.

Прибавлю все-таки алтыннику Сысою,

В честь «риваляции» кричащему ура:

— «Сысой, прошла твоя цветущая пора.

Смерть за тобой стоит с косою.

Ты и сысойчики — вы ожили на срок,

Но вас не пощадит неотвратимый рок.

Настанет некий час, «его же вы не весте»,

Час пролетарского суда,

Победный, грозный час, когда

Вы вашей подлости плоды пожнете вместе!»

БОЕВАЯ ЛЕНИНСКАЯ

Труд, труби, труд, труби,
Труд, труби
В трубу.
Бей, барабан, бей, барабан,
Бей, барабан,
Борьбу.

Жалких слов бесстыдную ораву
Враг наш выбросил, радость жуя,
Эй, пролетарии! Грядемте славу,
Славу Ленину,
Свергающему буржуа.
Знаем мы, что ленинское сердце
В каждом восставшем рабочем живет.
Мы еще увидим
Ленина в красноармейце,
Штык воизающем
В панский живот.
Мы его увидим
В траурной мессе,
Мессе о каждом свергнутом короле,
Или в рабе,
Сжигающем поместье
На потрясаемой в битве земле.
Ленин жив
Во вражеской брани,
В каждой стачке, в уличной борьбе.
Мы его увидим
В каждом восставши,
В каждой битве под знаком РКП.
Если б знали — бились лбом бы

Сотни поющих ныне подлиз.
 Ох, как грохнут буйные бомбы,
 Волей Ленина
 Брошенные в капитализм!
 Сколько Лениных, сколько знакомых,
 Сколько будет
 Живых Ильичей
 Во всесветных наших ревкомах,
 Завоеванных
 Без
 Речей!
 Нынче он — ленинизм —
 В рабкоре
 Или в пониженных ценах сапог, —
 Будет день:
 Сегодняшнее горе
 В радость революции выльет Восток.
 Нынче он
 В работающем тресте,
 В деле смычки, в мелочи любой, —
 Будет день:
 Вселенское поместье
 Мы построим этой борьбой.
 Нынче Ленин — молнией
 И громом
 На бесхозяйственность в наших рядах, —
 Завтра он —
 Всемирным Совнаркомом
 Подымает ленинский стяг.
 Пролетарии! Слезы льются.
 В даль глядите:
 Вам крича,
 Машет Ленин.
 — Всемирную революцию
 Воздвигай
 Над гробом Ильича!
 Ной, греми рабочим восстаньем!
 Болью боль — борьба борьбой.

Это мы сегодня с тобой
Боевую
Ленинскую грлнем:
— Труд, труби,
Труд, труби,
Труд, труби
В трубу.
Бей, барабан,
Бей, барабан,
Бей, барабан,
Борьбу.

ПАРТЫЗ-ЛЕТ

Есть старенькие, старенькие мамы...
 Пусть мы в борьбе сжигаем наши дни,
 Они вдруг в памяти, наполненной громами,
 Мелькнут, как чуждые, но теплые огни.

И вспомнится тогда не матерь санкюлотов,
 Несущая сама винтовку и плакат,
 А та, кому страшней, чем сто переворотов,
 Что непослушный сын
 Не выпил молока...

Мама —
 Она не становится хуже
 С соской ли ты, с бородой ли.
 Вечно в глазах ее мечется ужас
 Перед сыновнею долей.

Мама —
 Она постоянно грустит
 И убивается вечно.
 Ей не понять, что иные пути
 Сотнями солнц расцвечены...

Помню, как много доставил ей мук я
 В дебрях мальчишеских лет.
 Помню, как с братом из детского лука
 Расстреливал царский портрет.

Помню, как я объявил голодовку,
 А голодать мне лишь час пришлось!
 (Так я впервые провел забастовку
 За пачку отобранных папирос...)

Помню, я вырос, — а мама рыдала:
 — Мальчик за книжкой ночи не спал...

Но перестала, узнав, что читал я
Трезвую книгу —
«Капитал»...

О, мама, мама, где твои примочки!
От трезвой книги протрезви скорей!
Ведь становился я от каждой строчки,
От слова каждого пьяней.

И вот теперь, за повод дней берусь я,
За повод дней, что раньше нас влекли.
Иду на мир — и на тебя, мамуся,
Я, пьяный радостью властителей земли.

Но с тех же пор... Как поют грудь и плечи!
Я, бывший мальчиком самой весны резвей
И пьяный юностью, простою, человеческой,
От строк безжалостных навеки протрезвел.

И вот умею я все видеть так, как надо.
Лучами глаз своих пронзить любой покров:
Провидеть в фабрике — веков грядущих радость,
Увидеть в золоте — сочащуюся кровь...

И знаю: не один за повод дней берусь я.
Тьма тем фабричных рук их к солнцу повели.
Иду, иду на мир — и на тебя, мамуся,
Я, трезвый мудростью властителей земли.

И вот, недавно,
Заехал к маме
Из нового, ячейкиного дому.
Милыми, старческими глазами
Глянул в глаза мне тихонький омут.

Те же у матери радости, беды...
— Хлеб вздорожал, и посуда, и нитки...
Только подчас мой отец за обедом
Говорит о высокой политике.

Мама вновь: молоко, яички...
Только буркнет мельком иногда:
— Знаешь, сын? Я сама большевичка,
Коммунисткой же быть... никогда!

Пли вдруг просияет надеждой.
В уголке где-нибудь сидит
Над моею драной одеждой,
Бубнит:

— «Капитал» ты читал, — не нажил.
Да и не наживешь, поверь.
Но дорога тебе не одна же?
Побыл в партии — будет теперь...

Приезжай к нам, сыночек милый,
Убил ты ведь лучших семь лет.
Приедешь — варить будешь мыло...
Брось... билет!

И однажды, при помощи брата,
Выкрала мой партбилет
И, его в закоулок запрятав,
Расцвела, как маков цвет.

Я же, дерзкий, голову старую
К мощной прижал груди:
— Мама, ты слышишь ли эти удары?
Что там гудит?

Я глядел ей во след, ушедшей...
Ну, что ей увидеть, слепой?
Наверно, сочтет сумасшедшим...
Пьяным собой...

Не понять ей, старенькой маме,
Пятнышку в нашей борьбе,
Что пошу партбилет не в кармане, —
В себе.

О ШАПКЕ

Троцкому.
Молодежи.

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умсет за каждой мелочью
Революцию Мировую найти.

Кто о женщине. Кто о тряпке.
Кто о песнях прошедших дней...
Кто о чем.
А я — о шапке,
Котиковой,
Мосей.

Почему в ней такой я гордый.
Не глаза ведь под ней, а лучи.

Потому, что се
По ордеру
Получил.

В девятнадцатом, в Киев, на отдых,
Я, усталый, приехать смог,
И покою два дня лишь отдав,
На третий — в окопы лег.

Мы, голодные, жизнь творили!
Но знали: есть голод — волк.
В этот день мы без пуль покорили
Восставший девятый полк...

Да, о шапке...
 И вот оттуда
 Голодранцем в Москву припер
 И в ЦеКа получил, как чудо,
 Ордер
 «На головной убор».

Ордер этот
 В оханку.
 В Распределитель путь.
 Получил я там — летом! —
 Шапку
 Котиковую,
 Не какую-нибудь...

И теперь вот, сейчас, сегодня
 Мимо салом заплывших витрин
 Я шагаю, знаменем поднимая
 Шапку военных годов.

И теперь, что-нибудь покупая,
 Выбирая ли, роюсь в вещах,
 Я об ордере прежнем мечтаю
 И новых, идущих днях.

И прочтя бюллетень о банкноте
 Или весть о борьбе биржевой,
 Я гляжу на встревоженный котик
 С думой грозовой:

Пусть катается кто-то на форде,
 Проживает в десятках квартир...

Будет день:
 Мы предъявим
 Ордер
 Не на шапку —
 На мир.

ПЕТР СМОРОДИН

Не прославим — покажем того,
Кто заводской чеканкой высечен.
Я хочу показать одного,
Чтобы в нем говорили тысячи.

Этот гимн Комсомольской Весне
И стальной большевицкой породе
Назову я не песнью песней,
А просто:
Петр Смородин.

1

Живая струя потока.
Рабочий.
Комсомолец.
Коммунист.

Вот он:
По паспорту — токарь,
А по анкете — цекист.

2

Знаю: в пути его
Столько нагрузки!
День перейти
Словно взять окон.

Ах, у Прошлого такой узкий,
Каменный, тупой лоб!

Думало, можно такого
Выжать, скрутить, одолеть

Грохотом станковым
И, подымающим плеть,
Гнетом, трудом острожным...

А он доказал ему вмиг,
Что грамоту пить можно
Из
Ворованных книг.

Мог он — парнишка пеловкий —
Водку в пятнадцать пить
И первым при забастовке
Гори потушить.

Мог матерщинничать люто,
Бросить листовку... он мог,
Трое не евши суток,
Другу отдать кусок.

Знать, что восстание близко.
Гнету готовить гроб...

Ах, у Прошлого такой низкий,
Каменный, тупой лоб!

3

И вот
Люди Труда без родины,
Сам он, завод и станки
Взяли Петра Смородина
В большевики.

Красным семнадцатым годом,
Крикнувши миру: — даешь!
Дали Петра коноводом,
Дали Петра в молодежь.

Вот он плающей речью
Старый ворочает мир,

Миг — и винтовку на плечи.
Он — полковой командир.

В Пскове ли, Ямбурге, Нарве
Белогвардейцев бьет,
Миг — и в заводском зареве
Снова тачает болт.

Миг — и в ЦеКа галдежит...
Через комсомольский ров
В армию молодежи
Льет большевистскую кровь...

Вот заседаний сотни.
Тезисы. Книжки. Листки.
Митинг. Ячейка. Субботник.
Фабрики. Села. Полки...

Эпос,
Эпос величавый!
Партия! Р. К. С. М!

В них
Каждый тезис корявый
Стоит
Десятков
Поэм.

4

Вот он теперь в кабинете.
Рабочий.
Комсомолец.
Коммунист.

Пишет Смородин в анкете:
Цекрист.
Вместо винтовки тяжелой
Держит бумагу, перо.

Вновь заседания, школы,
Пленум ЦК, Оргбюро.

Только подчас, без причины,
Так себе, в воздух ли, в свет,
Плюнет, заржет матерщиной —
Грязью проклятых лет.

Странного много на свете.
Есть и еще грехи
Знаю: Смородин Петья
Пишет тайком стихи...

Целые дни приемы,
Шефство, ячейки, бюро...

Переменились хоромы,
Тем же осталось нутро.

Вечером, тем же парнем,
Приподымая Петра,
С Энгельсом, Марксом, Бухариным,
Проговорит до утра.

Пишет ребятам знакомым...
Знает
Наверняка:
Там где-то
Будущие Наркомы
Ждут у сохи и станка.

Вот он всегда перед нами,
С жизнью его грозовой,
Руганью, гневом, грехами —

Живой.

5

Говорят мне опять: — нельзя
Памятник личности высечь.

Петя! Тебя я взял,
 Потому, что ты сколок с тысяч!

 В этой песне о нынешнем дне
 (В звуке имени: Петр Смородин)
 Только гимн Комсомольской Весне
 И стальной большевицкой породе.

Знаю, знаю: ты первый ждешь,
 Чтобы имя твое смыли,
 Чтобы новый сверкающий дождь
 Смыл бы все имена и фамилии...

Дейся в жизнь, человеческий дождь!
 Гряните, вспыхни ликующих молний!

Вот она, вот она,
 Рабочая
 Молодежь!
 Родина моя —
 Комсомол мой!

КОМСОМОЛНИЯ

(Отрывки)

Каждый он — это новый я,
 Я пораньше
 Или попозже...

Вот она, вот она,
 Рабочая
 Молодежь,
 Родина моя —
 Комсомол мой.

Завод — отец. Ячейка — дом.
 Семьица — книги, труд, ребята.
 Мы в Комсомолнии живем,
 Стране великой и богатой.
 Мне радость — брат, а солнце — тезка.
 Вот поле жизни. Я жнецом.
 И вот вам, вот мое лицо,
 Лицо рабочего подростка.

ИЗ «ЗАПИСОК КОМСОМОЛЬЦА»

К XIII Съезду РКП

Чумазы (сыны чумазых),
Станковые (сыны станков),
Несем мы в жизнь десятки разных
Невиданных, чумазых слов.

Их корень — в наше сердце вкован,
(А корни сердца — в РКП),
Они пришли к нам с миром новым,
Рождающимся
В борьбе.

Для нас теперь понятней всех пословиц:
«Эмка не выдаст — учраспред не съест».
Миры живут в словах «рабфак», «свердловец»,
А мир миров
Есть в слове
«Партсъезд».

Свердлорабфачье общежитье.
Громоподобны голоса.
Народищу — что зерен в жите.
Все комнарод или комса.

Что речь — снаряд, что слово — порох.
Стреляют пачками гурьбой.
Где спорят двое — там три спора,
Где лишь один — там «спор с собой».

Мир — за окном, раскрытым настежь,
Мир занят маем и весной,
А здесь бузины разной масти
Кипят пред съездовской войной.

Но все-таки весну не сгладишь...
 Бывает, вздрогнет разговор,
 И вздрогнет мысль при быстром взгляде
 На зеленую расцветный двор...

Бубнеж. Галдеж. Какой-то парень
 Орет пространству и стене,
 Что где-то там неправ Бухарин
 И в тезисах окостенел.

Другой (насчет девчат не промах)
 Доказывает синь-глазам
 Под куцой шапкой Моссельпрома,
 Что очень важен Комцезам.

А третий (пальцами) в Берлине
 Буржуям делает «чик-чик».
 Орет четвертый, что Вершинин
 В таком-то пункте меньшевик...

Далеких, безразличных нет здесь.
 Чуть слово ложное — испуг.
 Им дело жизни каждый тезис,
 Им путь работы каждый пункт...

Медленно, грозно и веско
 Кто-то шум прервал...
 — В съездовской повестке...
 Братцы... провал!

Слово бредет, шатаясь.
 Видно, у мыслей
 Дрогнули колени,
 В омуте глаз
 Заблудилась тоска.

— Политотчет Цека...
 Читает... читает...
 Не Ленин...

Есть тишина, есть в жизни тишина,
Где каждый — по голове, как обух.
Она длинна, она страшна,
Как очередь
К ленинскому гробу.
Есть тишина, где каждый вздох — игла.
Где воли нет, хоть к жизни та же.
Где плечи чуют, что легла
На них
Невиданная тяжесть.

Молчат. А пальцы в грудь впились.
(Они сейчас еще
В сердца врагов вонзились).
Тоска прошла
По полю потемневших лиц.
На всех глазах
Ее следы остались.

Тревога в сети сердце заткала,
На миг его сомнением опутав...
Но пальцы цепкие вдруг стиснулись в кулак,
И грозно грохнули,
Кувалдой грянув будто.

— Тот не боец,
Кто юны распушит!
Лучше обсудим повестку, братва!
Для Пальча
Не надо грусти!

Кровью и солнцем
Капали слова.

Наше бремя нести будет каждый готов!
О, партсъезд наш! (Чуждое слово!)
Знаем: время последнюю горстью годов
Засыпает могилу бывшего.

КУЛАЦКОЕ ВОССТАНИЕ

Ох, этот сон! Ох, злобный комик:
Промчал меня по всей земле,
Примчал в Сов-Марс — и вдруг в Губком
Лежу с винтовкой на столе.

Припомнилось: в селе восстание...
Но разве это Комсомол?
Ребята или марсиане
Сугробом тел покрыли пол?

Но я, я выполню задание,
Привез я тезисов вагон...

Толчок —
И приведен в сознание
Немарсианским сапогом.

В снеге шинель.
Очи — звезды.
Речь, как шрапнель,
Рвет воздух:

— Встать!

...Тел сугроб
Ожил.
Трубным голосом слово тревоги.

Не разобрать,
Чей лоб,
Чьи ноги...

Через минуту
Тел пласты.

Через минуту
Каждый застыл,
Слушает речь военкома:
— От имени Губкома...
Знайте: враги
Вышли из пор...
Республику береги...
Надо пойти...
Кулаков чесать...

Сбор —
Через полчаса.

Говор сердечен и тепел.
Четверо нас — в уголок.
В дружной беседе я допил
Долгий, томительный срок.

Мишка, Светлов и Васютка.
Теплый ломоть в зубах.
Вижу: Васютке жутко.
Причет свой страх в глазах.

В челюстях сжатое слово
Плюнул бы я изо рта...

Ценится говор Светлова:
— Мысль Наркомпроса пуста...

Что комсомольцу шпоры?
Мчится без них он в опор!
Дали бы только поспорить —
На ночь затянется спор!

Конь молодой горячится.
Всеми скакнул четвермя.
Вдруг этот Васька — горчица —
Буйную конницу смял.

Вытянул рожицу буден.
Выдавил скорченный смех:

— Может быть, скоро мы будем...
Будем на мушке... у тех...

Стоп скачка.
У ребят горячка.
Брызнули злобу
В переминающиеся глаза.
Слово — как обух.
Мысли — гроза.

...И снова спор. Но не о школе,
О новых кознях кулаков,
О подкреплении в Комсомоле,
О подавлении врагов.

— Мы лозунг наш не позабыли!
Пусть этот час — наш смертный час,
Мы двадцать раз на смерть ходили,
Не сдрейфим в двадцать первый раз! —

Вдруг пятки Мишки замелькали.
— Куда тебя там чорт понес? —

И тихо донеслось из дали:
— Забыл внести-и-и... свой членский взно-о-ос..
.....
.....

От розвальной не сладки ласки.
Особенно когда ослаб.
Рука моя на перевязке
А каждый миг — ух, ох! — ухаб.

Проходит час — и я в забыты,
И вижу я еще ясней,
Яснее вижу я события
И жесткий лик последних дней.

Я вижу красный отблеск неба
И в небе полчища ворон,
И новый поезд ржи и хлеба
И на заводы, и на фронт.

Я вижу ряд голов склоненных
 Иль повалившихся пичком,
 А в поле вражий труп в погонах
 И с монархическим значком.

И щелки сломанных заборов,
 И крики чьей-то там жены,
 И двух проклятых мародеров
 Перед расстрелом, у стены.

И страх, и визг, и гнев, и счастье,
 И пожелания побед,
 И на крыльце, опять у власти,
 Советский страж в селе — Комбед.

МОБИЛИЗАЦИЯ

Конечно, не без опоздания,
Летим мы на своих двоих
На всерайонное собрание
(С портфелем и без таковых).

Что делается в нашем клубе!
Протиснешься едва-едва.
В гудящий серосиний клубень
Сплелась веселая братва.

Они живые — и стальные!
В них сила с лицами слилась,
Где юности ветра пальные
Запутались в оврагах глаз.

В плече — еще следы винтовки.
Рука еще звенит: — кую!
Эхх, полушубки и поддевки,
И валенки лепешкою!...

Звонок. Затихло (не мгновенно).
Докладчики! Вам сколько смей?

Ведь на повестке неизменный,
Всеобязательный, всеисполненный,
Неумолимый
«Текущий момент».

Докладчики бывают тоже.
Эх, ты, губкомовец в пенсплах!
Как будто лезет он из кожи,
Чтоб «измами» стереть нас в прах.

Из-за кустов не видно леса.
Ведь мысль оратора — замок.

К которому первейший слесарь
Ключа бы подобрать не смог.

Слова, что не взбредут на ум нам,
Он так и сыплет, так и прет...
(Пока он быть стремится умным,
Позевки раздерут нам рот)...

Но кончил он. И новый некто.
Я слышу (стыд-то, стыд велик!)
Что «контрадикцию адъекто»
Во внутренностях, мол, конфликт!

Не слишком ли тут круто взято?
Ах, Костя, Костя, дорогой!

И слушаю я, как марксята
Клинуется Марксовой
Бородой...

Носпорили. Поговорили.
Слова, пожалуй, не поймешь,
Но слово поняли, схватили.
Мобилизацию? Дашь!

«Немедля поручить Райкому...
Без добровольцев... разверстать...»
Восторг — от одного к другому.
И эту цепь — не разорвать.

.

Пост, дыша в одном порыве,
Десятьколоточная грудь...

НА РАБОТЕ

I

Зимний день.
Бежим с ячейки.
Солнце
Небу набекрень,
Подобно тибетейке.

Кто его, солнце, наденет на лоб?
Дело к весне, а мороз все жестче...

— Извозчи-и-ик.
От тумбочки до тумбочки
Во весь гало-о-оп!

Скачет, подпрыгивает голос.
Хохот подкатывается под колеса.

Сзади гудят: — Душа раскололась.
Ося...

Лишь половину таскаю тут,
Я на фронтах позабыл половину...
(Так вот бывает: вдруг придут
И на ладонь твою мысли вынут).

— Знаете, братцы? У Кузьмы
Нос по неделям в портфеле спрятан.
Значит, не даром зовем его мы
Бюрокротом...

— За исходящую всадит на мель!
— Из-за бумажки ползет на пузе...
— Так вот и кажется: ходит портфель.
Ну, а к портфелю привешен... Кузь!

Голос подыргивает и скачет...
 — Ну-ка, скорей!
 А в голове маячит:
 «Обследование кустарей».

II

Тут коморка, там подвал.
 Радости — как водки в сотке.
 Тут машинки, там колодки,
 Всетки жизнь...
 А кто сказал,
 Будто жизнь, а не жестянка?!

Труд весь день, а отдых — пьянка...
 Так и вертится шарманка:
 «Встал — с зарею, лег — луна».

По одежке полунаг.
 По обувке полудобрый...

В эту жизнь бы — вострый нож!
 Или лучше, за обглодки,
 Как «щенок», дунить колодкой!

Где там! Только ушиннешь,
 Только сердце изомнешь...

Ты — у жизни обезьянка.
 Как завертится шарманка —
 В тридцать лет уже старик.
 Кустари!

Так певал Валюткин дед.
 Песня есть, а деда
 Нет.

III

Где-то за дом
Тюбетейка упала.
Ходим, идем
В подвал из подвала.

Тут
Все то же:
Доски, лак,
Ситец и кожи,
Стол и верстак,
Печка «буржуйка» —
Дочка плите...

Все-таки разжуй-ка,
Те или не те?

Вот хоть бы этот
Жирный кустарь.
Брешет в Советы
Из-под куста.
Так бы и бросил
Всех нас в «камин»...

Он! Супоросый
Керенками!

В комнате рядом
Тоже кустарь.
Все не как надо!
Все не как встарь!
Дочка на воле
(Ох, женотдел!),
Сын в Комсомоле,
Сам не у дел...

Вот еще некто
(Сам синеблуз):
«Против инспекторов,
За... профсоюз».

Спорить напрасно.
Только на смех.
Сколько их разных
Этих и тех!

.
.

Наш пожар
Потушить сумей-ка.
Мы сжигаем и день,
И сонь.
Каждый день
В завод с завода
Перебрасывается лчейкин
Огонь.

Расцветают глаза - глазищи
(Каждый парень
Сердцем глазаст),
А глазищи-то требуют пищи.
Эту пищу — лчейка даст.
Раньше были «т-такие-сякие»,
А теперь вот, носы задрав,
Ходят парни уже не простые:
— Председатель!
— Политпросвет!
— Экирав!

Эта спесь не останется спесью.
Сзади тянут: — Работы даешь!
Не с твоих ли гордяческих песен
Обделили в пайках молодежь?

Мастерам, фабзавкому жара-то!
— Обувь нам... школу нам... шесть часов!...
Даром, что-ль, говорил оратор:
Молодежь —
Передовик передовиков!

А лчейкины дети тоже:
Клуб, знамена, плакат написать...

Каждый дело найти себе может
(Жалко только: нельзя танцевать)...

Сколько дела! И каждое нужно.
Нужно ведь и себе и всем.
Пусть порою ложись без ужина —
Ты в работе. Ты в Р. К. С. М.

Пусть язык у кого-то клейкий,
Кто-то глухой зовет треплом,
Знают все, что не только в ячейке,
Каждый к миру теперь прикреплен!

И растут, и растут ребята.
Подымаются дети станков.
Нет, не даром кричал оратор:
— Молодежь
Передовик передовиков!

Раньше просто в ничью бузили,
А теперь на дела понесло.

Комсомол —
Этой мощной силе
Настоящее русло!

В ПУТЬ

Цека играет человеком.
Оно изменчиво всегда.
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну без стыда.

Ты, скажем, пожелал учиться,
(Мол так и так; я очень сер).
Оно ж пошлет тебя — лечиться
Иль даст мандатец — в Д. В. Р.

На фронт захочешь... — Что такое?
В Саратов! К теткам! В глушь! В уезд!...

Да, все мы ходим под Цекою,
Но за Цекой — никто не с'ест.

Я посылаю неизменный
Привет всеведущей Цеке.

.

Итак, я переброшен в Эпный.
Два дня — и еду налегке.

Прощай, знакомая каморка!
Мне нечего тебя жалеть.
Везде есть свойская махорка,
Везде я буду песню петь:

Ну, коммунисты, публика,
Все мыслит об одном:
Жила бы Совреспублика,
А мы-то — проживем!

Имея волю молодую,
Любую вынесем беду.

Куда теперь ни попаду я,
В семью родную попаду.

И будет спор в любом вопросе,
И будет приключений тьма,
И будет осью нашей — Ося,
И будет нам кузьмить Кузьма.

И будут Кости, будут Мани,
И марш на ступях, и завод,
И днем станок, а в ночь поход,
И будет вечный шип в кармане...

Мы любим, любим труд, винтовку,
Ученье (хоть бы налету),
Мы любим вкусную шамовку
И даже смерть, но — на посту!

Ах, Комсомолня! Мы — почки
Твоих стволов, твоих ветвей.
Люблю, люблю я уголки
Любой провинции твоей!

Мы, Октября стальные дети,
Растем в тебе, чтоб вновь расти,
Чтоб в большевицком партбилете
Мандат на стройку дней найти.

Из нас бы каждый сердце вынул
Нль с радостью хоть где корнел,
Чтоб только быть достойным сыном
Огромной мамы — Р. К. П!...

Мы вырастем, мы будем, будем
Расти опять и вновь расти,
Чтоб солнце потерявшим людям
Быть вправе указать пути.

И смерть ведь не поставит точки
Делам сегодняшних людей!

Ах, Комсомолня! Мы — почки
Твоих стволов, твоих ветвей!

Так совершай свой путь, о, солнце!
Плывите через нас года!

Я буду сед, — но комсомольцем
Останусь, юный,
Навсегда.

Ш К Е Т

Память свою
Только тронень —
Мысли становятся в очереди...

Кто это был: звереныш
Или дитя?
«Жулик» — себя называл он,
Ловко подтибривая бычок.
Шанка на нем — зевала.
В тряпках синело — плечо.
— Жулик я! — рвал он глотку —
Мать мою эдак язвил!
Этим ухваткам бы
Плетку,
Этим глазам бы
Любви...

Часто видел его, помню,
Встретишь — покажет шиш.
Пусть его! Не до него мне.
Вечно спешить...
Как-то я, шутки ради,
Шкета задел плечом...
Миг —
И звереныш сзади
В спину мне
Кирпичом.
Злость. Голова в угаре.
Бросился я на него,

Поднял кулак и —
Не ударил
Сына и брата своего...

Помню: зима, вьюга.
Несся с винтовкой в клуб.
Десятилетний зверюга
Встретился мне на углу.
Груда лохмотьев сжалась,
Пряча неистовую тоску.
Подленькую жалость
Я уронил ему с губ.
Жалко и пусто трепались
Тряпочки дрянных слов...
Он —
Укусил мне палец
И был таков.

Лето. Спужу с газетой.
Настежь окошко. Вдруг
В голову камень. Шкет мой
Носится, пряча испуг.
Сел — снова свист над головою.
Эдак сведет с ума!
Он подбежал — в него я
Бацнул
Александром Дюма.

Дни незаметно летели.
Мало ли было дел?
Снова через неделю
Я у окошка сидел.
Слышу: — Товарищ-барин!
(Руки в прорехи тряпья).
Вот привязался парень.
Право, не хуже репья.

Эдакая порода.
 Смеет еще кричать:
 — Книгу твою я хоть продал,
 Нет ли еще почитать?
 Больно заняты уж эти...
 Как их... Таня и Амос...

Дети!
 В грядущее мост!

Память свою тронешь —
 Мысли
 Становятся в очередь...
 Кто это был: звереныш
 Или дитя?
 Книжки давал и парню.
 Он, прочитав, продавал.
 Сделал он
 Портсигар мне.
 Сам его
 Разрисовал.
 Только боялся двери.
 (Тянет волченка в лес!)
 Свыкся он. Начал верить
 И вдруг
 Исчез.

Ушел мой шкет. А жизнь сурова,
 Он не придет, как ни зови.
 Хотел б ему я бросить снова
 Хотя бы пригоршню любви.
 О, как был смел мой шкет забитый.
 О, как был нищ и как богат!
 Он —
 Первый кандидат в бандиты,
 А, может быть,
 В наркомы кандидат.

Н И К О Г Д А

В бурях грозного смятенья
Возвещают провода:
От рабочего движенья
Черной рати нет спасенья,
Черной рати нет спасенья,
И не будет никогда.

Никогда, — гремят заводы,
Никогда, — шинят ремни . . .
Мы развеем мрак невзгоды,
Смерть тиранам в дни свободы,
В вулканические дни.

Пусть умолкнут плач и стоны
В душных фабриках, в пыли,
Не рабы мы, легионы,
Мы, поднявшие знамена,
Дети солнца и земли.

Вышли все не для молитвы.
Вышли мы из душных нор
Для кровавой грозной битвы:
Крепче стали, на простор . . .

Не напрасно
Гордо, властно
Подъяремники труда
Взбуживали
Высь и даги,
Корабли и города . . .

В бурях красного движенья
Возвестили провода:
Черной рати нет спасенья,
Черной рати нет спасенья,
И не будет никогда...

Веселым пением опьяненный,
Поселка пыльного жителя,
Я от заводов многозвонных
Шагаю в шелестящий лес.

Цветист зеленый шелк на склонах,
Лучится солнцем пенье птиц...
К моим ногам колосья клонят
Богатство дедовских кошниц.

Но в космах белоствольной дали
Впивая жадно вечный гуд,
Гудков, машин и наковален
Забывать напева не могу.

О, лес, таинственный чудесник!
Не в шелесте твоих вершин —
Веков иных иные песни
Я слышу в пении машин.

ДВЕНАДЦАТЬ

I

Черный вечер.

Белый снег...

Ветер, ветер!

На ногах не стоит человек.

Ветер, ветер —

На всем божьем свете!

Завивает ветер

Белый снежок.

Под снежком — ледок.

Скользко, тяжело —

Всякий ходок

Скользит — ах, бедняжка!

От здания к зданию

Протянут канат.

На канате — плакат:

«Вся власть Учредительному собранию!»

Старушка убивается — плачет,

Никак не поймет, что значит,

На что такой плакат,

Такой огромный лоскут?

Сколько бы вышло портянок для ребят,

А всякий раздет — разут!...

Старушка, как курица,

Кой-как переметнулась через сугроб.

— Ох, Матушка-Заступница!

— Ох, большевики загонят в гроб!

Ветер мсткий!
 Не отстает и мороз!
 И буржуй на перекрестке
 В воротник упрятал нос.

А это кто? — Длинные волосы
 И говорит многогласа:
 — Предатели!
 — Погибла Россия!

Должно быть писатель —
 Вития...

А вот и долгополый —
 Сторонкой — за сугроб...
 Что нынче не веселый,
 Товарищ поп?
 Помнишь, как бывало
 Брюхом шел вперед,
 И крестом сыло
 Брюхо на парод?...

Вот барыня в каракуле
 К другой подвернулась:
 — Уж мы плакали, плакали...
 Поскользнулась
 И — бац — растянулась!
 Ай, ай!

Тяни, подымай!
 Ветер веселый
 И зол, и рад,
 Крутит подолы,
 Прохожих косит,
 Рвет, мнет и носит
 Большой плакат:
 «Вся власть Учредительному собранию»...
 И слова доносит:
 ... И у нас было собрание...
 ... Вот в этом здании...

... Обсудили —
Постановили...

На время — десять, на ночь — двадцать пять...

И меньше — ни с кого не брать...

... Пойдем спать...

Поздний вечер,
Пустеет улица,
Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер...

Эй, бедняга!

Подходи —
Поцелуемся...

Хлеба!
Что впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба

Кипит в груди...

Черная злоба, святая злоба...

Товарищи! Гляди

В оба.

II

Гуляет ветер, порхает снег.

Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни...

Кругом — огни, огни, огни...

В зубах — цыгарка, примят картуз.

На синну-б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Тра та-та!

Холодно, товарищи, холодно!

— А Ванька с Катькой — в кабаке...

— У ей керенки есть в чулке!

— Ванюшка сам теперь богат...

— Был Ванька наш, а стал солдат!

— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй.

Мою, попробуй поцелуй!

Свобода, свобода,

Эх, эх, без креста!

Катька с Ванькой занята —

Чем, чем занята?

Тра та-та!

Кругом — огни, огни, огни...

Оплечь — ружейные ремни...

Революционный держите шаг!

Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трать!

Пальнем-ка пулей в Святую Русь —

В кондовую,

В избяную,

В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

III

Как пошли наши ребята

В красной гвардии служить —

В красной гвардии служить —

Буйну голову сложить!

Эх ты, горе — горькое

Сладкое житье!

Рваное пальтишко,

Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

IV

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катькою летит —
Электрический фонарик
На оглобелях...
Ах, ах, пади!

Он в шинелишке солдатской
С физиономией дурацкой
Крутит, крутит черный ус,
Да покручивает,
Да пошучивает...
Вот так Ванька — он плечист!
Вот так Ванька — он речист!
Катьку — дуру обнимает,
Заговаривает...
Запрокинулась лицом,
Зубки блестя жемчугом...
Ах ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

V

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа.
Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!
В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!

С офицерами блудила —
 Поблуди-ка, поблуди!
 Эх, эх, поблуди!
 Сердце скнуло в груди!

Поминишь, Катя, офицера —
 Не ушел он от пожа...
 Ах не вспомнила, холера?
 Ах память не свежа?

Эх, эх, освежи,
 Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
 Шоколад Миньон жрала,
 С юнкерьем гулять ходила —
 С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согрени!
 Будет легче для души!

УТ

... Опять навстречу несется вскачь.
 Летит, вошит, орет лихач...

Стой, стой! Андрюха, помогай!
 Петруха, сзади забегай!

Трах тарарах-тах-тах-тах-тах,
 Вскрутился к небу снежный прах!...

Лихач — и с Ванькой — на утек...
 Еще разок! Вводи курок!

Трах — тарарарах!... Ты будешь знать,
 Как с девочкой мужкой гулять!...

.....

Утек подлец! Ужо, постой,
 Расправляюсь завтра я с тобой!

А Катька где? — Мертва, мертва!
Простреленная голова!

Что, Катька, рада? — ни гу-гу...
Лежи, ты, пададь, на снегу!...

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

УП

И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьеца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Все быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шею —
Не оправится никак...

— Что, товарищ, ты не весел?

— Что, дружок, оторонел?

— Что, Петруха, нос повесил,

— Или Катьку пожалел?

— Ох, товарищи, родные,

Эту девку я любил...

Ночки черные, хмельные

С этой девкой проводил...

Из-за удали бедовой

В огневых ее очах,

Из-за родинки пуцовой

Возле правого плеча,

Загубил я, бестолковый.

Загубил я сторяча... ах!

— Ишь, стервец, завел шармаику,

Что ты, Петька, баба что-ль?

— Верно, душу на изнанку
Вздумал вывернуть? Позволь!
Поддержи свою осанку!
Над собой держи контроль!

Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя,
Нам, товарищ дорогой!

И Петруха замедляет
Торопливые шаги,
Он головку скидывает,
Он опять повеселел...

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

VIII

Ох ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!

Уж я времячко
Проведу, проведу...

Уж я темячко
Почешу, почешу...

Уж я семячки
Полущу, полущу...

Уж я пожичком
Полосну, полосну!...

Ты лети буржуй, воробушком!
 Выныю кровушку
 За разнубушку,
 Чернобровушку...

Упокой, господи, душу рабы твоея...

Скучно!...

IX

Не слышно шуму городского,
 Над невской башней тишина,
 И больше нет городского —
 Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
 И в воротник упрятал нос.
 А рядом жмется шерстью жесткой,
 Поджавший хвост, паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
 Стоит безмолвный, как вопрос,
 И старый мир, как пес безродный,
 Стоит за ним, поджавши хвост.

X

Разыгралась чтой-то вьюга,
 Ой вьюга, ой вьюга!
 Не видать совсем друг друга
 За четыре за шага!
 Снег воронкой завился,
 Снег столбушкой поднялся...

— Ох, пурга какая, спасе!
 — Петька! Эй, не завирайся!
 От чего тебя унас
 Золотой иконоскас?
 Бессознательный ты, право,

Рассуди, подумай здраво —
 Али руки не в крови
 Из-за Катькиной любви?
 — Шаг держи революционный!
 Близок враг неутомимый!
 Вперед, вперед, вперед,
 Рабочий народ!

XI

... И идут без имени святого
 Все двенадцать — вдаль.
 Кто всему готовы,
 Ничего не жаль...

Их винтовочки стальные
 На незримого врага...
 В переулочки глухие,
 Где одна пылит пурга...
 Да в сугробы пуховые —
 Не утинешь сапога...

В очи бьется
 Красный флаг.
 Раздается
 Мерный шаг.
 Вот — проснется
 Лютый враг...

И вьюга пылит им в очи
 Дни и ночи
 Напролет...

Вперед, вперед,
 Рабочий народ!

XII

... Вдаль идут державным шагом
 — Кто еще там? Выходи!
 Это — ветер с красным флагом
 Разыгрался впереди...

Вперед — сугроб холодный,
 — Кто в сугробе — выходи!...
 Только нищий пес голодный
 Ковыляет позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
 Я пятаком пощекочу!
 Старый мир, как пес паршивый,
 Провались — поколочу!

... Скалит зубы — волк голодный —
 Хвост поджал — не отстает —
 Пес холодный — пес безродный...
 — Эй, откликнись, кто идет?

— Кто там машет красным флагом?
 — Приглядись-ка, эка тьма!
 — Кто там ходит беглым шагом.
 Хоронясь за все дома?

— Все равно, тебя добуду,
 Лучше сдайся мне живьем!
 — Эй, товарищ, будет худо,
 Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! И только эхо
 Откликается в домах...
 Только вьюга долгим смехом
 Заливается в сугробах...

Трах-тах-тах!...
 Трах-тах-тах!...

Так идут державным шагом —
 Позади — голодный пес,
 Вперед — с кровавым флагом,
 И за вьюгой невидим,
 И от пули неведим,
 Нежной поступью надвьюжной,
 Снежной россыпью жемчужной,
 В белом венчике из роз —
 Вперед — Иисус Христос.

ПОСЛЕ СМЕРТИ В. И. ЛЕНИНА

Не только здесь, у стен Кремля,
 Где сотням тысяч — страшны, странны,
 Дни без вожди! Нет, вся земля,
 Материки, народы, страны,
 От тропиков по пояс льда,
 По всем кривым меридианам,
 Все роты в армии труда,
 Разрозненные океаном, —
 В тревоге ждут, что будет впредь,
 И, может быть, иной — отчаян.
 Кто поведет? Кому гореть,
 Путь к новой жизни намечая?
 Товарищи! Но кто был он?
 Воль миллионных воплощенье!
 Веков закрученный циклон!
 Надежд земных осуществленье!
 Пусть эти воли не сдадут!
 Пусть этот вихрь все так же давит!
 Они нас к цели доведут,
 С пути не сбьется нас — заставят!
 Но не умалим дела дел!
 Завета трудного не сузим!
 Как он в грядущее глядел,
 Так мир сплотим и осоюзим
 Нет «революций», есть одна:
 Преображенная планета!
 Мир всех трудящихся! И эта
 Задача — им нам задана.

ТРЕТЬЯ ОСЕНЬ

Вой, ветер осени третьей,
Просторы России мети,
Пустые обшаривай клети,
Нищих вали по пути;

Догоняй поезда на уклонах,
Где в телушках люди гурьбой
Ругаются, корчатся, стонут,
Дрожа на мешках с крушой;

Насмехайся горестным плачем,
Глядя, как голод, твой брат,
То зерно в подземельях прячет,
То душит грудных ребят;

В городах, бесфонарных, беззаборных,
Где пляшет нужда в домах,
Покрутись в безлюдии черном,
Когда-то шумном, в огнях;

А там, на погнутых фронтах,
Куда толпы пришли на убой,
Дым расстилай к горизонтам,
Поднятый пьяной пальбой!

Эй, ветер, с горячих взморий,
Где спит в олеандрах рай, —
Развевай наше русское горе,
Наша язва огнем оналий!

Но вслушайся: в гуле орудий,
Под проклятья, под воли, под гром,
Не дружно ли, общей грудью,
Мы новые гимны поем?

Ты, летящий с морей на равнины,
С равнин к зазубринам гор,
Иль не видишь! под стягом единым
Вновь сомкнут древний простор!

Над нашим нищенским пиром
Свет небывалый зажжен,
Торопн над встревоженным миром
Золотую зарю времен.

Эй, ветер, ветер! поведай,
Что в распах, в тоске, в нищете,
Идет к заповедным победам
Вся Россия, верна мечте;

Что прежняя сила жива в ней,
Что, уже торжествуя, она
За собой, все властней, все державней
Земные ведет племена!

СЕРП и МОЛОТ

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в поражение, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот.

Мы землю вновь вспахиваем трудом,
Меч вражий будет вновь расколот:
Не даром мы, блестя серпом,
Взметнули дружно мощный молот.

Но смело, мысль, в такие дни
Лети за грань, в планетный холод.
Вселенский серп, сев истин жни,
Толщъ тайн дробн, вселенский молот!

Мир долго жи! Довольно жи!
Как в осень, плод поспелый золот!
В единый сноп, серп, нас вложи,
В единый цоколь скуй нас, молот!

Но вечно светом веющих верб
Дух человека свеж и молод.
Точи для новой жатвы серп,
Храни для новой битвы молот.

НА РАБОТЕ

Серебром блестят на солнце щепки,
Брызнув воробьями из-под топора;
Запахом смолисто-терпким
Дышит шпал сосновая гора.

Зол мороз. Да только не под силу
Плотника веригами скрутить:
Никому в борьбе не уступила
Сила, заключенная в горсти!

Никогда, не остроилив сруба,
Не кончала начатых работ!...
И теперь на бревнах полушубок,
А с лица ручьями пот...

А топор хохочет над морозом.
А топор по воздуху свистит,
Что придут скрипучие обозы
На постройку шпалы увезти,

Что тайга, до ужаса глухая,
Не оставит мрачного следа, —
Когда весело по ней прогромяхают
Черногривой лентой поезда.

КАЧЕЛИ

Высоко ли взметнули кручи
Над болотом зазубренный бор?
Раскачались качели могучие
Выше сивых от снега гор.

Вот окутали пламенем зори
Нас, отчаявшихся в новую жизнь.
Дух забрало. Туманит взоры...
Крепче, крепче, крепче держись!

За веревки стальными руками!
И сильнее пружинами ног!
Оплонял — упал, как камень,
В грязь болота на самое дно.

А качели все выше, выше!
А в груди барабанный бой!
Не огнем уже солнце пышет
А горячей, лихой борьбой.

В поднебесье рванулись качели,
Зарябило восторгом в глазах...
Взмах! И мы у желанной цели
Один мощный последний взмах!

АРСЕНТИЙ ГЛЫБА

(Партизанская поэма)

За хутором степь. В степи бахча.
 Ветер сусликом к травам льнул.
 Арсентий Глыба — сажень в плечах —
 Обнимал на пороге жену.

— Не вернусь, значит станешь хозяйкой
 здесь,

Береги бахчу и дом.
 А коль страшной покажется ночью степь,
 Замуж выйдешь потом.

В степи шумело. Шла буря и дождь.
 Белых армий фаланги шли.
 А где-то точили конье и нож.
 Набивали свинцом кончели.

Арсентий Глыба сказал своим:
 — Сколько много добрых людей,
 Стишь заповидна. Стишь не дадим.
 Гуртуйте здись у овражку коней.

— Тикайтесь, кто сирдцем, як Глыба, но
 стар...

А к ночи волчицей завывла степь,
 Будто вздыбли червоным конем пожар,
 Бросил по ветру алую тень.

Раскатилась ночь как арбуз пополам,
 Не срастись этой ночи опять.

Конь встал. Глыба с коня.
Разбивало сердце грудь.

Ветер пенел по степи гонял.
Заметая чей-то путь.

Э П И З О Д

Еще волк не вышел на волчью тропу.
 Дятел не застучал вдалеке,
 Солдату сказали: — У штаба — пункт,
 Встанешь в боевой пикет!

Завтра война. За черту дней
 Пойдут люди, слова и шаги...
 Часовой, не спи, часовой, эй,
 Пост, часовой, береги!

Винтовка растет от ног к голове,
 От поста до дверей — шаг.
 За стеной семь серебряных человек
 И карты шелковый шарф.

Ночью звездам указывать путь,
 Траве молчать под ногой.
 Шаги по траве тишину крадут
 Туда, где часовой.

— Кто идет? Свой! — Пароль?
 Нет ответа. Что медлит солдат?
 Чья-то тихая, теплая кровь,
 Чьих-то глаз занавесили взгляд.

Ночь не слышала, не слышала штаб,
 Как встал на посту другой.
 В небе месяц стальной шишак
 Приколол чугуниной звездой.

За дверью густо басил генерал
 — Колонну обходом на Бугуруслан!
 — Колонну в обход, — за ним повторял
 Седой от боев капитан.

А за окнами слушал, таясь, мрак,
И слушал кто-то еще:
Сердце в кулак, и дышать в кулак,
И к двери полыми щек.

И когда лисицей скользнул рассвет,
Мокрым хвостом по траве,
Оттуда, где пост, по звенящей росе
Серый прошел человек.

Сегодня война. За черту дней
Пойдут люди, слова и шаги...
Много белых, царских рублей
Дали бы за тайну враги.

МЫ РАСТЕМ ИЗ ЖЕЛЕЗА

Смотрите! Я стою среди них: станков, молотов,
вагранок и горн и среди сотни товарищей.

Вверху железный кованный простор.
По сторонам идут балки и угольники.
Они поднимаются на десять сажен.
Загибаются справа и слева.

Соединяются стропилами в куполах и, как плечи вели-
кана, держат всю железную постройку.

Они стремительны, они размашисты, они сильны.
Они требуют еще больше силы.

Гляжу на них и выпрямляюсь.
В жилы льется новая железная кровь.
Я вырос еще.

У меня у самого вырастают железные плечи и без-
мерно сильные руки.

Я слился с железом постройки.
Поднялся.

Выпираю плечами стропила, верхние балки, крышу.
Ноги мои еще на земле, но голова выше здания.

Я еще задыхаюсь от этих нечеловеческих усилий и
уже кричу:

— «Слова прошу, товарищи, слова!» —

Железное ахо покрыло мои слова, вся постройка
дрожит нетерпением.

А я поднялся еще выше, я уже наравне с трубами.
И не рассказ, не речь, а только одно, мое железное,
я прокричу:

«Победим мы!»

МЫ ПОСЯГНУЛИ

Кончено! Довольно с нас песен благочестия. Смело поднимем свой занавес. И пусть играет наша музыка.

Шеренги и толпы станков, подземные кюкоты огненной печи, под'емы и спуски нагруженных кранов, дыхание прокованных крепких цилиндров, рокоты газовых взрывов и мощь молчаливая пресса, — вот наши песни, религия, музыка.

Нам когда-то дали вместо хлеба молот и заставили работать. нас мучили... Но, сжимая молот, мы называли его другом, каждый удар прибавлял нам мускулы: железо, энергии стали проникала в душу, и мы, когда-то рабы, теперь посягнули на мир.

Мы не будем рваться в эти жалкие выси, которые зовутся небом. Небо — создание праздных, лежащих, ленивых и робких людей.

Ринемся вниз!

Вместе с огнем, и металлом, и газом, и паром, нароем шахт, прорубим величайшие в мире тоннели, взрывами газа опустошим в недрах земли непробитые страшные толщи. О, мы уйдем; мы зароемся в глубь и прорежем их тысячью стальных линий, мы осветим и обнажим подземные пропасти каскадами света и наполним их ревом металла. На многие годы уйдем от неба, от солнца, мерцания звезд, сольемся с землею: она в нас, и мы в ней.

Мы войдем в землю тысячами, мы войдем туда миллионами, мы войдем океаном людей. Но оттуда не выйдем уже никогда... Мы погибнем, мы схороним себя в ненастном беге и трудовом ударе.

Землею рожденные, мы в нее возвратимся, как сказано древними, но земля преобразится: запертая со всех сторон — без входов и выходов, — она будет полна несмолкаемой бури труда; кругом закованный сталью, земной шар будет

котлом вселенной, и когда, в исступлении трудового порыва, земля не выдержит и разорвет стальную броню, она родит новых существ, имя которым уже не будет человек.

Новорожденные не заметят маленького низкого неба, потерявшегося во взрыве их рождения, и сразу двинут всю землю на новую орбиту, перемещают карту солнца и планет, создадут новые этажи над мирами...

Сам мир будет новой машиной, где космос впервые найдет свое собственное сердце, свое биение...

Он несется...

Кто остановит пламя тысячи печей-солнц? Кто ослабит напор и взрыв раскаленных атмосфер? Кто умирит быстроту маховиков-сатурнов?

Планеты бешено крутятся на своих осях, как моторные якоря-гиганты. Их бег не прервать, их огненные искры не залить.

Космос несется...

Он не может стоять, он рождается и умирает, и снова рождается, растет, болеет и опять воскресает, и гонится дальше...

Он достигает, он торжествует...

— Упал, упал!

Тонет... Отчаялся...

Но огонь плавит все, даже тоску, даже сомнение, даже непереносимое...

И снова жизнь, клочкотание, работа.

Будет время — одним нажимом — мы оборвем работу во всем мире, умирим машины. Вселенная наполнится тогда радостным эхом труда, и неизвестно где рожденные аккорды зазвучат еще в больших, незримо и немислимо далеких горизонтах.

И в эту минуту, когда, холодея, будут отдыхать от стального бега машины, мы все мировым миллиардом еще раз, не то божески, не то демонски, еще сильнее, еще безумнее посягнем!

Р Е Л Ь С Ы

Всюду прошли, залегли, пробежали, кругом опоясали
землю тяжелые, крепкие рельсы.

Быстрой стрелою порой поднимаются, в глубь туманные
вдруг окунаются, пламенем белым блестит — загораются в
них равнинах — стенах.

Загудят, запоют заунывно по свету, тоскуют в ущельях
холодные рельсы.

Говорят и звенят по лесам перепевом далеким больных
городов.

И рокочат, рыдают схороненным, запертым эхом колес
силачей — паровозов по горным, наполенным тьмою,
туннелям.

Песни и звоны стальные для одних хороши и вольны,
другие боятся их; говор и бой закаленный пугают.

Ох, иногда загрустит и замечется скованный рельсами
мир!

Но приходит задуманный в битве, рожденный в огне,
из-под молота взятый, машиной вскормленный и гулом
заводским взлелеянный, вечно растущий работник-творец.

Легким, свободным полетом вздохнет.

Гордо, голову к далям еще не пробитым подняв, вдох-
новится и скажет:

— Дивно я сжал мою землю-планету стальною, про-
кованной волей. Дерзко на бой вызывал я земные, когда-
то ужасные, злые стихии; я их победил, приручил, заковал.

— Пробивай же еще отточенным резцом, прорезай не-
пробитую жесткую даль.

— Твердый металл закали, отшлифуй, доведи, огня из
схороненных глубей земли принеси и грядь своим моло-
том верным, зубилом заправленным метко вонзи и пыл-
ливую мысль в неизвестное взвей.

— Ты погибнешь?

— Умри хоть с одним покоренным безумным желанием! Пусть не ты воплотил, но порывы труда боевого другим передай.

— Все пытайся ковать и ковать, все пытайся тяжелые рельсы стальные поднять и продвинуть в бездонных, безвестных немых атмосферах к соседним, пока неразгаданным, чуждым планетам.

— Нельзя?

— О, много погибнет... Умрут без числа... Но я знаю, уверен; скуют, опояжут вселенную быстрыми, сильными рельсами воли.

То-то родится в усилиях железных, то-то взойдет и возвысится, гордо над миром взомнется, вырастет новый, сегодня неизвестный нами, краса-восхищенье, первое чудо вселенной, бесстрашный работник-творец-человек.

Б А Ш И Я

На жутких обрывах земли, над бездною страшных морей
выросла башня, железная башня рабочих усилий.

Долго работники рыли, болотные нин корчевали и скалы
изрывали прибрежные.

Неудач, неудач сколько было, несчастий!

Руки и ноги ломались в отчаянных муках, люди падали
в ямы, земля их нещадно жрала.

Сначала считали убитых, севали им песни надгробные.

Потом помирали без песен прощальных, без слов. Там
под башней погибла толпа безымянных, но славных работ-
ников башни.

И все-ж — победили!... и виедрили в глубь земли тяже-
ленные, плотные губы бетонов — опор.

Бетон, это — замысел нашей рабочей постройки, рабо-
тою, подвигом, смертью вскормленный.

В бетоны виились, в них вросли, охватили огнем их
железные лапы-устои.

Лапы взвились, крепко сцепились с железным объятъем,
крязем поднялись кверху и, как спина неземного титана,
бьются в неслышном труде, — напряжены и держат чудо-
вище — башню.

Тяжела, не легка эта башня земле. Лапы давят, прес-
суют земные пласты. И порою как будто вздыхает сжатая
башней земля; стоны несутся с низов, подземелья, сырых
необятных подземных рабочих могил.

А железное эхо подземных рыданий колеблет устои и
все об умерших, все о погибших за башню работников
низкой железной октавой поет.

На лапы уперлись колонны, железные балки, уголь-
ники, рельсы.

Рельсы и балки вздымаются кверху, жмутся друг к другу,
бьют и ловят друг друга, на мгновение кидаются уастыли

крест-на-крест в борьбе и опять пробежали все выше, полнее, мощнее, друг друга тесня, отрицая, и снова пресекая стальными креплениями.

Высоко, высоко разбежались, до жуты высоко, угольники, балки и рельсы; их пронзил миллион раскаленных заклепок, — и все, что тут было ударом отдельным, запертым чувством восстало в гармонии мощной порыва единого... сильных, решительных, смелых строителей башни.

Что за радость подняться на верх этой кованной башни! Силетенья гудят и поют, металлическим трепетом бьются, дрожат в лабиринте железа. В этом трепете все — и земное, зарытое в недра, земное и несня к верхам, чуть видимым, задернутым мглою, верхам.

Вдохнуть, заслеститься тогда и без глаз посмотреть и почувствовать музыку башни рабочей: ходят тяжелыми ногами тампы железные, хоры железного ропота, рвутся и душу зовут к неизведанным, большим, чем башня, постройкам.

Их там тысячи. Их миллион. Миллиарды... рабочих ударов гремят в этих отзвуках башни железной.

Железо-железо!... гудят лабиринты.

В светлом воздухе башня все кажется черной, железо не знает улыбки, горя в нем больше, чем радости, мысли в нем больше, чем смеха.

Железо, покрытое ржавчиной времени, это — мысль вся серьезная, хмурая дума эпох и столетий.

Железную башню венчает прокованный светлый, стальной, весь стремление к дальним высотам, плифованный шпиль. Он — синее небо, которому прежние люди молились, давно разорвал, разбросал облака, он луку по ночам провожает, как странника старых былых повестей и сказаний, он тушит ее своим светом, спорит уж с солнцем...

Шпиль высоко летит, башня за ним, тысячи балок и сеть лабиринтов покажутся вдруг вдохновенно легки и реет стальная вершина над миром победы, трудом, достиженьем.

Сталь, это — воля вознесенного сплелу к чуть видимым верхам.

Дымкой и мглой бывает подернут наш шпиль. Это черные дни неудач, катастроф и движения, это ужас рабочей неволи, отчаянье, страх и безверье...

Зарыдают сильнее тогда, навзрыд зарыдают тогда октаны тяжелых устоев, задрожит, заколеблется башня, грозит разрушением, вся пронзенная волями сдавшихся жизни тяжелой, усталых... обманутых... строителей башни.

Те, что поднялись кверху, на шпиль, вдруг прожгутся ужасным сомнением: башни, быть может, и нет, это только мираж, это греза металла, гранита, бетона, это — сны. Вот они оборвутся... под нами все та же бездонная пропасть — могила...

И, лишённые веры, лишённые воли, падают вниз.

Прямо на скалы... На камни.

Но камни... жестокие камни...

Учат!

Или смерть, или только туда, только кверху, — крестить и ковать, и клепать, подыматься и снова все строить, и строить железную башню.

— Пробный удар ручника...

Низкая песня мотора...

Говор железной машины...

И опять побежали от тысячи к тысяче токи.

И опять миллионы работников тянутся к башне. Снова от края до края земного несутся стальные каскады работы, и башня, как рупор-гигант, собирает их в трепетной песне бетона, земли и металла.

Не разбить, не разрушить, никому не отнять этой кованной башни, где слиты в единую душу работницы мира, где слышится бой и отбой их движения, где слезы и кровь уж давно претворились в железо.

О, иди же, гори, поднимайся еще и несишь еще выше, вольнее, смелее!

Пусть будут еще катастрофы...

Впереди еще много могил, еще много падений.

Пусть же!

Все могилы под башней еще раз тяжелым бетоном
зальются, подземные склепы сплетутся железом и на городе
смерти подземлом ты бесстрашно несишь.

И иди,

И гори,

Пробивай своим шпилем высоты,

Ты, наш дерзостный башенный мир!

ЕГО ПАМЯТИ

Угас,
 Угас могучий гений —
 Сиянье северной земли.
 Любимый вождь Владимир Ленин
 С сердцами миллионов слит.

Единым пульсом сердце билось,
 Произывал единый ток,
 С непобедимой силой
 Восстали Запад и Восток.

Твой голос —
 Грозный гром стихии,
 Прибой миллионных толп,
 Землетрясенная Россия,
 Гуденье океанских волн.

Его шагов стальную силу
 Ковали долгие века,
 Его порыв не утасила
 Убийцы черная рука.

Мы вздрогнули от острой боли —
 Его уж нет, навек ушел.
 Заряжены железной волей,
 Мы вместе сплывались душой.

В семью единую мы слиты,
 Единый курс, единый стан.
 Включил в иную нас орбиту
 Земли великий Капитан.

Угас,
Угас чудесный гений,
Перешагнувший рубежи,
Но имя огненное — ЛЕНИН,
Как солнце, будет вечно жить.

ИЗ ПОЭМЫ «ОКТЯБЬ»

Октябрь постучал в околицу,
 На крыльях принес весну,
 А рига, сложенная, молится,
 Не видит — огонь блеснул.

Схватил за нечесаны волосы,
 Мотнулась ее голова,
 И крикнул он зычным голосом:
 Соломенная, вставай!

Довольно к поповым подметкам!
 Весна в Октябре расцвела...
 И голос властный и четкий
 Звенит по соломе села.

Довольно биться кликушей
 О барское крыльцо,
 Плеснуло солнце в души
 И слезное лицо.

Рыдания под сугробами
 Цветами проросли,
 И зерна звезд мы торбами
 Рассеем в новь земли.

Мы огненными косами
 Надрежем снежный дым,
 Чтоб проросли розами
 Мужские следы.

М Ы

Мы все возьмем, мы все познаем,
Пронизем глубину до дна.
Как золотым цветущим маем,
Душа весенняя пьяна!

Нет меры гордому дерзанию:
Мы — Вагнер, Винчи, Тициан.
Мы новому музею — зданию
Воздвигнем купол, как Монблан.

В кристаллах мрамора Анжело,
И все, чем дивен был Парнас,
Не то ли творческое целю,
Что током пробегает в нас?

Воспитывали орхидей,
Качали колыбели роз,
Не мы ли были в Иудее,
Когда любви учил Христос?

Мы клали камни Парфенона
И исполинских пирамид,
Всех Сфинксов, храмов, Пантеонов
Звенящий высекли гранит.

Не нам ли у горы Синая,
В неопалимой купине,
Как солнце, Красный стяг, сияя,
Явился в буре и в огне.

Мы все возьмем, мы все познаем,
Пронизем неба бирюзу.
Как сладко пить цветущим маем
Животворящую грозу!

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЦВЕТЫ

Я не в разнеженной природе,
Среди расцветшей красоты,
Под дымным небом на заводе
Ковал железные цветы.

Их не ласкало солнце юга
И не баюкал лунный свет,
Вагранок огненная вьюга
Звонящий обожгла букет.

Где гул моторов груб и грозен,
Где свист сирен, металла звон,
Я перезвоном медных сосен
Был очарован и влюблен.

Не в беспечальном хороводе —
В мозолях мощная ладонь,
Неугасимый на заводе
Горел под блузою огонь.

Вздывал я горн рабочим гневом
Коммунистической мечты,
И, опьянен его напевом,
Ковал железные цветы.

* * *

Люблю я зарево вагранок, —
В нем небо звездное ясней,
Люблю куски стальных болванок
Меж вальцев, превращенных в змей,

Люблю, когда под паром молот
Сжимает сталь в снопах лучей,
Люблю ковать, силен и молод,
У пасти огненных печей.

Люблю парить в полете смелом,
Ведь, волеи я, ведь, я ничей,
Железным пзвиваться телом,
Как домны золотой ручей.

Люблю я труб заводских струны,
Гудок, будивший паром медь.
Я знаю — красный флаг коммуны
Над миром будет пламенеть.

* * *

Громокипящей мельницей
Размолота тоска
И млечной пылью стелется
На звездных лепестках.

Чтоб радость не угасла
И глаз живая ртуть,
Мы солнечное масло
Вливаем в нашу грудь.

Лучами смажем первы
И мускулы машин.
Вставай, Российский первый
Советский Исполин!

ИЗ ПОЭМЫ «ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ»

Деревня древняя все также
Горбами горбится ларей,
И жуткий ветер вяжет пряжу
Ее соломенных кудрей.

Коленопреклоненно молятся
Колодезные журавли,
И петушиным криком колетса
Тишина, прикурнувшая в пыли.

Душа, обутая в лапти,
Стоит в чешуе плетней,
Зыбучие хлебные гати
Полынной пылью кадят над ней.

Оглобельными рогами
Бодает рыдванный плач,
Замазывает кизяками
Заревой кумач.

Когда же гром освежающий хрустнет,
Взвихривая сон и день,
И над дремотною Русью
Вспугнет стадо деревень!

Когда железной плетью —
Рельсами расхлестнет пастух,
Над златосоломной повестью
Загорланит медный петух,

Довольно капала в святцы
С глазниц и лучин вода,
В сердце избы вонзятся
Электрические провода.

Солнце зимой не остынет,
Сверля вековую мглу,
Светоточащие дыни
Повиснут в каждом углу.

У вымощенного тракта,
На гранитном току,
Раздавит раскатистый трактор
На смерть раскаряку-соху.

Блеснут оросительных чанов
Глаза в ресницах ржи,
И засмеются фонтаны
Над засухой каждой межи,

Я верю, будет-будет
Электрификация душ,
Вскрылят деревенские люди,
Взрезая пропеллером глушь.

В КУПЕЛИ ЧУГУНА

От хат соломенных селений,
Где жизнь смиреннем горда,
На грозный зов сиренных пений
Пришли в стальные города.

Был каждый в пламя горна брошен,
Кипящей сталью опален,
Капальным звоном обострожен,
Железным теплом опылен,

Обвенчан факелом завода,
Его зарницей озарен,
Обласкан музыкой приводов
Орлиной дробью шестерен,
Обрызган искрами металла,
Крещен в купели чугуна,
И вот осталению стала
Златосоломная струна.

Как сон, смиренная забыта
Преклонновыгнутая межа,
Душа горящая облита
Звенящим валом мятежа.

Завод, как водопад жестокий,
Струится медь, чугун, руда,
Электропламенные токи
В стальные мускулы труда.

Стал каждый пламенным баяном
Кующих звонов, красных струн,
Грозиво вскрыленным титаном,
Зари Грядущего — трибун.

Н О Ч Ь Ю

(Из поэмы Монна-Лиза)

Труба, как факел надмогильный,
 Кадит безмерно в небеса,
 Но все живей сквозь дым каильный
 Звезд златоокая краса.

На наши поднятые лица
 От пыли, пепла, и углей
 Сквозь светозарные ресницы
 Улыбки ласково пролей.

На быстролетное мгновенье
 Взлететь от горнов в звездный храм!
 Машина, оборви гуденье!
 Дай хор светил подслушать нам.

А небо, чем земля печальней,
 Притягивает и манит,
 Какая сила в блеске дальнем,
 Какой невиданный магнит!

Какие струны в струях млечных,
 Каких миров крылатый клич!
 Чудесный звон симфоний вечных
 Не охватить и не постичь.

Как черный дождь, слетает сажа,
 Сирены окрик дик и груб,
 Застыли на могильной страже
 Под дымным крепом пики труб.

На плашанице звездных гроздий
 Лежит луны холодный труп,
 И, как заржавленные гвозди,
 Вонзились в небо сотни труб.

ИЗ ПОЭМЫ «О ДЕТСТВЕ»

О, детство,
Солнечное детство —
Золотой весенний ливень,
Что может быть тебя чудесней,
И ароматней и счастливей?

Обвитый материнской песней,
Облит станным журчаньем птиц.
Я помню первое сознание
Мелькало вспышками зарниц.

В лицо дышали росы ранние,
И зори улыбались мне.
Я слышал мудрое звучание
Копыт, сверкавших на гумне.

Золотыми ресницами,
Щекоча и мая,
Колосья пшеницы
Целовали меня.

Рыдванов колыбели звонкие
Качали снопы и ребят.
С возжами в цепких рученках
Я сразу засыпал на возу.

Не грезил о феях —
Снилась родная скотина...
Отец веял и веял,
За спиной трепыхались крылья,
С растрепанной бороды мякина
Курилась цветочной пылью.

И я, крылатый,
Хватал лопату

За душистый липовый черенок.
Журчало зерно и солома
Ручейком у босых ног.

Отец из всей силы
Вскидывал
За облачком облачко,
Выше всех птиц.
Казалось, небо цедило
Золотой дождь пшеницы.
Он веял до почвы черной,
О хлебе думая всласть.
Взброшенные зерна
Вспыхнули звездами в небе
И не хотят на землю упасть.

О, сумерки ранние,
О, кувыркание в траву.
Месяц рожками бараньими
Играя, бодал синеву.

Ночное в лугах поемных,
Песен пьяный мед,
Пьем учащенным дыханьем
Душистый лошадиный пот.

О, детство,
Солнечное детство —
Теплый весенний ливень,
Что может быть тебя ясней,
Прозрачней и счастливей?

И С Х О Д

Не Москва — морозная погода,
Розы зорь и тернии пайка —
Ханаан, где плещут реки меда
И кипят озера молока.

Сем язык, но клясть тебя не стану,
Год скорбей, исхода горький год —
Дни, когда обманчивую манну
Выдавал суровый Наркомпрод.

Щестью делился с нищим нищий,
Холод жег, и голод гордых гнул.
И когда вздыхали разом тыщи,
По земле катился грузный гул.

Этих дней ужели не запомню?
Звал назад бывшего сытый стыд.
Но не шли рабы в каменоломню —
Возносить величье пирамид.

И когда в сугробах и заносах
Застревал усталый топот толп,
Пред толпой вожатые, как посох,
Выше туч вздымали рдяный столп.

Пряжа дней, гнилая шерсть овечья,
Рвись и тлей. Алейте, розы ран.
Сток столп. Пути Замоскворечья,
Как ручьи, стекают в Ханаан.

Смерть горька в преддверьи Ханаана!
Не войду в блаженную страну.
Но тебя, обманчивая манна,
Холодея, я не прокляну.

В свисте пуль мне пела песня птичья,
И не штык — тяжелый колос ник.
Этих дней голодного величья
Не предал строптивый мой язык.

Слава всем, кто, хлеб свой гневом перча,
Припадал к надежде, как к соску.
Слава всем, кто столи тяжелый смерча
Подымал, как легкую клюку.

Слава всем, кто в мира час вечерний
Возгласил: за вышками Кремля,
В испареньях северных губерний —
Ханаан, молочная земля!

П Е Т Е Р Б У Р Г

1

Мчатся тучи. Вьются бесы.
Зыбь болот. Туман белесый.

2

Леса. Нева. Туман. Болото.
— «Здесь будет город заложен».
И погнала за ротой рота
Мужей, оторванных от жен.

3

Из Украины, с Волги, с Дона,
От Урала до Двины...
Сколько воплей, сколько стонов...
В руки заступы даны...
Там по грудь в воде работа:
Рой каналы, осушай.
Переполнились болота
Гиблым людом через край.

4

А там сирот голодных горе,
Там нет надежды матерям...
— «Все флаги будут в гости к нам
И запируем на просторе».

5

Блеск. Салюты. Ликованья.
Шпиль горит. Сияют зданья.
Ниже, в топи, без гробов

Тьмы погубленных рабов
Без имен, без поминанья...

А над ними гром победный,
Всадник скачущий — конь медный.

6

Поднялись погибших тени,
Смелых вызвали бойцов.
Грозный оклик:

— На колени!

И не стало удалцов.
Те в снегах Сибири дальней
Камень — золото долбят,
Доживая век печальный...
Эти — пятеро — висят...

Снова тихо. Снова взрывы.
Снова пятеро бойцов...
Флаги пестрые красивы
Над громадами дворцов.
Собрались, ликуя, гости.
Чередуются «ура»...
А внизу все — кости, кости
Жертв строителя Петра.

7

Над дворцами вьются бесы...
Не светла ночь, не темна —
Сквозь тумана слой белесый
Жаба — крепость прет со дна.

8

Мчатся ряды поколений,
Люд и слепой и голодный...
Слышат болотные тени,
Слышат сквозь камень холодный,
Слышат сквозь гул ликования

Радостей праздничной неги,
Слышат и стои и рыданья
С Лены, с Урала, с Онеги.
Трубы победные громки,
Выстрелы грозные метки...
Гибнут за что-то потомки,
Как погибали их предки.

9

Брошены русские стяги,
Едут заморские гости,
Все иноземные флаги,
Все неотпетые кости.
Те же ширь, как и были,
Те же почетные встречи...
Вздыбло облако пыли —
Смерч налетел издалече.

10

Мчатся тучи. Вьются бесы.
Слышны клики удалцов...
И открыл туман белесый
Флаги пестрые дворцов.

11

Дети Волги, Дона, Лены
И Урала и Двины,
Все в казарменные стены
Под ружье водворены.
Собрались они не в гости,
Им не страшен пушек гром —
Здесь их предков горьких кости
В землю брошены Петром.

12

Преступления открыты.
Тени хлынули в народ.

Все, что там, в трясине, скрыто,
Грозным призраком встает.

13

О, Петр! Ты знал, чего ты волишь:
— «Все флаги в гости будут к нам».
Не знал ты флага одного лишь —
То красный флаг, — война дворцам!

14

Бесы тучей налетали,
Тени — мстители вставали,
Речи тайные шептали.
А народ, голодный, дикий...
Если-б знал ты, Петр Великий!

15

Кадры действующих армий
Обовинивели в казарме,
Вздорожали хлеб и мясо,
Нет ни кислых щей, ни кваса,
Лишь селедкой тухлой мучат,
Не муштруют и не учат.
Взвился красный флаг повинкой,
Не спибеешь его дубинкой.
Встал народ, жесток и злобен,
Бурям гул его подобен,
Встали дети и отцы —
— Бей палаты! Жги дворцы!

16

Мир хижинам. Дворцам война.
Призывы грозные звучали,
И ярко красные сверкали
Над бунтарями знамена.

Бегут. Дерутся. Давят. Душат...
Кто полугол, кто босиком —
Свой — своих прикладом глушат.
Толкают с моста, бьют штыком...
Глаза на доб... Отверсты пасти...
Утеряна рассудка нить —
И нет такой на свете власти
Безумный бег остановить.

Вот пулемет стрекочет с тыла:
Та-та-та-та, та-та-та-та...
И косит их. Болзныи сила
У стада смерти отнята.
Глаза и лица дико тупы.
Звериный вой... Открытый рот...
Чрез окровавленные трупы
Бежит и валится народ.

Бараньим стадом в страхе мчатся.
Бегут, цепляются, ползут.
Ряды израненных ложатся.
Их топчут, в их крови бегут.

Вот берег. Грозная стремнина
В гранит одетая река —
Им все равно. Им все равнина.
Безумья властная рука
Бросает их — и вереницей
Стихийно к пропасти спешат.
И, как подстреленная птица,
Стремглав, рядами вниз, летят.

Топот. Шопот.
Шопот. Топот.
Ропот. Рокот.
Рокот. Ропот.
Рокот толпы —
Тяжки стопы...

Красное зарево...

Марево...

Зарево...

Трата... та... та...

Бах... Бах...

Трата... та... та...

Ползущий страх.

Летящий гнев...

Стоустый рев...

Трата... та... та...

Рокот. Ропот...

Ночь темна.

Тишина...

Шошот...

19

Груды трупов обнаженных...

Лужи крови на земле,

Патрулей вооруженных

Тени движутся во мгле.

20

Мчатся тучи. Вьются бесы...

Кровавист туман белесый...

21

Во дворцах то сил не взвесили —

И упал разбитый трон...

По пяти два раза весили —

Не повесишь миллион.

22

На шумных фабриках все корпуса закрыты.

Из красных труб не вьется лентой дым.

Станки, живые так недавно, позабыты.

Ничья рука не прикоснется к ним.

Не светят по ночам мерцающие окна,
Не отражаются огни в струях реки
И пряжи шелковистые волокна
Не свяжут в ткань живые челноки.
Замолкло все. Как мертвые руины,
Уныло корпуса замершие стоят
И высоко над ними трубы-исполны
Безжизненно молчат.

23

Холодные, голодные,
Бродячие, безродные,
Селитесь по дворцам!
Руками конопатыми
Разделайтесь с богатыми!
Дворцы и деньги вам!

24

Как клич им этот кликнули
Так в миг его проникнули
— Затея хороша.
Гогочут. Раскозырились.
Карманы отпузырились,
Где не было гроша.

25

Дрожит и стонет край родной
И шквал несется над страной.

26

Злобны лица, хохот, скрежет...
Сын отца, брат брата режет,
Стоит воздух, камень стоит.
А в трясилах вновь хоронят
Сотни, тысячи убитых,
Не одетых, не омытых,
И богатых, и безродных,
И голодных... Все голодных...

27

. . . . Умолкли дети, не кричат.
 Как плети опустились руки,
 И только взгляды говорят,
 Как голода ужасны муки...

Никто нейдет. Кого и ждать?
 Замолкла всюду речь людская...
 Тела младенцев... Рядом мать,
 Без слов, без слез, полуживая...

28

Встает народ. Ревет и стонет.
 — Мир хижинам. Дворцам война.
 И главарей с престолов гонит
 Страны нежданная волна.

29

Старый Петрополь печален,
 Сила Российской земли —
 Груда плавучих развалин,
 Мертвый балласт — корабли.

30

Моста осклизлые арки,
 Ржа на решетке железной,
 Вмерзли промокиные барки,
 Смерд и безлюдье над бездной,
 Скованы черные воды
 Кровью облитым гранитом,
 Флаги борьбы и свободы
 Рдеют над храмом разбитым.
 Прошлое скрыто глубоко.
 Кто на вопросы ответит?
 Моста фонарь одинокий
 Путь никому не осветит.

31

Кой где люди-звери рыщут
Хоть собаки дохлой ищут.

32

Зычен крик толпы победной,
Скачет в дебри Всадник Медный,
Весь окутанный дымком...
Выстрелы кругом.

Пад, огромный
Тихо тонет...
Кто-то стонет
В бездне темной...

Смолкло. Тихо. От него
Не осталось ничего.
Под землей
Мрак немой.

33

Мчатся тучи. Вьются бесы.
Посветлел туман белесый.

ОКТАБРЬ

Горбилась нищенкой и ковыляла
По топким болотам старая Русь,
И лаптем сермяжным сама же топтала
Бессильную злобу и тихую грусть.

По пыльным дорогам тоску разнесила,
И сердце кричало под свисты плетей,
И долго голодной волчицею выла
В желтые сумерки умерших дней.

За пазухой рваной росла ее мука,
И сердце сильнее кричало в огне,
И ночью однажды на города руку
Со звоном гудящим упал ее гнев.

И каменный колосс сигнальной ракетой
Взметнул к небесам свой восторженный
крик,

И Русь захлебнулась вдруг солнечным
светом.

И гневом свершен был невиданный сдвиг.

Вздыбила Русь, вздыбила
Под огненным ударом —
Копыта оцуетила
Над мировым пожаром.

И с миром дерзко споря,
Обуяна восторгом,
Прыжком гигантским скоро
За море над Нью-Йорком.

Смелее Русь, смелее.
Крепка твоя кольчуга.
Ты видишь — мир краснеет
От яростной натуги.

Звенят прощально цепи.
Метай, метай из пращи,
Рабочий, серым кеги
Накроет мир горящий.

Теснее, братцы, рядом
Смотри, товарищ Маркс,
Мы скоро звездопадом
Прокатимся на Марс.

Все наше, наше, наше.
Лети звени, экстаз.
Мы землю дружно вснашем
Восторгом наших глаз...

От нуля — крылатых вестниц —
Дадим мы радость песням,
Построим сотни лестниц,
Чтоб выше к солнцу взлечь нам...

Гори, российская заря,
Суши, суши морские топи.
Четвертой пудей октября
Пронзим немую грудь Европы.

ПРОЛЕТАРНИЙ

Я солнечных дней предтеча,
Сам себе и закон и кумир.
На мои широкие плечи
Тяжело опирается мир.

Холод и жар шипочем мне;
Это я завываю в пурге,
Я сегодня в пылающей домне,
А завтра — в холодной тайге.

Я мирские болота и топи
Горящим дыханьем сушу.
Посмотрите, я всю Европу
Звездой на блузе ношу.

Я грядущего ставни раздвинул,
Я качаю веков колыбель,
А ну-ка без моей холестины
Пусть нашинет Христа Рафаэль.

А ну-ка, как я, разукрасьте
Это небо платками зари.
Я — величайший мастер,
Я это все сотворил.

ТЫМ

Развернула ночь большое знамя,
Черное с гудящими краями.

Фонари глядели, точно совы;
Чудилось, — они взлететь готовы.

Здания, заборы, дали
Наклонились, сжались, ждали.

Я сказал товарищу: нас двое
Только и осталось после боя.

Тяжело Москве — и нет подмоги...
Далеко Москва — и нет дороги...

Ничего товарищ не ответил —
Между вами вырос третий.

Вырос третий, знали о котором
Сумерки да хмурые заборы.

Я подумал: он когда-то
Встретит пулей сердце брата.

Изрыгая радостное пламя,
Ожили камни под ногами.

Чтобы город не пугать винтовкой
Подаю мне товарищ мой веревку.

Вражье тело на себе почуя,
Покачнулось дерево, тоскуя.

Зданил.

Заборы.

Дали.

Мы опять с товарищем шагали.

КРАСНОМОСКОВЬЕ

Замусленные церковенки
И игрушечные терема
О народе — рабе, о ребенке
Шепчут слезные сказки впотьмах.

Искривились кудрявые крыши
Тихой болью о старых порах.
В куполах, как летучие мыши,
Виснет серенький, слепенький страх.

Особняк в снеговой куцавейке
Вздохом сломленных ставень хрипит
О калачиках по три копейки,
О хранителе-псе на цепи.

На колоннах облупленных бродит
Мертвой барыни лунная тень.
И скрипит в упраздненном приходе
Панихидным напевом ступень.

По лабазам, застылым и лысым.
Забиваясь в пустые углы,
Обозленные голодом крысы
Прославляют хозяев былых.

Сорвалась запынцовская тройка
В непролазный овраг с крутизнам.
И тоскует сивушная стойка
О мерзавчиках, звонко хмельных.

Ты пропала Москва богатеев,
В мех укутанных бородачей.
Кутежа на пути не затеет
Воротила цыганских почей.

И другая, другая, другая,
Трудовою россою жива,
Золотые столицы пугая,
Вырастает над миром Москва.

За громадами дремлющих башен,
За седыми зубцами Кремля,
Всходит солнце вселюдное наше,
И вселенская светит земля.

Вы искали ее по часовням,
В дыме ладана, в звоне вериг,
А она — раю вашему ровня —
Загремела из огненных книг.

Вы гадали о ней по созвездьям,
По лампадам в иконных углах,
А она ало-цветом возмездья
Из рабочего пота взошла.

Что задумался отче-Иване,
Великан захудалых рабов?
Ты не думал, что солнце восстанет
Раньше сроков и ветхих веков?

Вы проплакались, божьи старухи,
Что соборы в Кремле не звонят,
А к набатному вызову глухи,
К звону мести, любви и огня?

Вам полушку княжью или графью
На ленивую нужно ладонь?
Вам не знамо, что льет под Кутафью
Всех племен и народов огонь?

Кто бы ни был ты, раб Пятиречья,
Иль невольник персидских болот, —
Пропaday твоя кротость овечья,
Кремль для всех угнетенных оплот.

Руки мира! Наручник дробите!
Шея мира! Вылазь из ярма!
Вот глядите: какая обитель
Сорвала свои цепи сама!

Кто умом, кто звериной угадкой,
Все равно, здесь раздолье поймешь!
Ты вползешь сюда рабской повадкой,
Бунтарем ты отсюда пойдешь.

Из оконц протянула ресницы
По всему людоземью звезда.
И глядит на весь мир сквозь бойницы
Недреманное око труда.

Гнули русские пицце спину
У воротни Кремля-старика.
А теперь перед ним шанку скинут
Палестевские вихрем века.

Упоенная рабскою кровью,
Родила трудовая земля
Всерабочее Красномосковье
За всеянской твердыней Кремля.

ВОЛГА

Волга - воложка ржаная,
Разливные рукава.
Воли жила коренная,
Боротьбой ты здорова.

Вороного ворога,
Грозовые берега,
Буреломные яры
Принимали в топоры.

Время битвы небывалой
Ты взяла на волока,
За себя ты постояла,
Стеньки Разина река.

В осередках затаив
Буйства братского разлив,
Красной вольницы бойцов
Собрала со всех концов.

Волны ярые нахмурив,
Взмахом алого крыла
Под расцев осенней бури
Ты Казань свою взяла.

Застонали берега,
Как на пушках у врага,
Подойдя с ночной реки,
Снял Раскольников замки.

За раздолье перекатов
Под девятый черный вал
Хлебовитый стал Саратов
И, не дрогнув, устоял.

От палета белых вьюг
Защищая волжский юг,
Деревенька Черный Яр
Зажигала свой пожар.

Зажирев рабочей кровью,
Самолетами рыча,
Астраханское низовье
Окружила сарапча.

Но, привыкнув побеждать,
Не сдалась речная рать.
Волги красные уста
Миновала чернота.

Волга - воложка ржаная,
Разливные рукава.
Воронье с себя сгоняя,
Ты работать здорова.

В глыбких баржах день и ночь
Начала ты нефть волочь,
На субботник вечный свой,
Мир сзывая трудовой.

ТАМ

Кровавым эдельвейсом зацветают Альпы,
И на Карнатах кровь горит заря алей.
Бесчисленных страдальцев багренеют скалы
С трибун парламентов и с тронов королей.

От стонов ржавеют решетки тюрем,
От пота пыток тускнет на полях роса.
Но из-за стен летят неотвратимой бурей
Пытаемых непобедимых голоса:

— Мы живы! Мы измучены. Но в каждой ране,
Но в каждой смерти — кровью вспоенный обет
Того, что скоро гром рабочий в мире грянет,
Того, что смерти для бессмертной воли нет.

— Пусть сотнями годов враги нам мерят кару.
Десятка лет не минет мировой борьбы,
Как час придет рабочему на вас удару,
И плен сорвут освобожденные рабы.

— Удвойте пытки — мы напор борьбы утроим.
Скорей палац устанет, чем сдадимся мы!
Привет и слава мученикам и героям!
На помощь узникам убийственной тюрьмы!

КОФЕ

Тебя сбирала девушка нагая
По зарослям благоуханным Явы.
Как ящерицу, дико обжигая,
Ей кожу сделал рыжей луч кудрявый.

Замучена полуденной работой,
К любовнику, такому же нагому,
Она бежала в лунное болото
К сплетенному из вешних прутьев дому.

И там кричали, радуясь, как дети,
Что труд прошел, а ночь еще продлится,
Показывая на жемчужном свете
Блестящие от долгой ласки лица.

С утра голландец с ремешковой плеткой
На пристани следил за упаковкой
Клейменных ящиков и кровью кроткой
Окрашивал тугую плетку ловко.

Потом с валов могучих океана
Корабль срезал бунтующую пену,
Пока в каюте мягкой капитана
Купцы высчитывали вес и цену.

До пристани, закутанной в туманы,
Томились, гордо засыхая, зерна.
А там, на Яве, кровавые раны
На девушке горели, рыже-черной.

Вот отчего, когда кипит в фарфоре
С отливом золотистым черный кофе,
В мозгу встает желаний буйных море.
Душа тоскует вдруг по катастрофе:

Взорвать Европу! Снять с дикарской воли
Бесстыдство злое купли и продажи!
Плестей не надо для цветов магнолий!
Не надо солнцу океана стражи!

Отмстить за бешенство бичей ремennых!
Пусть хищники в туман уйдут кровавый!
Да здравствует свобода угнетенных
Во всех краях, как на болотах Явы!

ТУБЕРКУЛЕЗ

Вот он, — глядит из подвалов,
 Смотрит
 С косяк, где по два, где по три,
 Где снят
 Вчетвером, задыхаясь, хрипя.
 Смотрит с зеленых овалов
 Вваленных щек
 И еще
 С впухнувших скул,
 Розой бессмертной страданья горящих,
 Лынет посиневшею жилой к виску,
 Причет ушей голубеющий хрящик
 В приядку волос, потускневших в нехватке калорий,
 И владыкой лежит в этом смертью заостренном взоре,
 В этой синей могиле зрачка,
 И дрожит в ослабевших к работе руках.
 Это он на снегу тротуаров,
 На ступеньках скрипучих, заплеванных лестниц,
 В зараженных углах подворотен
 Рдеет ржавчиной хриплых харкотин,
 Этих маленьких вестниц
 Смертельных пожаров,
 Сжигающих грудь
 Рабочих,
 И пагло хохочет,
 На гордом рабочем лице
 Ставя клейма свои: the, the.
 Вот с полей, из лесов, в переулки окраин,
 Вот провеяло синей веселой весной.
 Выставляет окошки квартирный хозяин,
 В реку мусор понес ручеек разливной.
 И задохшимся в зимнем угаре жильцам

Мучит легкие воздух весенний.
И последним закатом их щеки горят.
На работу идут, подгибая колени.
И вернувшись к скрипучим крыльцам,
Перед гробом становятся в очередь в ряд.
К ночи слез и с зарею не встанет текстильник.
Металлиста сегодня из дома несут.
У табачницы веки бессильно закрылись.
И еще, и еще унесли и зарыли.
Каждой ночью работает старейший могильщик
Над рекою в весеннем лесу.
Кто виновен? К суду! Суд идет!
Суд пришел. Кто убийца? К суду!
И свидетелей каждый завод
Высылает: они из могилы идут.
Обвиняемых тысячи: весь старей мир.
Фабрикант и епископ, король и банкир,
Европейская пресса, парламент, собор.
О, как долг процесс! И когда ж приговор?
Час настал справедливой оценки,
Беспомянутой правдой своею суда.
Господа!
К стенке!

ПШВНАЯ

Бездонное пшвное горло
Дурманым говором трещит,
И пахнет воздух перегорклым
Как николаевские ши.

Засыпано горохом стойло,
Гудит ослиный смех и вой.
И гнусно золотится поило
Под пашкой пены снеговой.

Корзины грязная служанка
Не успевает подавать.
Шалест за субботней пьянкой
Мастерова голова.

Здесь лавочник потеет в лавке
С второю дожиной в бою.
Худой интеллигент в отставке
Здесь допивает жизнь свою.

С эстрады в старой паре фразной
Артист у пива на цепи
Романс о жизни неудачной
Проштым голосом хрипит.

А между столиков калека,
Глухонемой, иль инвалид
Напрасно ищут человека,
Который коркой оделит.

И от пивков, как пес, спасался,
Нечесана и вся в пыли,
Девченка рваная, босая,
С рукой протянутой юлит.

Но пивники не с тем засели
В пивную, чтоб себя терзать.
Им пужно нежное веселье,
А не просящие глаза.

Еще полдюжинки! Дай пару!
Сюда семь кружек! Мне одну!
И пухнут рыла, как опара,
И скалят белую десну.

— Пойдем домой! — кого-то молит
Седая женщина в платке.
Но сын молчит, с щепоткой соли
В руке, с глазами в потолке.

Темно за окнами. Сквозь дождик
Мелькают тускло фонари.
Рабочий! Распустил ты возжи
Тобою взнузданной зари!

Тебе ль тут место, в этой яме,
Владыка жизни и станка.
Твоими ль мощными руками
Из кружки одурь в мир плескать?

Пойми, пойми, какая убыль
Твоей работе мировой,
Коль не в читальне и не в клубе,
А здесь ты тратишь отдых свой!

БЕСПРИЗОРНЫЙ

Звериноголазый, узколобый,
Пуглив, застенчив, угловат,
Пришел он, как мертвец безгробый,
И на дворе сел за дрова.

Его ребята отыскиали
И стали зазывать в игру.
Голодный рот на них оскалив,
Он недоверчив был и груб.

Учительница, зорким глазом
Его заметив, подошла.
И он узнал впервые, разом,
Что жизнь — не глухой слух зна.

Обмыла, космы причесала,
Обедать позвала за стол.
Как в сон, каких и не бывало,
В детдом питомцем он вошел.

И стал, как все. Играл, учился.
Но иногда, порою, вдруг,
В припадке неступленно бился,
И в плаче был его — испуг.

Из мозга ключья страшной были
Впивались в радостную явь.
Как будто снова его били,
В былую грязь бросали вплавь.

Он вспоминал отца-калеку,
И как он мать бил сапогом,
И слез несохнущую реку
И обнищавший в горе дом.

И как однажды, ночью темной,
Отец повесился в сенях,
Язык лиловый и огромный
Показывая свету дня.

Он вспоминал, как под окошком
Стоял он с матерью своей
И все, что выпросил в лукошко,
На самого менял он ей.

И как потом, в гнилой канаве
Она упала, чтоб не встать,
И он слезами грязь разбавил,
В которой стыла его мать.

И как пошел он по дороге
И пропадал в ее пыли,
Пока крестьянки доброй дроги
Его в столицу не свезли.

Все это ранами зияло
В его измученном мозгу,
И он, лежа под одеяло,
Кричал средь ночи: — Не могу!

Пустите! Где моя родная?
Ее сейчас я подниму!
И ничего о нем не зная,
Учительница шла к нему.

Садилась с ним на край постели,
Обняв, смотрела с ним в окно,
Где под луной поля блестяли,
И ветер пел веретеном.

— Ведь ты хороший! — говорила:
— Зачем же ночью ты кричишь?
А под печуркой пол долбила
Ночная труженица мышь.

И все на место становилось
В его истерзанном мозгу,
И сон, как страшной жизни милость,
Его маня в свой нежный луг.

На утро рядовым ребенком
Он мылся, бегал и шалил,
И резал воздух криком звонким,
И был живым цветком земли.

Мой милый! Краткие минуты
Я был с тобой, зайдя в детдом.
И вот глаза мои сомкнуты
В каком-то горе мировом.

Как много вас! Какое море
Непеснякающей любви!
Вам нужно, чтобы ваше горе
В своей груди усыновить!

Но есть оно! Оно бушует
Вкруг вас заботливой волной
И силу общую, большую
Под вами стелет целеной.

Растите! Прошлое забудьте!
Пред вами будущего мир.
Вы в этот мир пробьетесь грудью
И в нем вы будете — людьми.

АРМИЯ ТРУДА

Ночь ли звездами кружит,
 День ли зноит огнем,
 Радостно стиснув ружья,
 Серой бурей идем.

От богатырских взмахов
 Крепнут мозоли рук...
 Здесь рабочий и пахарь
 Грозно идут сам-друг.

Оба — в звездных шеломах,
 Оба — в сером сукне...
 В глубь небесных проломов
 Мечут железный гнев.

Вест пламень веселый,
 Вихрем вольным влеком,
 И города и села
 Далеко.

Кто мы? Идем откуда?
 Пламень несем куда?
 Наша родина всюду
 Там, где голос труда.

Всем, кто под игом тягот
 Пота ронял росу,
 Ткани огненных стягов
 Цепи мятежа несут:

— Гей, кто дерзок и силен,
 — Гей, чья жизнь не легка,
 На вселенскую площадь
 Вече бунта скликай.

Все, чьи тесные груди
 Ясных тревог полны,
 Влейтесь в воинство труда,
 В тело живой волны.

К нам, кто хочет бороться
 С тьмой, поглотившей свет.
 Ярче борьбы за солнце
 Счастья нет.

Ночь ли звездами кружит,
 День ли зноит огнем,
 Радостно стиснув ружья,
 Серой бурей идем.

ТОВАРИЩ ПЕТРОВ

Наряд: — Под 15 —

В 14 — 50...

Петров, как колено лыс,

Сутул и глаза косят.

Повсюду плещет Октябрь

Знаменами над толпой...

Пойти поглядеть хотя-б...

Но туго зовет депо.

Скорей — в рукава кожан,

В кулечек — еды чуть-чуть.

Старухе руку пожать

И кончены сборы в путь.

Зовет свисток: — торопись.

Но знает Петров и сам,

Что должен — 14 —

Итти через полчаса.

.....

На будке полымя лент

И алый флаг не забыт...

Помощнику 20 лет,

Помощник остался бы...

На улицах так пестро,

На улицах так пьяно,

Но голос Петрова строг

И звякнул третий звонок.

И рывкнул сильный свисток,

И тронут чуткий рычаг,

И бросила дым густой

Труба, зарычав...

Могуче лязгает сталь,

Клокочет топка огнем,

И рельсы в мутную даль

Подзут железным ремнем.
Частит за верстой верста,
Скользят провода назад
И ветер, мчась по кустам,
Швыряет пылью в глаза...

.
Бумажный моток, клубись.
На ленте ткано пестро:
— Крушение... 15 —
Убит машинист Петров.
На сотовой... выпал костыль...
Дан тормоз... Поезд спасен...
Старуха заплачешь ты-ль,
Узнав обо всем.
Зачем же. Ждала всю жизнь
Прихода этого дня,
Держись старуха, держись,
Главу седую подняв.
Иди, от горя кряхтя,
Встречать кумачевый гроб:
Достоинно справил Октябрь
Товарищ Петров.

НА ЗАВОД!

Неуемный и огромный
В небо искрами метал.
Изо рта дымящей доны
Тек мятущийся металл.

В потной блузе пролетарской,
В красном фартуке, завод
Полон помыслов бунтарских.
За собой меня зовет.

А гудок тревожно воя,
И пугал и волновал —
В череп жирного покоя
Клинья острые вбивал.

Проклял я страну молчанья —
Изб нестройный хоровод.
Некру буйного восстанья
Заронил в меня завод.

Зову новому внимая,
Шел на выкрики гудков.
Больше, степь, тебе не маять
Деревенских батраков!

Здравствуй, мой грапитный город!
Я, как ты, суров и груб.
Как обрадовались взоры
Частоколу хмурых труб!

ЗАВОДСКОЕ

В мастерской туман зеленый дыма,
В мастерской цветут цветы огней.
Не пройдет она с работы мимо —
Подойдет ко мне.

Каждый день стою у верстака,
Каждый день целую взглядом пилы;
У меня крепка железная рука,
В кованой груди избыток силы.

Молод я, как светлый день весенний.
Свеж, что ветер утренний в полях;
Помню, помню как я с ней намерен
У заводских корпусов гулял.

«Он безбожник в комиссары метит» —
На квартире бабы говорят;
Пусть...
Какое дело мне до сплетен,
Если в сердце у меня заря?

В мастерской туман зеленый дыма,
В мастерской цветут цветы огней;
Не пройдет она с работы мимо —
Подойдет ко мне.

ВЕСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

Ой цветы,
Цветы кудрявая рябина,
Наливайтесь грозди
Соком вешним.
Я на-днях,
На-днях у дальнего овина
Целовалась
С миленьким нездешним.

Все было хорошо, —
Так хорошо,
И блузы синий цвет,
И запах тополей.
Он из города
Ко мне пришел,
Я — с полей.

Он сказал:
— Вернулся я к покосу,
Будем травы
На лугах косить;
И все гладил,
Гладил мою косу,
На руках
По ржам меня носил.

Ой, вы, ржи,
Зеленые вы, ржи,
Мне бы с вами жить,
Озелениться мне бы,
Я люблю смотреть,
Как ваша ширь дрожит
Под солнечною гладью
Неба.

Жаворонок,
Выше,
Громче;
Громче,
Выше надо мной:
Сердце просит,
Сердце хочет
Захлебнуться
Майскою волной.

Знаю —
Скоро
На широкой ниве
Будет сери мой
В золоте звенеть.
На деревне
Нет меня красивей,
На деревне
Нет меня дельней.

Ну и пусть
Судачат
Бабы,
Дуры,
Будто поровню
В коммуны я.
В огороде лебеду
Обходят куры, —
Сплетет лебеду
Давно мне я.

Ой, цветы,
Цветы, кудрявая рябина.
Паливайтесь грозди
Соком вешним.
Я намедни,
Я намедни у овина
Целовалась
С миленьким нездешним.

УТРО В ХАТЕ

На печи, в углу,
За кирпичом
Собрались на митинг
Тараканы,
На стене —
Картинка с Ильичем,
Под божницею —
Угольник драный.

За столом
Седал голова —
Как сноп гречишный —
Роняет зернами слова
Чуть слышно.

На задней лавке
Прялка с донцом
Обняли друга по труду
Куделю,
А с улицы
В раскрытое оконце
Бабочки солнечные налетели.

А с улицы
Пахнуло ветерком,
А с улицы
Ворвалось:
Ти, ли, ли...

Заходило сердце челноком.
На душе
Лужайки зацвели.

А перед печью,
Где угольков рыжики,
Ребятишки,
Словно чижики,
Про коммуны щебечут.

Даже Васька-кот —
И тот,
Золотистую разрыв солому,
Улыбнулся утру голубому.

Здравствуй, утро,
Здравствуй, май,
Здравствуй, зелень весенняя!
В месяц май
Не вспоминай
Думушки давнишние!

Ну и пусть
Настанет вечер,
День свечью догорит, —
Ноши,
Ноши просят плечи.
Силу труд не уморит!

ТОВАРИЩ

Он был сыном простого рабочего
И повесть о нем очень короткая.
Только и было в нем, что волосы, как ночь,
Да глаза голубые, кроткие.

Отец его с утра до вечера
Гнул спину, чтоб прокормить крошку.
Но ему делать было нечего,
И были у него товарищи: Христос да кошка.

Кошка была старая, глухая,
Ни мышей, ни мух не слышала,
А Христос сидел на руках у матери
И смотрел с иконы на голубей под крышею.

Жил Мартин, и никто о нем не ведал.
Грустно стучали дни, словно дождь по железу.
И только иногда за скудным обедом —
Учил его отец распевать Марсельезу.

«Вырастешь, — говорил он, — поймешь...
Разгадаешь, отчего мы так нищи».
И глухо дрожал его щербатый нож
Над черствой горбушкой насущной нищи.

Но вот под тесовым
Окном —
Два ветра взмахнули
Крылом;
То с вешнею пылью
Вод
Взметнулся Российский
Народ...

Ревут валы,
Поет гроза!
Из синей мглы
Горят глаза.

За взмахом взмах,
За трупом труп,
Домает страх
Свой крепкий зуб.

Все взлет и взлет!
Все крик и крик!
В бездонный рот
Бежит родник...

И вот кому-то пробил
Последний грустный час...
Но верьте, он не сробел
Пред силой вражьих глаз!

Душа его, как прежде,
Бесстрашна и крепка.
И тянется к надежде
Бескровная рука.

Он не задаром прожил,
Не даром мям цветы;
Но не на вас похожи
Угасшие мечты...

Печаянно, негаданно с родимого крыльца
Донесся до Мартина последний крик отца.

С погасшими глазами, с пугливой синью губ
Упал он на колени, обняв холодный труп.

Но вот приподнял брови, протер рукой глаза,
Вбежал обратно в хату и стал под образа.

«Исус, Исус, ты слышишь? Ты видишь? Я один!
Тебя зовет и кличет товарищ твой Мартин...

Отец лежит убитый, но он не пал, как трус.
Я слышу, он зовет нас, о, верный мой Иисус!

Зовет он нас на помощь, где бьется русский люд.
Велит стоять за волю, за равенство, за груд!»

И ласково приема
Речей невинных звук,
Сошел Иисус на землю
С неколебимых рук.

Идут рука с рукою,
А ночь черна, черна...
И пыжится бедою
Седая тишина.

Мечты цветут надеждой
Про вечный, вольный рок.
Обоим нежит вежды
Февральский ветерок.

Но вдруг... огни сверкнули...
Залагал медный груз...
И пал сраженный пулей
Младенец Иисус.

Слушайте:
Больше нет воскресенья,
Тело его предали погребенью:
Он лежит
На Марсовом поле.

А там, где осталась Мать,
Где ему не бывать
Боле,
Сидит у окошка
Старая кошка,
Ловит ланой луну.

Ползет Мартин по полу:
Соколы вы мои, соколы,
В плену вы,
В плену!

Голос его все глуше, глуше,
Кто-то давит его, кто-то душит,
Палит огнем.

Но спокойно звенит
За окном,

То погаснув, то вспыхнув
Снова
Железное
Слово:

«Пре - ес - пуу - ублица»! . . .

ПАНТОКРАТОР

Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.

Пролей, пролей нам над водой
Твое глухое ржанье.
И колокольчиком-звездой
Холодное сиянье.

Мы радугу тебе дугой,
Полярный круг на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею нашу.

Хвостом земле ты прищепишь,
С зари отчалься гривой.
За эти тучи, эту высь
Скачи к стране счастливой.

О, пусть они, те, кто во мгле
Нас пьют лампадой в небе,
Увидят со своих полей,
Что мы к ним в гости едем.

НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА

Не кишущий смерч землетрясений
 Мир хлестнул неудержимым шквалом:
 Это весть о том,
 Что умер Ленин...
 Весть о том, что
 Ленина
 Не стало!..

Солнце, стой!
 Ох, солнце, сделай милость,
 Подожди лучом в снегах звучать:
 Ты не знаешь,
 Что остановилось
 Огненное сердце Ильича?!

Мир, завод, станок мой неустанный!..
 Не придет садовник в буйный сад!..
 Слушай, мир:
 Рабочего титана
 Нынче потеряли корпуса!

Никогда уж больше не прольются
 Некры слов, взрастившие пожар,
 От горящей доны революций
 Отошел
 Великий Кочегар!..

И в полях, где голос в песне звонок,
 Где широк лихой, просторный зык,—
 Видал я:
 Заплакал, как ребенок,
 Никогда не плакавший мужик!

Видно, все взметенными годами
Глубоко вросли в октябрьский клич.
Видно, крепкими, стальными проводами
С простоподьем
Был скреплен Ильич!

Значит, в толпах новых поколений,
Где незыблем ленинский закал,
Будет жить
Миллионноглавый Ленин!..
Значит, наш Ильич не умирал!

И зачем под гром землетрясений
И под всемеси океанских шквалов
Мчится весть о том, что
Умер Ленин?
Весть о том, что
Ленина
Не стало?!

ДЕРЕВНЯ

Звенит смолистая дуга
 Бубенчиками прошлых весен;
 О расцветающих лугах,
 Об урожае и покосе,

О свадьбах с песней и вином,
 Где тучей дымной и густою
 С «Известьями» и «Беднотою»
 Махорка тлеет под окном.

Недвижны бороды кругом
 И дыма голубые кольца...
 Не разбудил их Исполком
 Звонящей речью комсомольца.

Под шелест хриплых голосов
 Звучит в читальне деревенской,
 Навевая сладкий сон,
 «Бухарин и Преображенский».

До дней,
 Когда пыхтящий трактор
 Начнет на пашне разговор,
 И по проселочному тракту
 Гремя замечется мотор.

Пасется-ль солнце на лугах,
 Жует ли травы на покосе...
 Звенит смолистая дуга
 Бубенчиками прошлых весен.

ЛЕДОХОД

Я — делегат небесной рати,
И от весеннего Цека!
Я — солнце, нынче председатель
И на земле, и в облаках!

Вчера работали на поле,
Теперь с апрелем мы вдвоем
Пришли освободить на волю
Ручьево — реченский район.

Осеребренные руины
Лучами всюду запаши.
Неситесь, бронзовые льдины,
Стремясь в расплавленный залив!

Умойтесь волнами разлива,
Пускаясь в быстрый ледоход!
Промчитесь стройно и игриво
Под флагом щесен и свобод!..

Дворцы зимы живей гремите,
С голов отряхивайте снег!..
Товарищи, — на митинг!..
Первый вопрос — о весне!

НАШ ПРАЗДНИК

Над поселком дымным, над столицей.
Над толпой кудлатых деревень,
Свежестью расписанного ситца
Запылал обрадованный день!

Ветер песни площадями носит.
Дождь голов — и улица тесна!..
В небесах — тоскующая осень,
На земле — бурливая весна!

К западу склонившимся укором.
Зовом расплескавшись на лету.
Либкнехта ужаленные взоры
Солнцем над трибунами цветут.

Этих глаз негаснущая вера
И сердец неугомонный бой
Под крылом кумачным Коминтерна —
Зарево свободы мировой!..

И пока на неба край покатый
Вечер темнорусый не пришел,
Разливайтесь песни и плакаты:
— «Расцветай Всемирный Комсомол!».

УТРО МАЛЯРА

От солнца — жар,
От сердца — жар.
В крови — весна бродила...
На крышу молодой маляр
Вздыхался по стропилам.

Железа скрежет
Режет тишь.
Прорезы ждут замазки.

Кругом —
Так много ржавых крыш,
Готовых к перекраске.
Эх, только-б теплые деньки, —
Работай без заминки...
Перекликаются тудки,
Взывая на починку.

Прострекотал аэроплан
Над самой головою...
А в доме сотни стен и рам
Повыкрану зимою.

От солнца — жар,
От сердца — жар.
В крови — весна бродила.
На крышу молодой маляр
Вздыхался по стропилам.

ТВОРЧЕСТВО

Струится осенью и медом липа,
Лесник, как золото, опустит кладь.
Чтоб поутру рубанка жадным всхлипом
Душистый докон—стружки завивать.

Прилипнет к телу потному рубаха,
Кряжами мускулы — как весла, не снесла.
Медвяные выстругивают плахи
По линиям карандаша.

Стальной осой озлобленно и жестко
Жужжит пила, и жалит, жалит тес,
И первые, еще живые, доски
Обнюхивает остроухий пес.

Дымят леса — они лежат на листьях,
А пес ворчит за новое добро,
Пока тяжелые рябиновые кисти
Вдруг по заре не хватит серебром.

Тогда их белое лебяжье мясо
Сечет резец, нашитывает чан.
И молоток проходит бойким плясом
По цепким, как коренья, обручам.

И каждую дощечку обруч душит —
Они смиряются, как верные рабы,
В замшелой клетке звонкие кадучки,
Где преют острые и скользкие грибы.

Все, что с земли снесли сюда лукошки,
В еловом сумраке, что встретило ружье,
Не разнесет от клюквы и мороники,
Лосиной кровью стенок не прожжет.

А я — поэт... И мне-ль теперь не думать,
Как бы рубанком сердце обстрогать,
Притон — и щебета, и радостного шума,
И безрассудства — лицевую рать.

Ворваться острою пилою мысли,
Пилить, строгать, в усталости стихать,
Чтоб закрепить все имена и числа
Железным обручем сурового стиха.

Не ставить никогда наверно точку,
За ней другая — также хороша!
Пускай за каждую написанную строчку
Ворчит, как пес, ревнивая душа.

Пусть будет нам, неутомимый Пушкин,
Благословенны потные труды!
Тогда из каждой лицевой кадунки
Пахнут роскошные и пряные плоды.

ПЯТЬ НОЧЕЙ И ДНЕЙ

И прежде, чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей, —
В Колонном зале положили
Его на пять ночей и дней.

И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый
И Красный орден на груди.

Текли... А стужа над Москвою
Такая лютая была,
Как будто он унес с собою
Частицы нашего тепла.

И пять ночей в Москве не спал
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно печален
Луны почетный караул.

ТАК БУДЕТ

Закономерно, чередой длинной,
Пройдут года —
И в город — сад асфальтово - пчелиный
Сольются города.

В нем будут розы на стеклянных крышах,
Но мы, увы,
Его уж не увидим, не услышим —
Ни я, ни вы.

Но все же так легко себе представить
И вам, и мне
Зеленый город в солнечной оправе,
В ничьей стране.

Там памятник на площади крылатой
Поставлен так,
Что солнце сыплет золото заката
На бронзовый пиджак.

Туда приходят маленькие дети,
Счастливые на вид,
И улыбаются в закатном свете
Тому, кто там стоит.

И мать, подняв ребенка на ступени
И за лучем следя,
Негромко произносит: — это — Ленин,
Мое дитя.

ЗЕМЛЯ МОСКОВСКАЯ

Тебя замучивали, примеряя
Как рукавицу на ладонь,
Земля Московская, земля сырая,
Тебя топтал татарский конь.

Князья, на княжество, как на телегу,
Присаживаясь на бекрень,
Тебя ухватывали в час набега
За груди пышных деревень.

Цари блаженные твои напасти
Лечили Спасом на Бору,
Цари тишайшие тебя на части
Крошили, словно просфору.

Кадили ладаном митрополиты
На мощи, сгнившие до тла.
Кровавым жемчугом была повита
Твоих опричников метла.

Масоны рыхлили сухие грядки
Тупым ребром своих лопат.
Тебя буравили босые пятки
Наполеоновских солдат.

Кололи циркулем ржанные дали,
Когда, в середине февраля,
Освободители освобождали
Тебя, крестьянская земля.

Ходышкой праздновали год счастливый,
И на квадратных полверсты
Портреты царские и кружки шива
Твои продолжили кресты.

И все от Грозного до Николая,
И все — откуда стала есть
Земля Московская, земля сырая,
Откудова на мир, на весь,

Хоть и без голоса, Иван Великий
Вещал о царской лепоте,
Где в черном золоте Христовы лики
Изнемогали в высоте.

И все, что веяло, как ворон — птица,
Бедою на тебя, земля, —
Все му дано было огородиться
Стеной Московского Кремля.

Там хоронили и
Короновали,
Пока флотилии,
На горе нам,

И Севастополи
Атаковали,
И сталью цокали
По черешам.

Когда же грянули
Из туч бойницы, —
Не монопланами
Хотели там

Бороться с немцами.
А плащаницей,
Как полотенцами
По комарам.

Но фронт
Уже не тот, а новый,
Разоружение —
Пожар.

Уже не ринется
 Ко Львову
 Ни пехотинец,
 Ни гусар.

Уж над Невой
 Летят машины,
 И час не твой ли
 Настает —

У дома бывшей
 Балерины
 Заговоривший
 Пулемет!

И сердце алое
 Упрямо,
 Твое, не вскоре ли,
 Земля,

Зарокотало,
 Как динамо,
 На территории
 Кремля.

Там все: и бомбы,
 И гранаты,
 Бои, нажимы
 (Путь не прям),

Там все: и ромбы,
 И квадраты
 Непогрешимых диаграмм:

И тот, кто с громом
 На ладони
 Летел в тумане
 (Дви — года),

В запломбированном
Вагоне
Через Германию
Сюда.

И кто потряс,
Подобно кну,
Потряс грозиво
Шар земной,

Кто и сейчас
Ведет Россию
Парализованной рукой.

СОБЫТИЯ В КРАСНОМ МОРЕ

По радио зовя: — На помощь, друг! —
Но в смерти сохраняя дисциплину,
Идя в Россию, наскочил на мину
Британский броненосец «Айрон Дюк».

И вот, сверля зелено-синий вал,
Пошли на дно, увенчанные славой,
Матросы влево, офицеры вправо,
Посередине ихний адмирал.

А в глубине среди медуз и звезд
Была в тот час такая буря прений,
Что у царя морского от волнений
Затмился взор и подкосился хвост.

Он только что забылся первым сном,
Как вдруг, от страха зеленее пла,
Какая-то селедка доложила,
Что в Красном море — Красный исполком,

Что рыбы, от акулы до ерша,
Под пенне Интернационала,
Поплыли вдоль Суэцкого канала,
Сторонников правительства круша,

Что даже здесь, под сводами дворца,
Кораллы, состоящие в придворных,
На красных, белых, розовых и черных
Разбились в ожидании конца.

Царь стал бледнее устрицы. Но вдруг
К нему во двор, мощный жемчугами,
Глядит, идет железными шагами
Команда броненосца «Айрон Дюк».

— «Я вижу флот. Откуда он и чей?» —
Промолвил царь, откашлявшись солидно,
Держа в руке, чтоб лучше было видно,
Святящуюся рыбу в сто свечей.

— «Британский флот! Конец моей беде:
Он под водой поможет мне с восторгом,
Как и его величеству Георгу
Он помогал при жизни на воде.

Он успокоит рыбный мой народ,
Возьмет за жабры подлую ораву». —
Но слева из командного состава
Раздался низкий бас: — «Наоборот!»

И, отмахнув царя, чтоб не мешал,
Пошли в Суэц, веселые, как черти
(Они умнее стали после смерти),
Матросы, офицеры, адмирал.

Вот так произошел переворот,
И с этих пор (и это очень ясно)
И рыба лучшая зовется красной,
И красным — наилучший в мире флот.

СЕТТЕР ДЖЕК

Собачье сердце устроено так:
 Полюбило — значит на век!
 Был славный малый и не дурак
 Ирландский сеттер Джек.

Как полагается, был он рыж,
 По лапам оброс бахромой;
 Коты и кошки окрестных крыш
 Называли его чумой.

Клеенчатый нос рылся в траве,
 Вынюхивал влажный грунт;
 Уши висели, как замшевые,
 И каждое весило фунт.

Касательно всяких собачьих дел
 Совесть была чиста.
 Хозяина Джек любил и жалел,
 Что нет у него хвоста.

В первый раз на аэродром
 Он пришел зимой в снег.
 Хозяин сказал: «Не теперь — потом
 Полетишь и ты, Джек!»

Биплан взметнул снежную пыль,
 У Джека — ноги врозь:
 — Если это автомобиль,
 То как же оно поднялось? —

Но тут у Джека замер дух: —
 Хозяин взмыл над людьми.
 Джек сказал: — Одно из двух. —
 Остаься или возьми!

Но его хозяин все выше лез,
Треща, как стрекоза.
Джек смотрел, и вода небес
Заливала ему глаза.

Люди, не заботясь о псе,
Возились у машин.
Джек думал: — Зачем все,
Если нужен один?

Прошло бесконечно много лет,
(По часам пятнадцать минут),
Сел в снег летучий предмет,
Хозяин был снова тут...

Пришли весною. Воздушный причал
Был бессолнечно — сер.
Хозяин надел шлем и сказал:
— Сядьте и вы, сэр!

Джек вздохнул, почесал бок,
Сел, облизнулся, и в путь.
Взглянул вниз и больше не смог:
Такая напала жуть!

— Земля бежит от меня так,
Будто я ее с'ем.
Люди не крупнее собак,
А собак не видно совсем.

Хозяин смеется. Джек смущен
И думает: — Я — свинья:
Если это может он,
Значит, могу и я.

После чего спокойнее стал
И, повизгивая слегка,
Только судорожно звал
И лаял на облака.

Солнце, скрытое до сих пор,
Согрело одно крыло.
Но почему задохнулся мотор?
Но что произошло?

Но почему земля опять
Стала так близка?
Но почему начала дрожать
Кожаная рука?

Ветер свистел, выл, сек
По полным слез глазам.
Хозяин крикнул: — Прыгай, Джек,
Потому что... ты видишь сам!...

Но Джек, припав к нему головой
И сам дрожа весь,
Успел сказать: — Господин мой,
Я останусь здесь...

На земле уже полумертвый нос
Положил на труп Джек.
И люди сказали: — Был пес,
А умер, как человек.

КРАСНЫЙ КОРМЧИЙ

В. И. Ленину

Руками сжав штурвал железный,
На красной вышке боевой
Стоит и держит путь свой звездный
Мятежный, гордый рулевой.

Горбами вздулись смоляные
Под ветром свежим паруса...
Сменялись с плеском волн стальные
Команды красной голоса.

Плывут к земле обетованной
Язвы наших славных дней,
И блещет им в дали туманной
Колхида прелестью своей.

Глаза горят у рулевого...
Надвинув серый капюшон,
Колосса он ведет стального
Под тяжкий град со всех сторон.

Упорных рук не опуская
В мечтах о вольности морей,
Не спит команда боевая
У огненных батарей.

Фрегат ли, бриг бежит навстречу,
Пылая жалкою враждой,
Он гибнет сразу в жаркой сече
И прочь уносится волной.

Гроза сменяется грозою,
То в тучах небо, то ясно,
Но неизменною рукою
Все управляется судно.

Уже над водною пустыней
Сверкнув, как выстрел с корабля,
Прогрохотал в просторе синем
Многоязычный крик: «Земля!»

Завыли зычные сирены,
Как чайки взмыли вымпела,
Дождавшись светлой перемены,
Заря свободная взошла.

И кормчий, светом озаренный,
По успокоенным волнам
Повел стальные легионы
К далеким, чудным берегам.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД
ФЕВРАЛЬ

I

Пришел февраль —дохнул грозою.
Трон опрокинут. Царь пленен.
Целует солнце над толпою
Шелка ликующих знамен.
Забыв тяжелый гнет столетий,
И светел новый бег минут,
И люди радостны, как дети —
По шумным улицам идут.
Ликует Невский. Вся Тверская
Полна людей, полна речей,
Горят, звенят, не умолкая,
Повсюду гимны новых дней.
А там, где сер окопов ряд,
Все та же смерть, все тот же ад.

II

Там третий год в преддверьи гроба
Кривыми лентами цепей
Солдаты бьются. И утроба
Земли устала от смертей.
Там третий год меж вражьих станов
Поют ракеты по почам,
И весел взлет аэропланов
Навстречу солнечным лучам.
Там третий год борьба с врагами...
И вот уж много, много дней

Стоит усталость за плечами
Войной измученных людей.
Там третий год, там третий год
Сметает жертвы пулемет.

III

Туда, туда с приказом вместе
Гуд телеграфных проводов
Приносит радостные вести
Из потрясенных городов.
Свобода! Старое забыто.
Страна восстанья правит пир.
И под шинелью каждой скрыто:
Свобода? Значит, завтра мир?
Но четок серый слог приказа:
Солдат, в опасности страна,
Смотри, как прежде, в оба глаза!
Еще не кончена война!
Нужны проливы. Будь готов!
Подписано — министр Гучков.

IV

И снова бой. И снова ночи
Полны предчувствием атак.
Но под фуражкой рабочей,
Под каскою рабочей — враг?
За что борьба? — за что сражение?
Кому безжалостный фугас?
Кто разрешит недоумение?
Кто скажет правду в этот час?
И если им не лгут воззвания,
Что властью стал в стране народ,
За что лишения и страдания?
Зачем шрапнели звонкий лет?
И мысль безжалостно ясна:
Народу не нужна война.

V

Все чаще флаг взметая белый,
 Враги сходились в мирный круг,
 И рогный прапор оробело
 Таил смятение и испуг:
 Солдат под серую шинелью
 Хранил неведомый порыв,
 И «Правда» белую метелью
 Несла в окопы свой призыв.
 И многим, многим ясно стало,
 Что все мученья долгих лет
 За власть и силу капитала,
 За тех, кого в окопах нет.
 И под Тарионом солдат
 Сказал — конец, и шел назад.

VI

Ликует Невский и Тверская,
 На каждой шляпе красный бант,
 И в штаб, погонами сверкая,
 Летит в пролетке адъютант.
 Ему министра срочно надо
 Увидеть в неурочный час —
 Для чрезвычайного доклада
 Он вести важные припас.
 Рабочий люд восстаньем вспенен —
 С балкона белого дворца
 Призыв к толпе бросает Ленин
 И будит гордые сердца.
 Их лозунг: вся советам власть!
 И с ними войск столичных часть.

VII

И вмиг услужливая пресса
 Подняла вопли, вой и стои,
 И клевета справляет мессу
 Вкруг героических имен.

Шпионы! Родину предали!
В вагоне с пломбой! Дикий рев!
И толпы буржуа встречали
Камнями речь большевиков.
И в дни июльские впервые,
Когда восстаний грянул гром,
Дрожала старая Россия
Перед грядущим Октябрем.

ЛЕНИН

В чьем сердце не биенье — бой!
Чье сердце — красное, живое знамя!
О, буреvestник мировой,
Бунтующий миллионными руками!
О, зоркий вождь, ты на высотах гор,
Где пролетарии — вулканы, скалы, крижи, —
Где пролетарии твой взор,
Твой взор поставили на страже.
Историю, работницу времен,
Упавшую перед парадным ходом,
Циклоном толи влеком и вдохновлен,
Стремительно повел заводом.
И вот грохочет Новый Год —
Короны падают, как звезды ночью пылкой,
И содрогается громоотвод,
Воздвигнутый над биржей — Учредилкой.
Сигнальным Октябрем
Россия вспыхнула, и в муках бури
Коммуну мы куем, куем
Тяжелыми молотами диктатуры.
Европы грудь
Вздымается в мозолистом восстании,
Готова глубоко вдохнуть
Советов свежее дыхание.

КАМЕНЩИК

Бреду я домой на Пресню,
Сочится усталость в плечах,
А фартук красную песню
Потемкам поет о кирпичах.

Поет он, как выше, выше
Я с ношей красной лез,
Казалось, до самой крыши,
До синей крыши небес.

Глаза каруселью кружило,
Туманился ветра клич.
Утро—тоже взносило,
Вносило красный кирпич.

Бреду я домой на Пресню,
Сочится усталость в плечах,
А фартук красную песню
Потемкам поет о кирпичах.

НЕБЕСНЫЙ ЗАВОД

И высок и широк
Синемаменный завод.
Чу! Порывистый гудок
Пыльным голосом зовет.

И снесат со всех концов
В толстых блузах законченных
Толпы мощных кузнецов,
Ветровым гудком сплоченных.

Все темней, темнее высь,
Толпы темные сошлись,
И проворно
Молний горна

Душным жаром
Разожгли

И раскатистым ударом
Ширь завода потрясли.

РУБАНОК

Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком!

Ой, вейтесь, осышайтесь на пол
Вы, кудри русые, с доски!
Ах, вас не мед ли где закапал:
Как вы душисты, как сладки!

О, помнишь ли, рубанок, с нами
Она прощалася спеша,
Потряхивая кудрями
И пышно стружками шурша?

Я в то мгновенье острой мукой
Глубоко сердце занозил,
И после тихою разлукой
Тебя глубоко запылил.

И вот сегодня шум свиданья —
И ты, кудрявясь второпях,
Взываешь теплые воспоминанья
О тех возлюбленных кудрях.

Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком!

ДЯДЯ ИЛИ СОЛНЦЕ

Цветут глаза, и слух, и дух цветет, впитывая
От каждой твари сочный, пестрый зов.
Но кто родней? Мой дядя ли Семен
Сергеевич или это солнце мая?

Он очень мил, мой дядюшка портняжка,
Сердечный, вечный самогонки друг,
Зимой и летом пышащий так тяжело,
Что позавидует утюг.

Он шумный пьяница, но великолепен
Теплыню искренней его нелепый шум —
То вкусной руганью ослепит,
То взбрызнет шуточки изюм.

И как чудесны дядюшкины руки,
Когда жалея мой влюбленный пыл,
Он мне так ревностно разглаживает брюки,
Чтоб я глазам любимой угодил.

И этих рук сердечное движение
Ложится родинкой в моей груди.
Вдруг — солнце! Солнышко... Звени, гуди
Малиновое сердцебиенье!

Сочится солнце с картуза,
Стучится искрами в глаза,
И веселится солнце мая,
Красней бубнового туза,
Страстней гармоникки играя.

Струится, брызжется весной,
И по губам и по карманам...
Струится праздником румяным,
И я глотаю сочный зной —

Ах, дядюшка, скажи, родной, —
 Нето ли солнце стало мной,
 Нето ли сам — я солнцем пьяным?!
 Как много жизни бьет в груди!

Ах, дядюшка, хоть отцеди
 На следующее поколенье!
 Звени, звени! гуди, гуди
 Малиновое сердцебиенье!

Цветут глаза, и слух, и дух цветет, вишвая
 От каждой твари сочный, пестрый звон.
 Но кто родней? Мой дядя ли Семен
 Сергеевич иль это солнце мая?

РУЧНОЙ ЛЕБЕДЬ

Спозаранок
 Мой рубанок,
 Лебедь, лебедь мой ручной.
 Торопливо
 И шумливо
 Мною пущен в путь речной.
 Плавай, плавай,
 Величавый,
 Вдоль першавого русла,
 Цапай, цапай
 Цепкой лапой
 Струи стружек и тепла.
 Лебедь мчится,
 И клубится
 Шумный, шумный водопад,
 И колени
 В белой пене
 Утопают и кипят.

ОХ, ПРАЗДНИК

Ох, праздник, и какой пустой!
Какую скуку сучит, сучит!
А тут и тучи
Окошко тушат темнотой.

Умолкнул молоточный гром,
Черствеет, тяготится кожа,
Сутулится стариком,
О молотке тоскуя тоже.

Чу! Стуки в тучах. Жаркий взмах —
И ослепительное шило
Вонзила молния впотьмах.

И радостно, без заминки,
Загрохотали мастера:
Ах, вот, ах, вот, она пора
Отрадной грозовой починки!

Со свежей дратвой дождевой
Пронзительно носилось шило,
Быстрый, брызжущий, живой,
Звончатый огонь крошило.

А я в окошко взором врос,
Стучу и сердцем и висками,
И темь, и блеск, и прядь волос
Тачаю впопыхах руками.

Отгрохотали. Высота
Лучится. Свежестью волнуем
Выскакиваю за ворота
И хлюпаю, пою по струям.

И улицей люблюсь я:
Асфальтам весело, и чище,
Ясней блестят из-под ручья
Их лаковые голенища.

ГАРМОНИСТ

Было тихо. Было видно дворнику,
 Как улегся ветер под забор
 И позевывал... И вдруг с гармоникой
 Гармонист вошел во двор.
 Вскинул на плечо ремень гармоняки
 И, рассыпав сердце по ладам,
 Грянул — и на подоконниках
 Все цветы поплыли по лугам.
 Закачались здания кирпичные,
 Дально, дально опьянясь,
 Ягодами земляничными
 Стала сладко бредить грязь.
 Высыпал народ на подоконники —
 И помчался каждый, бодр и бос,
 Под трезвонами гармоник
 По студеному раздолью рос.
 Почтальон пришел и зачарованный,
 Пробежав глазами адреса,
 Увидал, что письма адресованы
 Только нивам да лесам.

ПЕСНЯ

Чем ты хочешь — можешь обесславить.
Но одно, судьба, не потуши —
Это счастье песней плавить,
Песней плавить боль души.

Хорошо, когда в тоске повиснет
Бесприютная рука —
Песня теплой дрожью прыснет, —
И затеплится тоска.

Станут алыми туманы,
А как только звук плеснет —
Песня оттенелью пьяной
Горе старое прольет.

То ли бедности заплата,
То ль ожог простых обид
Иль отвергнутой, расиятой
Боль любви заговорит —
Все теплыню виноватой
Песня сладко рассочит.

Оттоскую, отгорюю...
Вдруг — и браво брызнет бровь.
Загребит направа
Звуков радужная дробь.

Вдруг и виляс, — и дерзко весел,
Сердце лезет выше скал —
Всю бы землю искуралес
Все бы небо исплясал.

Там опять тоска вкрадется,
 Старым горем задрожит
 И душа не разберется —
 Иль бодриться, иль тужить,
 Или жизнью песня льется,
 Или песней льется жизнь.

Чем ты хочешь — можешь обесславить,
 Но одно, судьба, не потуши —
 Это счастье песней плавить,
 Песней плавить боль души.

ЗВЕНИ, ВЕСЕННЯЯ РОССИЯ

Звени, весенняя Россия,
Цвети, венчальная страна,
Цвети, встречальная свобода,
Звени, звучальная струна.

Как ярко - радостные дети,
Мы все ликуем и зовем,
И торжествуем марсельезно
И революцию куем.

Мы стали вдруг навек друзьями,
И каждый волен и здоров,
И каждый творчески настроен,
Семья одна — единый кров.

Какое счастье быть Поэтом
И сердцем чутъ солнцевсход,
И слышать, как цветет рассветом
Освобожденный наш Народ.

Какое счастье быть Поэтом
И гражданином в эти дни,
Когда на улицах приветом
Горят рубинами огни.

Живи, Народ. И песни пой,
И грудь открой заставой,
Краснознаменную Судьбу
Покрой на счастье славой.

Ведь настало заветное:
На улицах публика —
Флаги, как маки, горят,
И я рвусь —

Да строится новая Русь,
Человеческое чудо - Республика!

КОНЯГА

Не шелохнется, морду наклоня,
Стоит на бурой мартовской дороге
Не конь, а призрак жалостный коня.

Гноится глаз и так широко ноги
Расставлены. С оплешенной спины
Мочальный сехал вбок паряд убогий.

Под солнцем дремлю. В дреме полусны
Обрывками конягу вдруг тревожат.
Вот степь и сныш иной, иной весны,

Коньятный гул и ржанье эхо множит...
Но дикая кайсацкая орда,
Свистя арканами, табуи тревожит.

Ах, душины стойла, крепки поводя!
Но степь все так же жгуче манит далью.
И вольных глаз лиловая вода

Взмутилась и глядит живой печалью
В столетия. Ах, прежний ржанья звон
Не пронесется над весенней талью!

Храпя, за буйным ветром вперегон
Не ринется, — коняге бы до дому...
Он даже не пугает тех ворон,

Стоит и дремлет, и жует солому.
Посунувши костяк в хомут-палач.
А по заплечью стертому, больному.

Клюя мясину, ходит черный грач.
У кабака ж гудит коня хозяин,
Блаженно пьяный и в руке — казач.

I

Жестокую стужу костры сторожили,
 Но падала температура
 На градус в минуту, сползая по жиле
 Стеклой руки Реомюра.

Бульвар, пораженный до центра морозом,
 Деревьев артерьями синий,
 Уже не бисквитом хрустел, а склерозом,
 На известь меняющим иней.

И землю морозом сковав и опутав,
 Хирурги хрустальной посуды
 Выкачивать начали кровь из сосудов,
 Чтоб стужей наполнить сосуды.

И вынули сердце, как слизистый слиток,
 И пулю, засеившую слепоту.
 И мозг, где орехом извилины слиты —
 Поступков и совести слепок.

II

Я видел Ходинкой черпешную площадь,
 И угол портала — уступом,
 И ночь с перекошенным глазом, как лошадь,
 В толпу напиравшую крупом.

Кобыла под мерзлым седлом, оседая,
 Хрустела и двигала холкой.
 И нежно топорщилась морда седая
 Ресницами извести колкой.

И вспышками магния, кроя с балконов
Смертельной известью лица,
В агонии красных огней и вагонов
В лице изменялась столица.

III

Дубовые дровни гремели сутробом,
И люди во тьму уходили,
Они по опилкам прошли перед гробом,
Они об одном говорили.

Один:

Я запомнил знамена у ложа
И черную флейту над пультом.
Я видел, как с глиною борется, лежа,
У гроба измученный скульптор.

Другой:

Как столетие, стала минута,
Проверенной совести проба,
Он был неподвижен, во френче, как будто
Диктующий лозунг из гроба.

И третий:

С мешками у глаз, среди зала,
(Седая, и руки сухие)
Жена неподвижно, дежуря, стояла
У тела в ногах, как Россия.

IV

Но я не пришел посмотреть и проститься.
(Минута... навеки... и мимо!...)
Бывает, что стужею сердце, как птица,
Убито у двери любимой.

И падает сердце, легко замирая, —
Стремительно, слету, навывлет...
В сугроб, у десятого дерева с краю, —
Морозом игольчатой пыли.

Бывает, что слово становится слено,
И сил не хватает годами
Отцовского лба, как высокого склена,
Прощаясь, коснуться губами.

Но совесть поступков не забывает,
И в каменной памяти пыток
Поступок становится слепок. Бывает
Такой непомерный убыток!

25 ОКТЯБРЯ

Есть дни величавей столетий...
Играй, моя песня, гори!
Этот день осенний светит,
Светом неумирающей зари.

Дни брели бродягами хилыми,
Пронзая в тумане и мгле,
Этот встал над седыми могилами
Женихом невесте-земле.

Никогда не забудут потомки
Бурный Смольный с жужжаньем улья
И сжигавшие страх и потемки,—
Пламя слов и костер патруля.

Каждый был на голову выше,
Каждый был окрылен и силен,
Верю, даже созвездия слышат
Этих дней полыхающий звон.

Были пьяны, хмельны без водки,
От зари до зари без сна,
Было новое даже в походе,
В каждом взоре—огонь и весна.

КРАСНЫЙ КРЕМЛЬ

Паруса золотых куполов,
 Мачты древних причудливых башен,
 Дремлет быль ураганных веков. . .
 Ты плывешь, кумачевым сияньем окрашен,
 Осененный грядой парусов.
 И плывут над тобой облака,
 словно дальние гости с поклоном,
 Чтоб ушиться твоим чудодейным звоном
 Над тобою плывут облака.
 Нагруженный сокровищем сказочных цен —
 Бриллиантами слез и рубинами крови,
 Ты купаешься в зареве пен,
 Полон мудрости предков и солнечной нови,
 Опоясанный панцырем стен.
 Лети, светлый провидец-пилот,
 Смотрит зорко прищуренным оком
 На игру расплясавшихся вод,
 И числит заветные сроки,
 А даль величаво цветет.
 И радио-птицы летят и летят из открытых бойниц
 За моря, океаны и горы,
 Где братья в оковах, где ржавые тяжки затворы,
 Где лица опущены ниц,
 Там яростней клетот — огонь источающих птиц.
 И падают, падают слов метеоры-ракеты:
 «Ловите, ловите дары непомерных щедрот, —
 Кометы посланий и звездные строки декретов,
 Восстаньте, спешите, вас Кремль краснозвонный
 зовет! . . . »

Израненной Индии стоны
 И вопли несметных раскосых рабов
 Гнездятся под сенью твоих куполов,

Вещает народам, что близится день Воскресенья.
Паруса золотых куполов,
Мачты древних причудливых башен,
Ты плывешь, кумачевым сияньем окрашен,
К берегам величавых веков.

ЖЕЛЕЗНЫЙ МЕССИЯ

Вот он — спаситель, земли властелин,
Владыка сил титанических,
В шуме несметных стальных машин,
В сиянии солнц электрических.

Думали: явится в звездных ризах,
В ореоле божественных тайн,
А он пришел к нам в дымах сизых,
С фабрик, заводов, окраин.

Думали: явится в блеске и славе,
Кроткий, благостно-нежный,
А он, подобно огненной лаве,
Пришел многоликий, мятежный...

Вот он шагает чрез бездны морей
Стальной, непреклонно-стремительный,
Искры бросает мятежных идей,
Пламень струит очистительный.

Где прозвонит его властный крик,
Недра земные вскрываются,
Горы пред ним расступаются вмиг,
Полюсы мира сближаются.

Где пройдет — оставляет след
Гулких железных линий,
Всем несет он радость и свет,
Цветы насаждает в пустыне.

Новое солнце миру несет,
Рушит троны, темницы,
К вечному братству народы зовет,
Стирает черты и границы.

Знак его алый — символ борьбы,
Угнетенных маяк спасительный,
С ним победим мы нго судьбы,
Мир завоюем пленительный.

ПАМЯТНИК ТРУДА

Подземный рокот цементных артерий,
Тяжелый взлет двадцатых этажей,
Как вымыслы причудливых поверий,
Цветенье электрических огней.

Безгласный хор гранитных изваяний,
Застывший гимн тревоги и труда,
Каких веков здесь пресекались грани,
Кем создан, сотворен, когда?

Кто скажет—здесь «мое» и дерзостно отторгнет
От общей музыки своих усилий звук?
Здесь тысячи творцов в проклятьях и восторге
Сплели живую вязь из чудотворных рук.

Прислушайся и ты услышишь внятно,
Как дышат площади и говорит гранит,
На ржавых кирпичах увидишь крови пятна,
Горячий пот на плитах заблестит.

О, памятник Труда, ты величав и вечен,
О, глыбы тяжкие, о, плиты площадей,
Ваш каждый камень огненно отмечен
Бессмертным подвигом неведомых людей.

ШАГИ

По всей земле, — где пальм узор резной
И сонный зной, и там, где вой пурги,
Они звучат, как кренящийся прибой,
Тяжелые рабочие шаги.

Я слышу их, как сердца мерный бой,
Их грозный гул вздымает города,
Они звучат, как голос роковой,
Неотвратимые шаги труда.

Вот рыщет страх и полночь, как палач.
Молчат дворцы. Погасли фонари.
Звучат шаги... кровавится кумач,
Кто там дрожит за дорогим драпир?

Дробь пулеметов, пушек перезвон, —
Судьба дворцов решится до зари.
В смертельной схватке мускулы туги,
Огнем и кровью город обогрен.
Тяжелые рабочие шаги.

Настанет час, их громовой раскат
Наполнит мир. Падут во прах враги,
По всей земле победно прозвучат
Тяжелые рабочие шаги.

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

О сестры нежные и братья —
 Свидетели бессмертных дел, —
 Благословите свой удел
 И сроки вашего зачатья.

Нет счастья выше и святей,
 Нет величавее сказанья,
 Нет краше, радостней преданья
 Багряной сказки наших дней.

Двенадцать месяцев горит,
 Цветет чудесная комета —
 Республика Коммун, Советов —
 Социализма красный щит.

Двенадцать огненных страниц,
 Как зори райские алеют,
 Двенадцать светозарных птиц
 Над миром величаво реют.

И с лучезарной высоты,
 Во мглу и хаос злобно-дикий,
 Роняют красные гвоздики —
 Грядущей радости цветы.

Двенадцать месяцев горит
 Заря вселенского рассвета —
 Республика Коммун, Советов —
 Социализма красный щит.

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Черных дней оборви причалы
И парус мечты подними,
Мореходец морей небывалых,
Все сиянья к груди прижми,
Дальний гром, пространств литургию,
Голубых созвездий созвон...
С ног упали пути тугие
И веков опрокинут сон.
Только нам доступно исканье —
Мир былой облысел и зачах,
Непокорное брызжет сиянье
В наших жадных, звериных зрачках.
Будет праздник, чудесные страны
Забредут к нам в сети стихов,
Евангелия и кораны
Создадим из электро-слов.
Смейтесь, песни, гимны, звените!
Жгите дней былых бурелом, —
Это мы сегодня в зените
Созвездием Лиры встаем.

МАТРОСАМ

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
 Застольные гости громовых пиров,
 Орлиное племя, матросы, матросы,
 Вам песнь огневая рубиновых слов.

Вы — солнце, вы — свежесть стихии соленой,
 Вы — вольные ветры, вы — рокоты бурь,
 В речах ваших звоны, морские циклоны,
 Во взорах безбрежность, морская лазурь.

Врагам не прощали вы кровь и обиды
 И знамя борьбы поднимали не раз,
 Балтийские воды и берег Тавриды
 Готовят потомкам пленительный сказ.

Как буриные волны, вы грозно вливались
 Во дни революций на Невский гранит,
 И кровью орлиной не раз омывались
 Проспекты, панели асфальтовых плит.

Открытые лица, широкие плечи,
 Стальные винтовки в бесстрашных руках,
 Всегда наготове для вражеской встречи, —
 Такими бывали вы в красных боях.

Подобно утесам, вы встали, титаны,
 На страже коммуны, на страже свобод
 У врат лучезарных, где вязью багряной
 Сверкает бессмертный семнадцатый год.

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
 Застольные гости громовых пиров,
 Орлиное племя, матросы, матросы,
 Вам песня поэта, вам слава веков!

Я ПОДСЛУШАЛ ЭТИ ПЕСНИ

Я подслушал эти песни близких радостных веков
В гудком вихре огненных, необятных городов.
Я подслушал эти песни золотых, грядущих дней
В шуме фабрик, в криках стали, в злобном шелесте ремней.

Я смотрел, как мой товарищ золотую сталь ковал,
И в тот миг Зари Грядущей лик чудесный разгадал.
Я узнал, что мудрость мира,—вся вот в этом молотке,
В этой твердой и упорной, и уверенной руке.

Чем сильнее звонкий молот будет бить, дробить, ковать,
Тем светлее будет радость в мире сумрачном сиять,
Чем проворней будут двигаться приводы, шестерни,
Тем пленительней и ярче загорятся наши дни...

Эти песни мне пропели миллионы голосов,
Миллионы синеглазых, сильных, смелых кузнецов.
Эти песни—зов могучий к солнцу, жизни и борьбе!
Это — вызов непреклонный злобой, тягостной судьбе!

ПОЭТАМ КУЗНИЦЫ

Жизнь рабочая, ты ли сладка!
 Всех ущелий пути твои уже —
 За пятак покупали с лотка
 И обед, и скудный ужин.

И кому, как не нам, знакома
 Дней голодных звериная жуть,
 Ночь глухая была нам домом,
 И земля — материнская грудь.

Но отрешья бродяги святее
 Желтых лап ожиревших гусей.
 И от Сены до Енисея
 Есть следы от наших ступней.

И в стихи загляделись страны:
 Вот — Чикаго бетонная мощь,
 Вот — отлетная грусть океана,
 Нерезвон корабельных рощ.

Вот идет пастушок с отарой,
 Песнь тиха, а степь — широка,
 Вот железо цветет под ударом,
 И на руль налегает рука.

Мы из бездны бывшего восстали
 Огнекрылою бурей стихов,
 Но струится в шлифованной стали
 Лепестковая нежность слов.

За грядою Карпат и Алтая
 Слышен молота песенный бой —
 Это спорит жизнь молодая
 С шепелявой старухой-судьбой...

Пролетарии и пророки,
 Мы пришли в предрассветной мгле
 Раскаленные выковать строки —
 Светлый гимн грядущей земле.

Распахнитесь, орлиные крылья,
Бей набат и гремите грома, —
Оборвались цепи насилья
И разрушена жизни тюрьма!

Широки черноморские стены,
Буйна Волга, Урал золоторуд, —
Стинь, кровавая плаха и цепи,
Каземат и несправедный суд!

За землю, за волю, за хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами, —
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Пролетела над Русью Жар-птица,
Ярый гнев зажигая в груди...
Богородица наша земляца —
Вольный хлеб мужику урод!

Сбылись думы и давние слухи, —
Пробудился народ-Святогор;
Будет мед на домашней краюхе,
И на скатерти ярк узор.

За землю, за волю, за хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами, —
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Хлеб да соль, Костромич и Волынец
Олончанин, Москвич, Сибиряк!
Наша волюшка — божий гостинец —
Человечеству светлый маяк.

От Байкала до теплого Крыма
 Расплеснется ржаной океан...
 Ослепительней риз серафима
 Заревой Святогоров кафтан.

За землю, за волю, за хлеб трудовой
 Идем мы на битву с врагами, —
 Довольно им властвовать нами!
 На бой, на бой!

Ставьте свечи к мужицкому Спасу!
 Знание — брат и наука — сестра,
 Лик пшеничный, с бородой солнцевласой, —
 Воплощение любви и добра.

Оку Спасову сумрак несносен,
 Ненавистен телец золотой;
 Китеж-град, ладаи Саровских сосен —
 Вот наш край возделенный, родной.

За землю, за волю, за хлеб трудовой
 Идем мы на битву с врагами, —
 Довольно им властвовать нами!
 На бой! на бой!

Верьте ж, братья, за первым несчастьем
 Блещет солнце — господне окно;
 Чашу с кровью — всемирным причастьем —
 Вам испить до конца суждено.

За землю, за волю, за хлеб трудовой
 Идем мы на битву с врагами, —
 Довольно им властвовать нами!
 На бой, на бой!

ОКО ЗА ОКО, КРОВЬ ЗА КРОВЬ

Вновь враги направляют удары
В стан апостолов красных идей.
Берегите вождей, коммунары!
Берегите вождей!

Мы залпами вызов их встретим —
К стене богатеев и бар! —
И градом свинцовым ответим
На каждый их подлый удар.

Довольно мишальячить с ними,
Пора обескровить врага —
Тошнит в удушливом дыме
Враждебные нам берега!

Клянемся на трупе холодном
Свой грозный свершить приговор —
Отмщение злодеям народным!
Да здравствует красный террор!

Вновь враги направляют удары
В стан апостолов красных идей.
Берегите вождей, коммунары!
Берегите вождей!

Мягкотелые, прочь! Наступила
Беспощадных расстрелов пора!
Глубже внейся в гнилые стропила
Смертоносная сталь топора.

Коммунары, удвойте старанья,
Рвите порохом стены и свод —
Пусть проклятое старое зданье
Градом каменным на-земь падет!

И под этим дробительным градом
Легионы народных Нуд,
Класс за классом, отряд за отрядом,
Массовую могилу найдут!

Вновь враги направляют удары
В стаи апостолов красных идей.
Берегите вождей, коммунары!
Берегите вождей!

Дробите тернення чашу —
Довольно и жестов и слов:
За каждую голову нашу
Да скатятся сотни голов!

Друзья, не жалейте ударов!
Кончите заложников рать —
Чтоб было кому коммунаров
В могильную сень провожать.

Прочь жалкие лезеты-речи,
Гнилого бессилия бред —
В кипеньи решительной сечи
Пошады противнику нет!!

Вновь враги направляют удары
В стан апостолов красных идей...
Берегите вождей, коммунары!
Берегите вождей!

СЫН КОММУНАРА

Промчится вихрь с неслыханною силой...
Сиротка-мальчик спросит мать свою:
«Скажи, родная, где отец мой милый?»
И сыну мать, склонившись над могилой,
Ответит гордо:

— «Пал в святом бою.

Он призван был в дни черной непогоды,
Когда враги душили край родной,
Грозил залить кровавою волною
Светильники у алтарей свободы.
На их удар ответил он ударом
И пал, от братьев отводя беду.
Отец твой был солдатом-коммунаром

В великом 18-ом году!»

Привет и ласку ото всех встречая,
Сын коммунара спросит мать свою:
«Не понимаю. Объясни, родная:
Я—мал и слаб; за что мне честь такая

В родном краю?»

И мать ответит маленькому сыну:
— «К тебе горят любовью сердца
За крестный подвиг твоего отца,
Погибшего в тяжелую годину.
Стонала Русь под вражеским ударом,
Грозилась смерть свободному труду...
Отец твой был солдатом-коммунаром

В великом 18-ом году!»

«Но почему мы не в камерке тесной,
А во дворце живем с тобой?... Взгляни —
Какой простор! Какой уют чудесный...
За что был отдан бедноте окрестной
Дворец царей? Родная, объясни».

И мать ответит, мальчика лаская:
— «Раскрыли перед вами дверь дворцов
Заслуги ваших доблестных отцов,
Что пали за свободу погибая.

Шел враг на Русь с мечами и пожаром,
Неся с собой смертельную беду...
Отец твой был солдатом-коммунаром

В великом 18-ом году!»

И смолкнет сын, в раздумьи глубоком, —
Взирая на могильный холм борца
И думая о доблестном, далеком;
Гигантом пред его духовным оком
Восстанет тень почившего отца.

И даст он клятву: тою же троюю
Всю жизнь свою безропотно идти
И не сходить с отцовского пути
Неколебимо-гордою стопою:

«Клянусь быть честным, доблестным и ярым,
К насильникам всю жизнь питать вражду —
Отец мой был солдатом-коммунаром

В великом 18-ом году!»

НАБАТ

Моя колокольня — надзвездный приют
Крылатых дозоров столицы.
В суровую пору здесь стонут, поют
Тяжелые, медные птицы.
На балки усевшись рядами, они
Из меди всю ночь высекают огни,
О колокол клюв полируя;
И мечется колокол, зол и сердит,
И бьется о своды, и грозно гудит,
От гнева дрожа, негодуя.

Моя колокольня — питомник галчат:
Все в гнездах дубовые балки;
В суровую пору здесь бьются, кричат
Набатные медные галки.
Крылом задевая за своды бойниц,
В ночь льются потоки неумолчных птиц,
Трещащих в ужасе диком;
И всяк, кто в ту пору в постели лежит,
Встает и, бледнея, к оружию бежит,
Разбужен их дьявольским криком.

Моя колокольня — воздушный дозор
Рабоче-крестьянской Коммуны —
Крылатых чудовищ пылающий взор
Следит вихревые буруны.
Лишь даль потемнеет, и колокол вновь,
Безжалостной стаей истребленный в кровь,
Забьется на привязи — балке,
И, сев смятенье, тревогу и ад,
Потоком неистовым в ночь полетят
Тяжелые медные галки...

Летите, летите, поэта гонцы,
Набатчики огненной вышки,
Врываясь с налета в дома и дворцы:
«Эй, люди конец передышке!
Кроты, открывайте слепые глаза,
Вставайте—гроза! Выбегайте—гроза!»

Пожаром пол-неба объято;
Раскат за раскатом грохочут грома,
Шатая гранитные своды тюрьмы, —
На выручку братьям с заката!

БАЛЛАДА ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЕ ШТЕЙНЕ

Ухают, бухают третий день
Пушки из ближних деревень.
Чехи на город прут стеной,
Но пред стеной — заслон стальной.
Неколебимо смыкает ряд
Третий интернациональный отряд.
Немец, китаец, латыш, мадьяр,
Разный язык — общий удар,
А во главе не солдат — кремень,
И имя-кремень: Отто Штейн.

Третья ночь на окна легла,
Но не легла сонная мгла.
Лижут орудья небо огнем.
И под огнем светлей, чем днем.
Метко враги выбрали цель:
Рванула шпальня не одну шинель,
Всюду враги растут из земли.
Красные части кругом отошли,
Но телефон прокричал приказ:
«Товарищ Штейн, надежда на вас!»
Оторвался от трубки, строен и прям,
И спокойно вернулся к бойцам.
Так в Берлине когда-то Штейн
Шел на собрание в рабочий ферейн.

Собрал на мгновение свой отряд.
Жаркая речь и жаркий взгляд.
Сжал револьвер в сильных руках
И указал на красный флаг.
Не всем понятен чужой язык,

Но к красному флагу всяк привык.
Мускул не дрогнул на лице:
Не сердце — бомба в каждом бойце.
И снова под раскаленный град
В железный ряд залег отряд.

До утра разевали орудия рот,
И лентам счет потерял пулемет.
До утра дожидая к трупу трун,
Один командир уцелел к утру,
Вышел к врагам из окопных нор
И шесть пуль врагам всадил в упор.
А седьмую сберег. Наган — в висок,
Наган — в висок, и нажал курок.

С НАТУРЫ

Накурено, заклевано, угарно,
И свеже-отпечатанный плакат
Кричит победно со стены Поарма,
Что красными вчера Радимини взят.

То тут, то там во мгле табачной дымки
Пестреют кини папок и бумаг,
И барышни на пишущих машинках,
Как метрономы, отбивают такт.

Набросаны набатные брошюры...
С пурпурною звездою на груди,
Волнуясь, требует литературы
Измученный худой военкомдив.

В редакции порывисто и перво
Редактор правит бледною рукой
Последнее воззвание Коминтерна
И резолюций буйных легких рой.

Присев в углу — внимательный и юркий —
В блокноте исчертил последний лист,
Со пишорами и в кожаной тужурке,
С огромным револьвером особист.

И к начпоарму ординарец бравый
С секретною денешой прискакал,
Что дрогнули под белою Варшавой
В безумных битвах красные войска.

КОЖАНАЯ КУРТКА

I

Пусть попробуют дождь и вихрь
Затянуть в круговое кольцо:
Куртка моя засмеется лихо
Кожаным и лихим лицом.

Куртка моя на меня похожа,
И не то же ей под дождем устать.
Эх! не даром и у любимой то же
Кожаная, пригожая стать.

Говорят, что девушки наши
Неуклюжи, но вижу, как
Рядом с кожей милей и краше
Смуглая, неокрашенная щека!

Говорят, что наши — на нас похожи!
Ну, и пусть! — А меня вот к такой влечет
И еще чудесней под кожей
Теплое, человеческое плечо.

II

Говорите: куртка, что подруга?
А ведь мне подруга и мила:
Мне вчера товарища и друга
Кожаная куртка привела!

Привела, поставила в платочке
Красном, скромном и совсем простом.
Посмотрел: на черной оторочке
Светит сердце «кимовским» значком.

Молча встал растерянный и длинный,
Взял ладонь... и вспыхнули вдвоем,
Улыбнулись... — Ниша? Значит, Нишой
Новую подругу назовем.

Говорили: оба в комсомоле, —
Значит, оба старые друзья.
Только страшно: нет сегодня воли,
Глаз своих мне отвести нельзя.

Разошлись... Тебя закрыла бурка.
Замелькали лица и тела.
Я же помнил: кожаная куртка
Друга и подругу привела.

III

И теперь вот, когда прихожу я ночью,
Прихожу усталый к себе домой,
Я снимаю куртку мою рабочую
Бережной рукой.

И потом, как другу любимому очень,
Хлопая куртку мою по плечу,
Говорю ей: «Спокойной ночи!»
И улыбаюсь чуть.

И когда, как будто это сыночек,
В уголочек укладываю ее тайком,
Куртка моя: «Спокойной ночи»,
Отвечает кожаным языком.

БАЛЛАДА О ЛЕНИНЕ И ЛИ-ЧАНЕ

В Пекине люди из разных стран,
В Пекине так много улиц.
По улицам долго бродил Ли-чан,
Забитый китайский кули.

Потом—на полях. Надсмотрщик зол
Что ни день больно бьет Ли-Чана.
С тех пор, как Ли-Чан на поля пришел,
Не синна у него, а рана.

На полях, где растет ароматный чай,
Раз повеяло теплым ветром.
Коренастый прохожий в полях невзначай
Потерял листок газеты.

И один из рабочих, избитый, больной,
Прочел про страну такую,
Где правят своею свободной страной
Не мандарины, а кули.

И там, на смятом, газетном листе,
Что лежал на дрожавших коленях,
Нарисован был старший свободных тех,
И имя стояло: Ленин.

И бедные кули на чайных полях
С тех пор ежедневно, ночью,
Слагали десятки прекрасных слаг,
Как Ленин сумеет помочь им:

О том, что должен пасть мандарин,
Что с полей риса и чая,
Ленин созывает в мятежный Пекин
Кули всего Китая.

Днем под солнцем. Днем под хлыстом.
Ночью — в кругу на коленях —
Мечтали долго. Шептались о том,
Кто в России зовется: Ленин.

И глядели на старый, измятый лист,
На прищуренный глаз портрета.
Долго глядели, забывши хлыст,
На измятый лист газеты.

Выгнан Ли-Чан. Снова попал
В Пекин, неудобный город.
Много улиц. Течет толпа.
Ли-Чана грызет голод.

Вдруг слышит Ли-Чан газетчика крик,
И в крике слышит волнение:
Умер самый большой большевик, —
Умер в России Ленин.

Ли-Чан качнулся. Ли-Чан побледнел,
Потемнело в глазах Ли-Чана,
Ли-Чан на ступеньку дома присел,
Ли-Чана глаза в тумане.

Умер Ленин. Как же они,
Как же китайские кули?
Неужто всю жизнь таскать свои дни
Под хлыстом и угрозой пули.

Умер Ленин. Тот, что с листа
Подавал к восстанию знак им.
Никогда не плакал Ли-Чан от хлыста,
А теперь Ли-Чан заплакал.

БЮЛЛЕТЕНЬ

Тенью истемня весенний день,
Выклеен правительственный бюллетень.

Нет!

Не надо!

Разве молнии велишь:

— не литься?!

Нет!

Не оковать язык грозы!

Вечно будет

тысячестраничный

Грохотать

набатный

Ленинский язык.

Разве гром бывает немостою болен?!

Разве сдержись смерч —

чтоб вихрем не кипел?!

Нет!

Не ослабеет Ленинская воля

В миллионносилой воле РКП.

Разве жар

такой

термометрами меряется?

Разве пульс

такой

секундами гудит?!

Вечно будет Ленинское сердце

Клокотать

у революции в груди.

Нет!

Нет!

Не-ет!

Не хотим,

не верим в белый бюллетень!

С глаз весенних стий, навязчивая тень!

150.000.000

Отрывок

Оттого
сегодня
на нас устремлены
глаза всего света
и души всех напряжены,
наше малейшее лоя,
чтобы видеть это, —
чтобы слушать эти слова;
это —
революции воля,
брошенная за последний предел;
это —
митинг,
в машины машинных тел
вмешавший людей и зверей туши;
это —
руки,
лапы,
клешни,
рычаги,
туда,
где воздух поредел,
вознесенные в клятвенном единодушии.
Поэтов,
старавшихся быть поднебесней,
забудьте.
Эти слушайте песни:
«Мы пришли сквозь столицы,
сквозь тундры прорвались,
прошагали сквозь грязь и лужищи.

Мы пришли — миллионы,
миллионы трудящихся,
миллионы работающих и служащих.

Мы пришли из квартир,
мы сбежали со складов,
из пассажей пожаром озаренных.

Мы пришли — миллионы,
миллионы вещей
изуродованных,

сломанных,
разоренных.

Мы спустились с гор,
мы из леса сползли,
от полей годами глоданных.

Мы пришли —
миллионы,
миллионы скотов,
одичавших,
турых,
голодных.

Мы пришли —

миллионы
безбожников,

язычников

и атеистов —

бнясь —

лбом,

ржавым железом,

полем —

все

истово

господу богу помолимся.

Выйдь

не из звездного

пежного ложа,

боже железный,

огненный боже.

Боже не Марсов.

Нептун и Вег,
боже из мяса —
бог — человек!
Звездам на мель
не загнанный в высь —
земной
между нами
выйди,
явись.
Не тот, который
«ниже еси на небесах»
сами
на глазах у всех
сегодня
мы
займемся
чудесами.
Твое во имя
биться дабы —
в громе
и дыме
встаем на дыбы.
Идем на подвиг
труднее божеского втрое,
творившего,
пустоту вещами даруя.
А нам —
не только новое строя
фантазировать,
а еще и издиаминтить старое.
Жажда пои!
Голод насыть!
Время
в бой
тело носить.
Пули погуще!
По оробелым!

В гущу бегущим
грянь парабеллум!
Самое это!
С донышка душ!
Жаром,
жженьем,
железом,
светом
жарь,
жги,
режь,
рушь!
Наши ноги —
поездов молниеносные проходы.
Наши руки —
пыль сдувающие всея полян.
Наши плавники — пароходы.
Наши крылья — аэроплан.
Пти!
лететь!
проливать!
катиться! —
всего мирозданья проверяя реестр.
Нужная вещь —
хорошо,
годится.
Ненужная —
к чорту!
черный крест.
Мы
тебя докопаем
мир романтик!
Вместо вер
в душе
электричество,
пар.
Вместо нищих —
всех миров богатство прикарманьте!

Стар — убивать.
На пепельницы черепа!
В диком разгроме
старое смыв,
новый разгромим
по миру миф.
Время — ограду
взломим ногами.
Тысячу радуг
в небе пагаммим.
В новом свете раскроются
поэтом опоганенные розы и грезы.
Все
на радость
нашим
глазам больших детей.
Мы возьмем
и придумаем
новые розы —
розы столиц в лепестках площадей.
Все,
у кого
мученный клейма нажжены,
тогда приходите к сегодняшнему
палачу.
И вы
узнаете,
что люди
бывают нежны,
как любовь
к звезде вздымающаяся по лучу.
Будет
наша душа
любвиных Волг сплошным устьем.
Будешь
— любой прищипи —
глаз сиянием облит.
По каждой

тончайшей артерии
пустим
поэтических вымыслов феерические
корабли.

Как нами написано,
мир будет таков
и в среду,
и в прошлом,
и ныне,
и присно,
и завтра,
и дальше
во веки веков!
За лето
столетнее
бейся,
пой —
— «И это будет
последний
и решительный бой!»
Залпом глоток гремим гимн!
Миллион плюс!
Умножим на сто!
По улицам!
На крыши!
За солнца!
В миры —
слов звонконогие гимнасты.
И вот
Россия
не индий оборвыш,
не куча обломков,
не зданий пенел —
Россия
вся
единый Иван,
и рука
у него —

Нева,
а пятки — каспийские стены.
Идем!
идемидем!
Не идем, а летим!
Не летим, а молнимся,
души зефирами вымыв!
Мимо
баров и бань.
Бей, барабан!
Барабан, барабань!
Были рабы —
Нет раба.
Баарбей.
Баарбань.
Баарабан.
Эй, стальнотрудые!
Крепкие, эй!
Бей, барабан!
Барабан, бей!
Или — или.
Пропал или паш.
Будем бить.
Бьем.
Били.
В барабан!
В барабан!
В барабан!
Революция
царя лишит царя званья.
Революция
на булочную бросит голод тош.
По тебе
какое дам название
вся Россия, смерчем скрученная в столб?!
Совнарком
его частица мозга —
не опередить декретам скач его.

Сердце ж было так его громоздко,
 что Ленин еле мог его раскачивать.
 Красноармейца можно отступить заставить,
 коммуниста сдвинуть в тюремный гнет,
 но такого
 в какой удержинь заставе,
 если
 такой шагнет?!

Гром разодрал побережий уши
 и брызги взметнулись земель за тридевять,
 когда Иван,
 шаги обрушив,
 пошел
 грозою вселенную выдвинуть.
 В стремя фантазии ногу вденем,
 шеей оседаем порох
 и сами
 за этим блестящим виденьем
 пойдем излучаться в несметных просторах.
 ... Год с нескончаемыми нулями.
 Праздник, в святцах не имеющий чина.
 Выфлажено все —
 и люди,
 и строения.
 Может быть
 Октябрьской революции сотая годовщина,
 может быть
 просто
 изумительнейшее настроение.
 Разгоняя дирижабли небесам под уклон,
 поездами,
 на палубах бесчисленных эскадр,
 извилинами пеших колонн
 за кадром выстраивают человеческий кадр.
 Большеголовые,
 в красном сиянии,
 с Марса слетевшие, встали марсиане.
 Взырает аэро

и снова нет.
И снова птицей солнце заслонится.
И снова
с отдаленнейших слетаются планет
винтами развсерясь из-за солнца.
Пустыни смыты у мира с хари,
деревья за стволами расфеерили ствол.
На площади зелени —
на бывшей Сахаре
сегодня
ежегодное торжество.
День за днем спускались дни
и снова густела тьма ночная.
Прежде чем выстроиться сумев
они
грянули —
начинаем.
«Голоса людские,
зверьи голоса,
рев рек
ввысь славословием вьем.
Пойте все и все слушайте
мира торжественный реквием.
Вам, давшие
года проголодавшие,
о рас сегодняшнем раструбливая весть,
вам,
миллионлетню давшие
петь,
пить,
есть.
Вам, женщины
рожденные под горностаевые
мантин,
тело в лохмотьях ряд,
падавшие замертво,
за хлебом простаивая
в неисчислимых очередях.

Вам,
 легионы жидкокостных детей,
 толпы искривленной голодом молодежи,
 те кто дожили до чего-то,
 и те,
 кто ни до чего не дожил.

Вам,
 звери,
 ребрами сквозя,
 забывшие о съеденном людьми овсе,
 работавшие кого-то и что-то возя,
 пока психеисты не падали совсем.

Вам,
 расстрелянные на баррикадах духа,
 чтоб дни сегодняшние были пропеты,
 будущее ловившие в ненасытное ухо.
 маляры,
 певцы,
 поэты.

Вам, которые
 сквозь дым и чад,
 жизнью едва державшейся на четке,
 ржавым железом шестерней скрежеща,
 работали все-таки,
 делали все-таки. —

Вам, немолкающих слав слова,
 ежегодно расцветающие вовеки не вянув,
 за нас замученные — слава вам
 миллионы живых
 кирпичных
 и прочих Иванов».

Парад мировой расходился ровно —
 ведь горе давившее душу не бесит.
 Годами
 печаль
 в покой в оркестрована
 и песней брошена ввысь поднебесить.
 Еще гудят голосов отголоски

про смерти чьи-то,
про память вечную.
А люди
уже
в многоуличном лоске
катили минуту весельем расцвеченную.
Ну и катись средь песенного лада,
цвети земля в молотье и в сеятье
Это тебе
революций кровавая Инада,
голодных годов Одиссея, тебе!

III ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Мы идем —
 революционной лавой!
 Над рядами
 флаг пожаров ал.
 Наш вождь
 миллионотглавый
 третий Интернационал.

В стены столетий
 вошь вал
 бьет третий
 Интернационал.

Мы идем.
 Рядов разливу нет истока.
 Волгам красных армий нету устья.
 Поле красных армий,
 к западу
 с востока
 опоясав землю,
 полюсами пустим.
 Нации сети,
 мир мал.
 Ширься, третий
 Интернационал

Мы идем.
 Рабочий мира,
 слушай!
 Революция идет.
 Восток в шагах восстаний.

За Европой
океанами пройдет, как сушей,
красный флаг
на крышах нью-йоркских зданий!

В новом свете
и в старом
ал
будет
третий
Интернационал.

Мы идем.
Вставайте, цветнокожие колоний!
Белые рабы империй —
встаньте!
бой решит —
рабочим царствовать у мира в лоне
или
войнами звереть Антанте.

Те
или эти.
Мир мал.
К оружию.
третий
Интернационал.

Мы идем!
Штурмуем двери рая.
Мы идем.
Пробили дверь другим.
Выше, наше знамя.
Серп,
огнем играя,
обнимайся с молотом радугой дуги.

В двери эти
стар и мал!
Вселенсья, третий
Интернационал!

ОДА РЕВОЛЮЦИИ

Тебе

освищенная,

осмеянная батареями.

тебе

изъявленная злословием штыков,—

восторженно возношу

над руганью реемой

оды торжественное

«О!»

О звериная!

О детская!

О копеечная!

О великая!

Каким названьем тебя еще звали?

Как обернешься еще, двуликая?

стройной постройкой.

грудой развалин?

Машинисту,

пылью угля овсенному,

пахтеру, пробивающему толщи руд,

кадишь,

кадишь благоговейно,

славись человеческий труд.

А завтра...

Блаженный

стропила соборы

тщетно возносит, пощаду моля —

твоих шестидюймовок тупорылые боры

взрывают тысячелетия Кремля.

Слава!

Хрипит в предсмертном рейсе.

Визг сирен придушено тонок.

Ты илешь моряков
на тонущий крейсер,
туда,
где забытый
мяукал котенок.
А после —
пьяной толпой орала.
Ус залихватский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе.
Вчерашние раны лижет и лижет,
и снова вижу вскрытые вены я.
Тебе обывательское
— о будь ты проклята трижды. —
И мое
поэтовое
— о четырежды славься, благословенная. —

ЛЕВЫЙ МАРШ

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляuze.
Тише, ораторы!

Ваше
слово.

товарищ маузер.

Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.

Клячу истории загоним.

Левой!

Левой!

Левой!

Эй, синеглазые!

Рейте!

За океаны!

Или

у броненосцев на рейде
стоплены острые кили?!

Пусть,

оскалясь короной,

вздымает британский лев вой.

Коммуне не быть покоренной.

Левой!

Левой!

Левой!

Там,

за горами горя,

солнечный край непочатый.

За голод,

за мора моря

шаг миллионный печатай.
Пусть бандой окружат нанятой,
стальной изливаются лавой —
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пилиться?
Крепи
у мира на горе
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой.
Флагами небо оклеивай.
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

НАШ МАРШ

Бейте в площади бунтов топот!
Выше гордых голов гряда!
Мы разливом второго потопа
Перемоем миров города.

Дней бык пет.
Медленна лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наше барабан.

Есть ли наших золот небесней?
Нас ли сжалит пули оса?
Наше оружие — наши песник,
Наше золото — звенящие голоса.

Зеленью ляг дуг,
Выстели дно дням.
Радуга дай дуг
Лет быстролетным коням.

Видите — скучно звезд небу,
Без него наши песни вьем.
Эй, Большая Медведица! требуй
Чтоб на небо нас взяли живьем.

Радости пей! Пой!
В жилах весна разлита.
Сердце бей бой!
Грудь наша медь литавр.

НАД МОГИЛОЙ

I

Ты жертвою пал на великом посту,
Единственный, близкий, любимый.
Без усталы вел на твою высоту
И... пал у подножья вершины.

Не розами устлан грядущий наш путь.
Грозят нам и горе и беды.
Клянемся — пурпурных знамен не свернуть —
Им будем верны до победы.

II

С креста ты снимал пригвожденных рабов,
Лечил их кровавые раны.
От поступи мерной их тулких шагов
Дрожат палачи и тираны.

Склоните знамена, коснитесь лица,
Ко гробу венки положите.
И будьте присяге верны до конца
И клятву, как воин, держите.

III

Ты выросил племя железных бойцов —
Бесстрашное, грозное племя.
Ты бросил по шару земному говцов
Посеять восстания семя.

Так спи же спокойно, родимый Ильич:
С ружьем на плечах батальоны!
Мы знаем, мы слышим твой пламенный клич —
Готовятся в бой миллионы.

IV

Ты троны шатал, разбивал алтари,
Ты — бич для царя и кумира,
Ты — вестник желанный последней зари,
Ты — гибель отжившего мира.

О, если б ты слышал тугие шаги
Полков и полков коммунаров!
Залить, потушить не сумеют враги
Зажженных тобою пожаров.

V

Замолк и затих он, великий мертвец,
Убитый волной урагана.
Бессилен вернуть нам ученый мудрец
Пророка, вождя, капитана.

Так ближе сюда! И теснее полки! —
Он шепчет из гроба наказы.
Молчите! Ни слова, ни слез, ни тоски...
По миру несите приказы.

VI

— «Борьба до конца! — то мой первый наказ:
«Достройте мои баррикады.
«Победа стучится и будет у вас,
«Но... больше вы бойтесь засады.

— «По миру несется громовый набат.
«Ломайте прогнившие стены.
«И будьте друг другу как вои и брат,
«Но... бойтесь вы больше измены»...

VII

Так спи же спокойно, родимый Ильич:
С ружьем на плечах батальоны!..
Мы знаем, мы слышим твой пламенный клич —
Готовы на бой миллионы.

Клянемся!.. Мы страшную клятву даем:
На подвиг, на битву готовы!
С рабов подъяремных колодки собьем
И в море швырнем их оковы.

РОССИЯ

Щедроты сердца перазмєнены,
и хлеб — все те же пять хлебов,
Россия Разина и Ленина,
Россия огненных столбов!
Бредя гробами незнакомыми
и ранами кровоточа,
лелєешь волю исполкомами
и колєсуєшь палача.
Здесь, в меркнувшей фабричной копоти,
сквозь гул машини вопит одно:
— И улюлюкайте, и хлопайте
за то, что мне свершить дано!
А там, зеленая и синяя,
туманно-алая дуга
восходит над твоею скинней,
где что ни капля, то серьга.
Бесслезная и безответная!
Колдунья рек, трупщоб, полей!
Как медленно, но всеподобная
точится мощь от мозолей.
И день грядет и молний трепетных
распластанные всеера
на труп укажут за совдепами,
на околевшее Вчера.
И Завтра... веки чуть приподняты.
но мглою даль заметена.
Ах, с розой девушка — Сегодня!
Ты —
обетованная страна.

ОКТЯБРЬ

1

Перовиный ветер страшен песней,
звонящей в синее стекло.
— Куда брести, Октябрь, тебе с ней,
коль небо кровью затекло?
Сутулый и подслеповатый,
дорогу щупаю клюкой,
какой зажмешь ты рану ватой,
водой опрыскаешь какой?
В шинелях — виши, и в сердце — вера,
ухабами качает путь.
Не от штыка, — от револьвера
в пути погибнуть как-нибудь.
Но страшен ветер, что в окошко
поет протяжно и звенит,
и, не мигая глазом, конка
ворочает пустой зенит.
Очки поправив аккуратно
и аккуратно сгладив прядь,
вдохнув над тем, что безвозвратно
ушло, что надо потерять, —
ты сажу вдруг страхнул дремоты
с припухших красноватых век
и (Зингер злится!) — пулеметы
иглой застрачивают век.
В дыму померкло: « Мира ! » — « Хлеба ! » —
Дни распахнулись — два крыла.
И радость радугу в полнеба,
как бровь тугую подняла.

Что стало с песней безголосой,
звеневшей в мерзлое стекло?

Бубнит грудастые матросы,
что весело — развесело.

И пестует, нятью мечами
пропая дряхлый Вифлеем,
звезды струящееся пламя
ребенка перед миром всем.

И, старина, за возмужалым,
за мудрым, за единым, ты
бредешь с Интернационалом,
крутя пожухлые листья.

2

Семнадцатый!..

Но догорели
в апреле трели соловья.

Прислушайся:
не в октябре ли
звучат весенние свирели
ликующего бытия?

Перебирает митральеза,
чеканя, четки все быстрей;
взлетев, унала марсельеза,
и из бегона и железа,
над миром, гимн, греми и рей!
Интернационал!

Как узко,
как узко сердцу под ребром,
когда напряжен каждый мускул
тяжелострунным Октябрем!

Горячей кровью жилы-струны
поют и будут петь во век,
пока под радугой Коммуны
возносит молот человек.

Октябрь, Октябрь!
Какая память,
над алым годом ворожа,
тебя посмеет не обманить
протуберанцем мятежа?
Какая кровь, ползя по жилам,
не превратится вдруг в вино,
чтоб ветеранам - старожилам
напомнить о зиме иной?
О той зиме, когда метели
летели в розовом трико,
когда сугробные недели
мелькали так легко - легко;
о той зиме, когда из фабрик
преображенный люд вапал,
и плыл Октябрь (а не Октябрик!) —
распятием орлиных крыл...
Ты был, Октябрь,
И разве в стуже
твоей не чуялась сирень?
И даже был картуз твой, друже,
приплюснут лихо набекрень.

КРАСНАЯ РАТЬ

I

Не в ответ ли на черный натиск,
 На зверино-слепой мятеж
 Было просто и коротко: «На-те!
 На погибель штыком засешь!»

На погибель и на скончанье
 Ощетинившихся врагов
 Поднималась в рабочем стане
 Неповторная дыбь шагов.

До загарного брата — сарта,
 До медвежьих друзей — бурят
 Долетело: земную карту
 Осветила шафран-заря.

II

Приходили до Красной рати
 Наш Кузьма и латыш Альберт,
 И китасё до пят в халате
 И сказали: бывшему смерть!

И сказали и порешили
 Все границы перечеркнуть.
 Разве можно теперь без шири,
 Если ширью запела грудь?

Если в Лондоне и в Берлине
 Залюбовались Востоком все,
 Чьи напрасно сгибались спины
 И глаза в соляной росе.

III

Но неведомы дни избавленья
И последний решительный бой,
Потому — то в мятежное рвенье
Просочилась неясная боль.

Но за болью не выпустим знамя
И не снимем с винтовки штыка.
Все мы верим и видим и знаем,
Что победа рабочих близка.

А порукой — подземные гулы
У дворцов мировых акул.
Не рабы, не послушные мулы,
Кто глаза на Москву раздул!..

IV

Но не больше ль твое шестилетье
Нам порукой, о, Красная рать!
Ведь недаром звезде-пятисветью
Суждено на тебе просиять.

И не даром в тяжелые годы
На кочевье себя обрекла.
Кто не помнит твои переходы:
Нарва, Крым и таскная мгла!

И не ты ли с винтовкою лезла
На французские танки, на твердь.
И теперь обновленной, железной —
Ты врагам воплощенная смерть.

ГНЕДЫЕ СТИХИ

Написал мне отец недавно:
 «Повидаться бы надо, сынок.
 А у нас родился очень славный
 В мясоед белоногий телок.

«А Чубарка об'ягилась двойней —
 Вот и шерстка тебе на чулки.
 Поживаем, в час молвить, спокойно,
 Как и прочие мужики.

«А еще проздравляем с поэтом.
 Побасенщик, должно в отца.
 Пропиши — сколько платят за это:
 Подневно, аль по месяцам?

«И если рукомесло не плоше,
 Чем, скажем, сапожник, аль портной,
 То обязательно присылай на лошадь,
 Чтоб обсемениться весной.

«Да пора бы, ты наш хороший,
 Посмотреть на патрет спохи.
 А главное: лошадь, лошадь!
 Как ниnamожно пиши стихи».

Вам смешно вот, а мне беда:
 Лошадьми за стихи не платят.
 Да и много ли могут дать,
 Если брюки и те в заплатах?

Но не в этом несчастье, нет.
 В бедноте я не падаю духом.
 А мерещится в каждый след
 Мне родная моя гнедуха.

И куда б ни пошел — везде
Ржет мне в уши моя куплянка.
И минуты нельзя просидеть,
То в телеге она, то в рыдванке...

И, конечно, стихи никак —
Я к бумаге, она за ржанье,
То зачеснется вдруг о косяк —
Настоящее наказание!

А ночами страшной того:
Все во сне целоваться лезет,
Или в бок саданет головой —
Право слово, готов прирезать.

А теперь вот, когда написал,
Стало скучно: не ржет гнедуха.
Словно всыпал ей мерку овса,
Иль поднес ржаную краюху.

Но в написанном ряде строк
Замечаю все те же следы я:
Будто рифмы — копыта ног,
А стихи на подбор гнелые.

ВЕСНА

И снова тают облака.
 А солнце, как очаг домашний.
 Парной теплыню молока
 Качаются пары над пашней.

О жаворонке, о любим,
 О звонкой куликовой тряске...
 И тонут, тонут в голубом
 Глаза, подернутые лаской.

Еще в оврагах белый пух,
 Еще деревья точно сляги.
 Улавливает где-то слух
 Гортанный разговор телеги.

Гортанность эта мне ясна:
 В ней сдержанная радость новы.
 Но только ли еще готовит
 Нам златовейная весна.

Засинели тонко дали,
 Заиграло солнце — день.
 Чьи там руки раскидали
 Эти копны деревень?

От утра до синей тени,
 До воздушных покрывал,
 Кто-то радостный, весенний
 Целый день мне напевал.

Пел о новой, светлой доле
И про сладость бытия,
А вдали дымилось поле,
Радость вешнюю тая.

И желание проститься,
Размахнуться выше гор
Зазывало душу - птицу
В голубеющий простор.

ГДЕ-ТО ПОД АЧИНСКОМ.

Сосна да пихта. Лес да лес,
 Да на опушке горсть домишек.
 А поезд в гору лез да лез,
 Разгромыхав лесные тиши.

А поезд — мерно лязг да лязг —
 Все лез да лез, да резал кручи,
 С тивайшим лесом поделаясь
 Железной песней — самой лучшей.

Сосна да пихта. Шесть утра.
 В красноармейском эшелоне
 Еще горнист не шел играть —
 Будить бойцов и эти лона.

Был эшелон как эшелон:
 Семь сотен красной молодежи,
 Которой солнце бить челом
 Неслось небесным бездорожьем:

Которой — след горячих дней
 Был по ноге, костюм — по росту
 И так же шел, суровый, к ней,
 Как горным высям чистый воздух:

Которой — путь сиял таков,
 Что мерять пафос брали версты...
 Был эшелон — семьсот штыков:
 Семьсот штыков — одно упорство.

Сосна да пихта. Сонь да тишь.
 Да в этой сони гореть домишек,
 Таких, что сразу не найти,
 Таких, что даже тиши тише.

И вдруг — горнист. И вдруг — рожок.
 И вдруг, — как пламя на пожаре, —
 Басок дневального обжог:
 — Вставай, вставай, вставай, товарищ!

ГУДОК

В годы детства гул призывный
 На работу в ранний час
 В простоте своей наивной
 Проклинал я сотни раз.

Чуть светок, а он застонет,
 Загудит. Проснется мать,
 На работу нас погонит:
 — Чу! Гудок! Пора вставать!

Да, пора, а встать нет мочи.
 Спишь, как мертвый, иногда.
 Гноем слепленные очи,
 Слух отсутствует — беда!

Тяжела судьба малютки
 Непосильного труда.
 Ведь часов по двадцать в сутки
 Мы работали тогда!

На жаре, в чаду и пыли
 Проработав этот срок,
 Полумертвыми мы были,
 Шли домой, не чуя пог.

От работы пыли руки,
 От побоев голова.
 Слух терзали шума звуки,
 Брани едкие слова.

А за что? Свидетель небо,
 Мы платили за гроши,
 За кусок скорузный хлеба
 Соком тела и души.

В полусне нам есть давали,
И чумазыми, в поту,
За столом мы засыпали
С недожеванным во рту.

Но теперь иное дело:
Сброшен гнет с мозольных плеч, —
От побой не ломит тело,
И не жжет по суткам печь.

И сирены гул призывный
Не назойлив и тягуч, —
Обладая силой дивной,
Гармоничен и певуч.

ВОЖДЬ

Гром гробовой... Зашаталась земля...
Смена! Крепче на рычаг руля!

Вой одичалой слепой орды,
Смех змеиный и лязг ножа...
Товарищи! сомкни ряды!
Товарищи! На посту не плошай.

Тревожны и скорбны гудки по утру.
Гудки и вьюги баюкали труп.

Траур окраин — глуше железа.
В корчах знамен — сдавленный стон.
Нет! не могила, а черная бездна.
И бездне ль вместить эту боль похорон?

Тревожны и скорбны гудки по утру.
Гудки и вьюги баюкали труп.

Радио, простор когтя.
Черною чайкою в площадях...
И вдруг — из холодеющих рук Вождя
Миллионы в пылающий стяг.

Не слезы, а сталь — взор
И смерти и миру в узор.

И грозною клятвой загрохотало:
— Нам смерти нет и не будет оков!!...
И встал над миром
ЛЕНИН кварталов,
ЛЕНИН плантаций, полей, рудников.

Имя ж простое — в список утрат
Под всхлипы могильных лопат.

Тише... Неугасимая память...
Вдыхая курантами Кремля,
Будет веками, будет веками
Сердцем Вождя трепетать Земля.

МОЛОТОБОЕЦ

Солнце,
Вскинь
Сигнальной ракетой!
Молотобоец —
В строй!
Бурей лохматой шагаем по свету.
Вихри за нами —
Слепой ордой.

Были весны —
Как эти камни.
Были весны —
Вдовьи глаза:
Были ветры в забитые ставни,
Грызла ржавчина те корнуса.

Никли
Юрты, лачуги, халушы.
В каждой:
Мать,
Муть,
Печаль.
Тесно полям
От разбухших трупов,
Скучно ручьям
По костям
Журчать.

Не из синих ли глаз
Прорастают травы?
Не кудрями ли русыми
Кудреват ковыль?...

Было:
В тифозном бреду
Заставы
Жутким маршем шли в мостовых.

Пулеметным хрипом —
Окопы вражьи,
Матом гортанным
Вокзалы глуша, —
Мерзли голодные весны на страже,
Бился в дорогах лохмотьями шаг.

В клочья — ночи.
Дни — толпою:
Выжжено... стоптано... погребено...

... Крепче же поступь,
Молотобоец,
В сякоть с весной иной заодно!

Это не даром!..
Нас научили
Вковывать в сталь
Сердца и слова.
Маем и маршем
Наших усилий —
Сталью крылатой звенит синева.

Ночи, коготь и боль —
В клочья!
Молотобоец —
Чекань шаг!
Солнце —
Сигнальной ракетой в площадь
Солнце сегодня
В наших руках!

СИНЕБЛУЗНИКИ

Прошлое!.. Гремни гранитом Парижа,
 Лондона, Нью-Йорка, Токно!
 Золотись, серебрись на биржах,
 Кади у богов и кног!

И в глухие зловещие ночи
 Над нашими корчами вой,
 К гибели вой воем волчьим,
 К гибели, за упокой! —

Не услышишь стои отчаянья...
 Знаю — листопадом жутким
 Вьются по бульварам и окраинам
 Безработные и проститутки.

Знаю — в полях одичалых
 В те же борозды, что сам вспахал,
 Последним, тяжелым зерном усталый
 Пахарь, шатаясь, пал.

Жизнь — ленивая кляча,
 Жизнь — не взвихренный верный конь.
 Но настойчивей поступь, и ярче
 Беспокойный во взорах огонь.

Через тюрьмы, будни и бездны,
 Растоптав и боль и мглоу,
 Сегодня мой крик железный
 Всем, кто не слеп и не глух;

Чье сердце еще не завязло
В лохмотьях, в чаду и в плесени;
Всем, кто в мозолях и в язвах:
— На площадь восстаний и песен!

И забыв о молитвах и книгах Будды,
Магомета, Христа и прочих,
Велуниваются страны в ураганные туды,
В песни, стоны и корчи.

Это рыщет по дорогам Европы,
Не смыкая в огне воспаленных век,
Миллиардоротый Ропот
Громоголосый мятеж.

Эй!... Поденщики мировых плантаций,
Фабрик, полей, каменоломен,
Синеблузники всех рас и наций:
Прочь бессилье соломенное!

Сегодня Земля, вся Земля, рабочие,
Розовея в улицах и торях,
Сбрасывая черную блузу ночи,
Нашим песням звенит и вторит...

Знаю — шаг наш мучителен и страшен,
Шатающийся с голодовки.
Но — задымленный взор на страже,
А сердце — заряд винтовки...

ЗАВОД

I

Полгода, скованный покоем
И холодом бетонных стен,
Молчал с глубокою тоскою
Над ржавчиной железных тел.

В тумане дней тревожных брошен,
Застыл, подслушивая, как
Октябрь промокнув подошвой
Волочился на площадях.

И дни брели глухой походкой
По настороженной земле.
Манометр цепел над тонкой
На холодеющем нуле.

Линия тишь машин, заводской глушью
Прохаживаясь не спеша,
Будили стучом колотушек
Полуночные сторожа.

Зимой же вьюга, снежным комом
В забитые ходы стуча,
Рвала приказы военкома
С морщинистого кирпича.

Стоял суровый, многодумный.
Покорный году, нем и глух...
Все чаще над станком бесшумным
Стальные сети вил паук.

II

И вот, однажды, в день весенний,
Запоры сбросила рука,
И, с свистом взвиг, приводы вспевил
Победный бег маховика.

Полгода голодом и мором
Был обессилен, мертв и... вдруг —
Гудят моторы за мотором
Под взмахами сердец и рук.

Вновь огненные рельсы режут
Зубами пил и там и тут,
И там и тут под крик и скрежет
В поту, в чаду, куют, куют...

Чугунные дрожат стропила...
Был с каждым взмахом крепче взмах,
И о победе пели пилы,
И над вагранками меха
Поддакивали внопыхах...

Вновь полон неумным звоном,
Над знойным гулом площадей
И над вздыхающим бетоном
Был улыбающийся день...

Раскованный рукою жаркой,
Завод, сжигая немошь лет,
Встал торжествующий и яркий
Весенним солнцем на земле.

РАБОЧАЯ

Крепчает, братцы, сила!...
 Еще разок напред...
 Жар - птица мир накрыла
 Пылающим крылом...

За городом цветами
 Запенилася степь...
 Кто носит сердце - камень?
 Кто распят на кресте?

Отравленный тоскою
 Сомнений и тревог,
 Откликнись, кто душою
 В дороге изнемог?..

Кто встретит взором черным
 Четвертую весну?
 Ладонью черноземной
 Край радость расплеснул.

Эй, брат! На колокольне
 Угомони набат.
 На улице раздольной
 И нищий Солнцу рад!...

РАБОТНИЦА

Была судьба мрачна, черна, безлична,
Как ночь, как день и взгляд слепца;
Однообразная, как стук секунд обычный,
Мучительная без конца.

Полуголодная, в лохмотьях, в язвах,
Ты над серпом и у станка,
И, всеми брошенная, на дорогах вязла
И билася у кабака...

Но боль покорности, и пытки ужас,
И горечь сердца заостря,
Глухих и тусклых дум зальдиневшие лужи
Разбила постучь Октября.

И, растоптав последние сомненья
На митинговых площадях,
Ты над голою мысль извила грозой весенней
И радость радугю дня.

И встала равная, в борьбе упорной
Все прошлое испепеля,
Над книгой, над станком, над раскаленным горном,
У колыбели и руля.

НЕГР В МОСКВЕ

И не вымысел,
 И не сон,
 И не бред:
 Ветром северным олушен,
 Старый негр
 В Москве
 В Октябре.

Голубеют дни наяву.
 Москва —
 Беспокойным огромным гонгом.
 Толпы,
 Толпы — за валом вал,
 Как державные волны Конго.

Взор и слух —
 В толпу,
 В знамена,
 В крик:
 Ни погонщиков, ни цепей, ни слез...
 Старый негр седной пони:
 Ветер Африки стои донес.

... Ветер полз, задыхаясь в злых песках;
 В тростниках блуждал,
 В болотах глох.
 Там в тростниках, с кровью у виска,
 Загнанный брат не нашел дорог.

Из Сиднея в Судан,
 Из Судана в Сидней,
 Гнал кораблей из порта в порт.
 И под каждым парусом —
 Звон цепей
 И смех павианий жирных морд.

А на рынке Тимбукту,
За мане и рис
(Бился в глазах голод и страх)
Черною пальмою пала ниц
Проданная сестра.

Из каменно-гнионых ям
Вслед
Скованный сын прохрипел привет.
У хижины в почках
От росы до росы —
Боль и надежда —
Верные псы.

Ждут в плантациях,
Ждут в рудниках,
Изнемогая,
Гонца и вестей...

Ветер стих в камнях у ног старика
Стоном и свистом плетей.
Трепетала ало Москва
Беспокойным огромным гонгом.
Толпы... толпы за валом вал,
Как державные волны Конго.

И не вымысел,
И не бред,
И не сон:
Звонят старику тростники.
Бережно пронесен
Огонь знамен
Сквозь когтистые лапы морей и песка.

В тростниках, в рудниках, в черной толпе —
Обнаженным ножом —
Крик,
И над Конго грозный прогремел напев
Окровавленных мостовых.

В ОКТЯБРЕ

Поэма

Гудели села. Пахло дымом.
 Выл скот. А небо все красней.
 И по полям необозримым
 Несла пурга, и Русь сторала в ней

В лесах стонали ветры хором,
 Не видно зги — ни леса, ни полей.
 Лишь город, огнеглазый город,
 Летел на крыльях фонарей!

Из окон жители со страхом
 Зрачки острили, дергая скулой.
 Был каждый дом тюрьмой и плахой
 С отрубленной от шеи головой.

В те дни у всех глаза блестели,
 Костры в тумане искрились, и жуть
 Во взглядах пряталась, и хмелем
 Тяжелым наполнялась грудь.

Никто не знал названий улиц,
 Шел наугад — сквозь белые сады.
 И грузно в улицах тянулись
 Орудий тяжких темные ряды.

Тюрьма белела от испуга
 И дергалась зари сквозная бровь.
 Когда затягивалась туго
 На шее петля и синела кровь.

Где было поле — лес поднялся,
Где лес стоял — сплошная стена.
Металась буря, ветер мчался,
И Русь летела в темной полосе.

Мы шли —
Разбить,
Мы шли —
Сгореть:
Иль победить,
Иль умереть!

Шел снег,
И желт
Был снег,
Как лист.
Тот день нас вел
И в даль, и вблизи!

Был штык
Жесток,
И крик
Глубок,
И мгла
Несла
Сшибая с ног!

Шла Русь,
Вся шла.
И пусть
Несла
Метель вокруг
Внесенных рук
На мертвые тела!

Мы шли —
Разбить,
Мы шли —
Сгореть:
Иль победить,
Иль умереть!

От моря и до моря выюги
Вздымали головы, и по лесам
И по полям, через леса, через лачуги
К зажженным в небе облакам.

В дыму обстреленные дали.
Туманилась высокая звезда.
И весело под выюгами скакали
Друг через друга наши города.

Трещали крыши и заборы,
Цветные ставни, дерево крылец.
И Русь по пням и косогорам
Горела пламенем сердец.

Качались, приседали крыши,
И луч зеленый над селом
Казался вихрем, обхватившим
Полнеба огненным крылом!

Смотрели гордо Неполкомы
Флажками рдяными вокруг.
По бой прошел. Затихли громы.
Не стало в поле белых выюг.

И было так: как будто сроду,
Извечно, испокон веков,
На русских нивах хлебородных
Орлила власть советских городов!

АЛЫЙ ХРАМ

По жарким хлебным перекатам
Несу из солнца алый храм.
Свободу хижинам и хатам,
Свободу птицам и рабам!

Не Русь ли пламенем объята,
Не Русь ли алая до дна?
Не Русь ли хохотом набата
Со всех сторон озарена?

В огне и в золоте сермяга,
В душистом гомоне поля.
Под знаком огненного стяга
Горит российская земля.

Долой же скорбные морщины!
Огненные светел я и смел.
Все бездны, ямы и пучины
Свободы ангел пролетел.

Над каждой хатой — Радость — птица,
Над каждой хатой — Жар — мечта.
И ветер ночи бледнолицой
Целует алые уста.

Светлы дороги перелеска,
Дымятся свечи по буграм.
Горит из солнечного блеска
Свободных граждан алый храм.

МОЛОТ

Он гудит, когда ударю,
Он поет, когда взмахну.
Весь в дыму, в огне, в пожаре, —
Бью, кую, ломаю, гну!

Гну железо, сталь и мрамор,
Бью по мысли мертвых душ.
Красный молот мой — упрямый!
Жизнь — сочнее свежих груш!

Мы творить пришли на землю,
Наш удел — горячий пот.
Молот тяжкий я приемлю, —
Пусть всю жизнь перекует!

В Мире все мне стало ясно.
Труд, как солнце, впереди.
Наше сердце — молот красный.
Молот огненный в груди!

Бью! Кую! — Вставай из пепла
Мир, подсказанный мечтой!
Мысль свободная окрепла
В нашей правде трудовой!

Молот, брат мой и товарищ!
Я целую твой загар!
Камень тягостный отвалишь
С сердца ты, златой удар!

Жизнь, ложись на наковальню,
Ты сегодня мне — раба!
Сбрось с лица паряд печальный,
Наша новая Судьба!

Раз-два-три! Вдыхай у горна
Грудью кожаную, мех.
Я сегодня труд упорный
Превращу в весенний смех!

КРУГОВОРОТ

Встречайте, встречайте, встречайте!
Идите, любите душой!
Ломайте и вновь создавайте
И вновь загорайтесь мечтой!

Пусть вихри, бураны, метели,
И снова цветы и весна.
И вновь Декабри и Апрель,
Раскаты громов, тишина.

Вращаемся! Верьте и верьте!
Живите, сторайте до тла!
Приветствуют жизни Бессмертье
И дух ваш и ваши тела.

Пусть завтра, вчера и сегодня —
Несут вас и с вами меня.
Дышите светлей и свободней
Средь ночи и жгучего дня!

Победы и вновь пораженья,
И снова победы и бой.
О, радостный миг наслажденья:
Родиться и вновь на покой!

Старейте, седейте и снова!
Кудрявьтесь, чтоб биться и жить.
Пусть сердце, как мир, молодого
Никто не посмеет разбить!

Луна, электричество, звезды
И солнце, и ясность полей...
И счастье, и радость, и слезы —
Как жемчуг на проволоке дней!

Не бойтесь! Встречайте, встречайте!
Россия, Россия, не стой!
Все рушьте и вновь создавайте
И вновь загорайтесь мечтой!

ПОРТНОВСКАЯ

Я сегодня заострился, как игла,
Я сегодня засиделся до огня.
Ночь рукав свой темно-синий подняла,
Ночь созвездием осыпала меня.

Мне заказ сегодня дали не простой:
Сшить в одну семью разбросанных людей.
И мне радостно махать моей иглой,
Дело светлое закончить поскорей.

В ком душа сегодня в дырах — приходи, —
Я заштопаю, заштопаю, зашью.
Бейся сердце, сердце красное в груди,
Дай испить до дна — до дна! — мечту мою!

Много, много в двадцать первой мастерской
Над работою согнулось дюжих спин.
Душу радует веселый дружный бой
Наших швейных, наших огненных машин!

Тра-та-та да тра-та-та да тра-та-та!
Будто сердце — расходившийся челнок.
Нитки красные, как красная мечта, —
Сил довольно, чтобы дело кончить в срок.

Мы — портные! Мы — творцы златых миров.
Мы к Востоку Запад радостно пришьем.
Мы идем под сенью солнечных шагров,
В вихре красном, в ряном вихре мировом!

Тра-та-та! быстрее, быстрее ходи, челнок!
Будь уверенней, веселая игла!
Нам работу нашу надо кончить в срок,
Чтобы жизнь вся красным садом расцвела!

ПЕСНЯ ВЕСЕЛОГО СТЕКОЛЬНИКА

Я хожу из проулка в проулок.
— Вот кому вставить в раму стекло?
С Волги льдом голубым потянуло,
На душе, как на Волге светло.

Я вставляю везде без разбору,
Только крики: — Стекольщик! — Я тут.
За Сараговым лысые горы
К небесам, точно к матери, льнут.

Из окна мне рукой замахала
Чернобровая краля: войди!
Мне с разбитыми окнами стало
Тяжело, беспросветно в груди.

— Вставь быстрее, чтобы с Волги не дуло,
Чтобы горница розой цвела!
И задорно мне в очи взглянула,
И так близко ко мне подошла.

— Вставляю, — молвил и выпул цветное
Из подставки стекло. А она:
— Нет, мне стеклышко нужно простое,
Чтобы в доме была тишина!

Тут ее уговаривать стал я,
Пел и слезы катились из глаз.
Ветер с Волги меж нами растаял,
Подружил без конесечки нас.

От красавицы вышел хмельной я,
На душе, как на зорьке светло,
Вставил стеклышко я не простое,
Ярко красное вставил стекло.

А потом, как и прежде, шатался
Мимо настежь раскрытых ворот,
И, как прежде, опять дожидаясь
Когда кто-нибудь вдруг позовет.

ПЛОТНИК

Я сегодня — красивый плотник,
Песню вышилю шилой.
Я — помощник, я — работник
В этой жизни трудовой.

Раз! — летят из бревен щенки,
Щенки красные в закат.
Мой топор живой и крепкий
Топором быть очень рад.

Пой, струганок, звонче, глуше,
Пой на разные лады.
С бревен шелковые стружки
Лезут в снежные пруды.

Сжал смертельно топорище,
Вспыхнул мой веселый взмах.
Пусть не шляется, как нищий,
Тень бывшего в городах!

Мой топор — живое слово,
Мысль — упрямая пила.
Будет весел дом наш новый,
Дом и два больших крыла.

Чтоб подняться во вселенной,
Чтоб сказать иным мирам: —
— Мы идем от жизни пленной,
Мы сегодня в гости к вам!

ПОЕЗД

Шпалы гнутся, шпалы стонут,
Рельсы в светлом поле тонут.
Даль струится, серебрится,
Поезд мчится, мчится, мчится,

Ветер крутит, ветер бьет,
Под колесами поет:
Эй, вы! Эй ты, близкий — дальний.
Молот, чокай в наковальню,

Молот чокай, сердце токай.
Путь веселый, путь широкий —
Вот он, вот он, впереди,
Только весело гляди!

Буфер в буфер, только стоны,
Мчатся весело вагоны
Лесом, лугом, степью, полем...
Мы куем, творим и волим, —

Мчимся выше, мчимся ниже,
К цели ближе, ближе, ближе...
Мчатся годы, мчатся дни, —
Ближе станции огни!

Эй, вы! Эй, вы! Мчитесь, мчитесь,
Стройте, стройте и любитесь...
Стройте сами, будьте с нами.
Будьте сами мастерами,

Взвейте, вскиньте выше гор
Красной силы семафор.
Все мы в поезде, в пути мы,
Все мы — гайки, рельсы, дымы...

Мы в погоне, мы в вагоне,
В красном шуме, в красном звоне,
В быстрой скачке средь равнин —
Все мы, все мы, как одни!

ЖУРАВЛИНАЯ

Соломенная Русь, куда ты,
Какую песню затянуть?
Как журавли, курлычут хаты,
Поднявшись в неизвестный путь.

Я так заслушался, внимая
Тоске сермяжных журавлей.
Что не пошел за светлой стаей
И многого не понял в ней.

Соломенная Русь, куда ты?
Погибель — солнечная, — высь!
Но избы в ранах и заплатах
Над Миром звездно вознеслись.

И с каждой пяди мирозданья,
Со всех концов седой земли
Слыхать, как в розовом тумане
Курлычут наши журавли.

Совсем устали от дозора
Мои зеленые глаза.
Я видел — в каменные горы
Огнем ударила гроза!

И что ж? Крестом, как прежде было,
Никто себя не осенил.
Сама земля себя забыла
Под песню журавлиных крыл.

Ой, Русь соломенная, где ты?
 Не видно старых наших сел.
 Не подивлюсь, коль дед столетний
 Себя зашишет в комсомол.

Иные ветры с поля дуют,
 Иное шепчут ковыли.
 В страну далекую, родную
 Шумят крылами журавли.

ТРАВА

Ни вздыхать не хочется, ни думать,
Пусть вздыхает ветер синевой,
Вянут уши от ржаного шума,
И от птиц над самой головой.

Но и в шуме сердце не сожмется.
Раздавайся, раздавайся, грудь,
Слава тем, кто в утро из колодца
Мог зарю глазами зачерпнуть!

Я из тех, кто целую корчагу
Красных снов хватил в лихих пирах,
Кто зари дурманящую брагу
И поныне носит на усах.

Каждый день за вольными ветрами
Думой я без усталости гонюсь.
Никакими зоркими глазами
Не узнать отчалившую Русь.

Вешним сном вызванивают дали,
Степь и море, пашня и тайга,
Не от солнца ль так глаза устали,
На ресницах — степи и дуга.

Снег сошел, туманится дорога.
Зелень в рощах выбилась едва.
Но — не сразу. Положи немного:
На затылке вырастет трава.

Ай, и много, много будет ласки
На цветущем берегу,
Если наши мысли без опаски
В неизведанное побегут!

Ой, звените скрипки и гитары
И пляшите пилы, топоры!
Найте сердце — брызги Ниагары,
Наши помыслы — орлы!

И летят бестрепетною стаей
Через тундры и солончаки
Вдаль, туда, где изредка мигают
Огоньки...

Пусть туман и пуля-лиходейка —
В сердце страх не выщипет угла:
Жизнь легка, как праздничная вейка,
И напевна, как колокола!

Ей-же, ей, пузатое и злое, —
Море в пене... Не видать земли...
Только мы, сквозь время буревое,
Проведем удачно корабли!

Ай, и много, много будет ласки
На цветущем берегу,
Если наши мысли без опаски
В неизведанное побегут!

У НАС И У НИХ

У нас шестеренки
Бегают как девочки
Шестнадцать лет,
А у них — нет.

У нас расплавленная медь —
Не медь, а солнце сброшенное в мастерскую;
Ну, где у них вот занять
И перелить такую?

Наши стружки-серебружки,
Что хорошие подружки:
За одной другая вслед,
А у них-то стружек — нет.

У нас паровой молот
Мужествен и молод:
Каждый удар — легок и лих,
А что у них?

Ах, зато у них, у текстилей
Сотни, тысячи девочек,
Смех которых звонче и теплей
Разговора наших шестеренок!

РАБКОР

Жизнь идет, а он за нею,
Он за ней под грохоты и звон,
И в руках чернилами синее
Свежий фельетон.

Ну давно — ль корявая заметка:
— Мастер груб, директор — враг!
Но и та писалась редко,
Но и та писалась кое-как.

Ничего:
Фельетон и очерк,
А в грядущем (иль сейчас?)
В тысячи, миллионы строчек
Хорошо вколотенный рассказ.

А потом
Какой — нибудь рабжурец,
Иль рабкор, сегодня молодой,
Будет наших площадей и улиц
Наш, советский Лев Толстой!

Жизнь идет, а он за нею,
Ловит радость, горесть, смех и стон,
И в руках чернилами синее
Молодой, задорный фельетон.

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

— «Шоффер, повороты в Москву»...
 — «Я не могу, тов. Ленин, —
 Мне не велели»... — «Берегут:
 Все думают, что я болею.
 Повороты к Кремлю — вею:
 Ужели путь туда потерян?»
 «Он — вождь пролетариата»... — «Есть!»
 Шоффер не смеет больше спорить:
 Он сердцем чувствует — это честь
 Быть в заговоре с великаном.
 Протягивает к рычагу
 Окрепшую вельем руку.
 Сирены встречных берегут,
 Автомобиль берет заставу.
 Летит, летит корабль в снегу,
 Его восторг мотором правит,
 Он повторяет ронот губ:
 — «Это — последнее восстание,
 Это — последнее свидание,
 Последнее прости Кремлю».
 Охвачен радостью по горло,
 От ног до кончика штыка,
 Что видит снова Ильича,
 Тот простоватый постовой,
 Что будет годы после гордо —
 Старик в кругу своих внучат —
 Рассказывать, что он сказал
 Ему последнее «свободно».
 — «Ко ВЦИК'у», — стой.
 И сходит тихо Ильич,
 Взбегает бодро вверх.
 Стучат машинки, спорят, пишут,
 Горит работой мозга Кремль,
 Работой и весельем дышет...
 Он вспоминает тот апрель,
 Когда писал рабочим письма

Горящие... Вот эта дверь: —
За ней он годы просидел,
Но показались мгновеньем.
Еще бы час такой, иль день,
Покрытый подиасями — Ленин!
На стенке старый бюллетень:
Температура, сердцебиенье...
Он точно птица прилетел
И выпорхнул под шопот «Ленин»...
Его узнали... Виновь шоффер,
Волнулся, как заговорщик,
Летит сквозь уличную дверь,
Опознанный Москвою, в Горки.
Он обернулся у заставы:
Ничи, оборотись, глядел,
Как в дымке Кремль и город таял,
И на мгновенье, точно тень
Мелькнула по крутой щеке,
И взор взглянул мгновенной раной.
Но гордый въехал в Горок двор
И прыгнул так легко, как прежде:
— «Теперь меж нами заговор», —
И улыбнулся другу нежно:
«Спасибо — означал тот взор —
Не бред и не болезнь, а правда —
Не снится Кремль, а плещет флагом
И машет молниенной грозой, —
Прибоем катится на Запад...»
Какою северною сагой
Распеть последний этот день,
Когда перед его глазами
Стоял несокрушимо Кремль?!
Весь день там шум, — его узнали:
«Ничи сейчас вот здесь стоял!...»
Друзья друг-друга поздравляли,
А флаг волной прибой в даль
Рвался... — и люди, дети звали
Отца к семье, к себе домой.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

I

Мы вышли. Москва остывала, дрожа
От стужи жестоких событий,
Вернее, чем смертною хваткой пожа,
Печалью всеобщей убита.

Колонны шатались и почь на часах
Шаталась и падала круто,
И светом мгновенным в миллионных глазах
Сгорало столетье в минуту.

Другие снесили, другие прошли,
За ними еще, не смолкая,
За фронтом рабочих, за шагом земли
Старинная вечность седая.

II

Четыреста тысяч стояли стеной
На мерзлой арене, широкой,
Еще и еще человечески прибой —
Скопление гигантских истоков.

За Красною Преснею Сокольников стан
Домали сцепление кварталов,
Четыреста тысяч к утру не устав
Почетною стражей стояли.

Костры разгорались ниша и гудя,
Пылая кровавым разрезом,
Мы молча готовились встретить Вожди
Приветом простым, как железо.

III

Заветная ближе. Ровнее ряды,
Четыре пробило на башне,
Морозные, в инее, ночь и сады,
Тревожно, и жутко, и страшно.

Заветная — мимо. По двое прошли,
Звено за звеном ниспадая,
Терялись, бледнели, дышать не могли,
Над бездною изнемогая.

Ступени, одна за другой — высоко
Взнесли послушное тело.
Запомнил: сходя схватилась рукой
За выступ холодный и белый.

Все выше! Все круче! Под шагом года,
Как листья сухие хрустели,
И вдруг напряжение, как ток в проводах.
И мы на него посмотрели.

Такой тишины испытать не дано,
Такого покоя не встретить,
Запомнилось: алое крови сукно,
Какого темного на свете.

Запомнились лица (в снегу!) часовых,
И мальчик на страже стоявший,
И блики, и вспышки мгновений ночных
До утра не исчезающих.

Запомнилось четко, но я ли солгу,
За мелочи пряча и прячась,
Сказать, что для многих годов берегу,
Что знаю и вспоминая без плача.

Я видел: на красном помосте, в цветах,
За пальмами Инди желтой
Сиявшего лба нарядилась высота
Сто тысячью солнечных вольтов.

Я видел: сочлились морщинки у глаз,
Чудесной улыбкой стекая,
Которая вспомнится тысячи раз,
Которую не забывают.

В огне, голова на ветру — горяча, —
Кто недуг тяжелый излечит?!
Я видел в бессмертную ночь Ильича,
И это — последняя встреча.

НЕ ВЕРИМ

Не верим, хоть засынь нас
Снегами телеграмм:
Он с нами неусыпный
Великий командарм.

И, как всегда любимый,
Движением руки
Ведет неотвратимые
Рабочие полки.

Стоит ли ночь глухая
Или гремит гроза,
Сверкают, усмехаясь,
Ленинские глаза.

Не верим, хоть засынь нас
Снегами телеграмм:
Он с нами неусыпный
Товарищ командарм.

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный охватить,
Который бьется в этих жилах
И в этой голове кипит.

Глаза и мысль перасторжимы,
А кто так мысленно богат,
Чтоб передать непостижимый
Века пронизывающий взгляд.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Знамен кровавых колыханье
На бледно-синих небесах,
Их слов серебряных блистанье
В холодных и косых лучах.

Рядов сплоченных шаг размерный,
И строгость бледно-серых лиц,
И в высоте неимоверной
Гудение железных птиц.

Не торжество, не ликование,
Не смехом брызжащий восторг,
Во всем холодное сознанье,
Железный, непреложный долг.

ВЕСЕННИЕ ЛУЖИ

Опять весна и воробьи,
Опять я солнцем вдруг разбужен.
Опять мальчишки корабли
По голубым гоняют лужам.

Иду, обнявшись с весной,
Разбрызгивая солнце в лужах,
Теперь, чтоб ни было со мной,
Уж никогда не будет хуже.

Угар и плесень позади,
Под солнечный прорвался душ я,
И сердце воробьем в груди,
Как после дымного удушья.

Угар и плесень позади,
Дорога вся в грязи и блеске,
И позади и впереди
Все лужи с солнцем в перенеске.

А тут к ручьям и воробьям
В сияющем водовороте,
Такие ж чахлые из ям
На солнце волокут лохмотья.

Эй солнце, жги и выжигай
Тоску и плесень из подвалов!
Жизнь плещет, мещет через край
Из ям, из луж и где попало.

ЗАЙЧИК

По сырому потолку
И по всей каморке тесной
Золотой такой, смешной
Зайчик прыгает чудесный.

Ничего, что я большой,
Я готов за ним вирипрыжку
По столу, по пыльным книжкам,
По сырому потолку.

Вперекор календарю,
Безо всяких чисел разных,
Разрешу я сам себе
Ослепительнейший праздник.

И на грязном на дворе,
Ошарашенном канелью,
Побегу я к детворе,
Захлебнувшейся весельем.

Да, дожидь вот до седины,
Горе, труд — все рядом к ряду,
А не в силах вот один
Вносить такую радость.

Побегу по мостовой,
Побегу по всем соседям, •
Рассказать, что в край иной,
В теплый край мы жить поведем.

Что у них по потолку
И по всем каморкам тесным,
Золотой такой, смешной
Зайчик прыгает чудесный.

КАРМЕН

1

Не там, где с розою в зубах,
 На пышной желтизне Севильи,
 Являсь, исчезает в прах
 Сердца и жизни без усилий. —

Нет, на канаве, в тощий год,
 Здесь, на окраине столичной,
 Кармен еще для нас живет
 Гульливой девочкой фабричной.

Она все та же. Придъ волос
 Тугим кольцом над тонкой бровью,
 И взгляд очей ее раскос
 Из-под косынки, исподлюба.

И блеск серег и губ, и глаз,
 Упрямость легкая походки —
 Сердцекрушительный рассказ
 О власти гибельной красоты.

Ведь от некомпиящих родства
 Свой род отчаянный и чванный
 Она ведет, а их сердца
 Одни на всех меридианах.

Но увлечений и измен
 Черетасована колода,
 И карта выпала Кармен —
 Октябрь семнадцатого года.

2

Октябрь. Ты помнишь мокрый снег
И раскаленный этот воздух,
Броневиков тяжелый бег,
Короткий пулеметов роздых...

Ты помнишь, — сердце по ночам
Стучало перестуком частым,
И ветер с пылью пополам
На перекрестках агал и хвастал.

Ты помнишь стали и свинца
Борьбу на площади кровавой,
Когда на штурм ночной дворца
Внезпно хлынули заставы,

Знамен восторженный кумач,
Несметных получишь шаг чутуныйй,
Из тонких щупальц радиомачт
Призывный оклик: Мир! Коммуна!

3

Есть близ фабричных корпусов
Дома, обглоданные осной;
Там люди в тесноте, без слов
Живут, едят и любят просто.

Там женщина с клеймом жены,
Покорна похоти мужчины,
Рождает мясо для войны,
Рождает мясо для машины.

Там рождена она на свет, —
Кармен, дитя любви внебрачной,
И вместо школы, в девять лет
Работать встала на табачной.

Из слез и песен мастериц
 Науке жизни научилась,
 Как в клетке, полной пленных птиц,
 За черный хлеб жила и билась.

И из глазированной и худой
 Девчонки дерзкой и лукавой,
 Внезапно пышной красотой
 Раскрылась на краю канавы.

4

Матрос, армеец, слесарь, вор —
 Она любила не торгуясь,
 И никому до этих пор
 Не отказала в поцелуях.

Но память тех голодных дней,
 Прожитых брошенной девчонкой,
 Как ненависть осталась в ней
 Занозой острою и тонкой.

Она на фабрике была
 Всех безудержней, всех горластей:
 Ее крутого языка
 Побавался каждый мастер.

Конец ночного кутежа,
 Как в заурядной мелодраме:
 Ей был сужден удар ножа
 И злая смерть под воротами.

И только в хронике газет,
 Там, где петитом смерть бесчестят,
 Остался бы мгновенный след
 В отделе мелких происшествий.

5

Однажды, средь толпы зевак,
Кармен на шествие глазела.
Огромный колыхался флаг:
Колонна стройно шла и пела.
Звенели глухо голоса,
Как будто с жизнью смерть боролась.
И кто-то толстый с мордой неа
Вдруг прошепел: «Распелась, сволочь!»
Тогда, очнувшись, как от сна,
И медленно сойдя с панели,
Веселой злобою полна
Кармен примкнула к тем, кто пели.

6

Да, любит весело она
И крепко может ненавидеть!
Она не мать и не жена, —
Беда, — кто смел ее обидеть.
Не Хозе вовлекать в беду,
Не помогать контрабандистам, —
Кармен в семнадцатом году
Была в России коммунисткой.
Не к славе цирковых арен,
Где Эскамильо бьется ловкий.
Нет, за любовником Кармен
На Колчака идет с винтовкой...
В фуражке, в кожанке морской.
Наброшенной на грудь и плечи, —
Ее художник заводской
В фарфоре так увековечил.
И карты живо смерть сулят:
Встают и падают державы,
Чтоб в долгой памяти вшучат
Жила Кармен из за канавы.

КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ

Кровавые зори горят над городом гремящим и усталым...
 И в отблеске кочующих пожаров,
 В стихийном зареве, метушемся и алом,
 Когда зловещий день дрожит, тоской облит,
 Земле навесив огненные чары,
 Плывет, как крик души, встревоженный набат.

На площадях, на улицах — движение и борьба,
 Идут железными рядами красные роты,
 На улицах ружейная стрельба...
 И где-то жуткие хохочут пулеметы...

За грань иных времен подняли знамя мы,
 Из недр иных веков мы слышим зов влекущий.
 В багряном золоте с пучин безбрежной тьмы
 Нам снится в грохоте прекрасный век грядущий...

Мы коллективной волей разбили кору суеверий,
 Кто остановит работу могучих титанов?
 Народам уставшим, к свободе открыли мы двери,
 Мы стерли границы богов и тиранов.
 Наше алое знамя — знамя миллионов людей, —
 Горит в безумном пламени рассвета.
 Позорно падают грани — грани постыдных цепей.
 И вот уже больше нет ни Европы, ни Нового Света.

На площадях, на улицах кровавая борьба,
 В пожаре огненном сторает мир проклятый...
 На улицах ружейная стрельба,
 Плывут гудящие, безумные набаты.
 Притихли речи в жутком мраке, разговоры,
 И смерть не знает меры, ни границ.

На улице не видно беззаботных лиц,
 Молчат вокзалы, молчат зловещные соборы,
 Уныло затаив в себе позоры.
 Спускает ночь свой черный и текучий локон.
 В крови дрожит кочующая даль,
 Из черных и безумных окон
 Кричит горящая и жуткая печаль.

В мятежном круге алого мгновенья
 Мы подняли знамена радостной борьбы.
 Мы — перлы жизни — непрерывной цепи звенья.
 Во мгле удушливой ты слышишь наш призыв?
 Нас — миллионы, мы — сила вдохновенья,
 Нас — миллионы, мы — коллектив!...

Гремят раскаты орудий,
 С испугом бегут люди, —
 Хаос и смятение ткут...
 Да здравствует свобода, да здравствует труд!...

Уходят враждебные полки. Победа!
 Падают их цитадели.
 Мы идем им следом, следом...
 Люди падают со стоном, кричат от тоски...
 Победа, победа!...
 О, неужели?...

И вот у грани баррикад,
 У трупов еще неостывших,
 Вдохновеньем могучим обят,
 Опасность свою позабывши,
 Говорит солдатам оратор,
 И вдруг мгновенно смолкает,
 Рука поднимается к небу за местью, —
 Пуля орлиное сердце пронзает, —
 Он умирает с честью.

Рухнется эпохи последней остатки... Победа!...
 И жизнь чертит роковое
 Последнее мгновенье старому миру.
 Мы волны первого гремящего прибоя,
 И в первый раз мы зажигаем диру
 Мятежным трепетом рокочущих восстаний.

С музыкой прохлят полки,
 На серые здания черный туман упал.
 В последний раз трещат броневики!
 Интернационал,
 Интернационал!...

ДЕТСТВО

У нас, как и в каждой семье,
 У печки дрова да лоханки,
 Кувшин молока на скамье
 И кот на высокой лежанке.

У стенки большая кровать,
 С которой при всякой погоде
 Всех раньше поднимется мать
 Топить или копать в огороде.

А мы, для которых живут,
 Которым так много прощают,
 Мы утром выходим на пруд.
 И гуси нас криком встречают.

Погоним, покормим коров,
 Повынесем яблочек из сада —
 И каждый румян и здоров,
 И каждому больше не надо.

А вечером мать за столом
 Нам новую сказку расскажет,
 Накормит лапшой с молоком
 И медом пампушки намажет.

И так от ворот до ворот,
 Полями возвращенные дети.
 Мы — самый беспечный народ
 На этом измученном свете.

ДРУГ

Отрывок из поэмы

Мы плыли в даль, и пенилась вода,
За суднами ветра в столетьях билась,
И дней прошли тяжелые стада
И в новом лике дважды повторились.

Мне друг сказал: «Я знаю все ветра,
Нам эта буря принесет удачу...»
И жизнь восстала в дымке, как гора,
Без трепета, и ропота, и плача.

Флютилку трепало и несло,
Тысяченогий друг стоял и правил
Железною рукой на курсе земли.

Мы не заметили, как рассвело,
Как волны бесноваться перестали,
И корабли в Грядущее вошли.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Осыпаются осенние листья,
 Журавли к отлету собрались
 Тонким клином, ранним утром мгlistым.
 Над тяжелым золотом земли.

Тишь степная паутиной вяжет, —
 Город далеко стоит от нас —
 Верно, осень трудным камнем ляжет
 И не скоро новая весна.

Эх, ковыльный, шелковый и дремкий.
 Колыхайся джигами, как ветра,
 Хуторок, затерянный в потемках.
 Что зовется попросту «Гора».

Ну, а гор то, знаю не бывало
 В сих местах на памяти моей, —
 Не гадало сердце — угадало
 Сколько путнику осталось дней.

И на завтра рано, рано, рано,
 Чуть восток качнется синевой.
 Я проснусь и в дорогу встану.
 И пойду дорогою степной.

Буду слышать голос я ковыльный,
 Как сочится паутиной грусть,
 А потом прибуду в город пыльный
 И московским гамом захлебнусь.

ПАРОВОЗ

Лежал, омертвелый, в Туле
Не день, не неделю, не две,
А ветры все дули, дули,
Гогокая в темной трубе.

А годы кружились, мчали
То голод, то тиф, то разгром —
Пробитые жадной сталью,
Сваленные вещим огнем.

Лежал, омертвелый, долго
И ждал возрождающих рук,
Чтоб снова мчаться через Волгу,
Чтоб петь без конца тук-тук.

Вчера увидел, как взяли
В починку седой паровоз.
И черное тело дрожало
В размолах тяжелых колес.

ПЕСНЯ

I

Не от грусти, не от грусти синей
 Лбется песня ясная моя,
 Встало солнце, и растаял иней
 И светлы заречные края.

Волжский воздух, острый и пахучий,
 Желтым соком полон до краев,
 Это день, наверно самый лучший,
 Вышел, как вода из берегов.

Ты ли, я ли ливенку под мышки, —
 Гармоника стонет и поет,
 Кровь шумит давно без передышки,
 И давно напевов полон рот!

II

Ой, песня, песня — прозвени,
 Залей печаль и жалость,
 Ой, сердце, сердце — сохрани
 От этих дней хоть малость.

Ити и исть, гореть и быть,
 Не это ли отрада?!
 Не мог я песню разлюбить,
 А лучшего не надо.

ЖЕСТОКАЯ ВЕСНА

Столетним хмелем голова пьяна
И радостно, и грозно новоселье,
Стоит давно жестокая весна
Усилий, крови и веселья.

Нас множество. И нам ли не ценить
Свершенное, достигнутое право,
Коль этот путь материком лежит
Гигантской глыбою кровавой.

И эта кровь — она из многих жил
Текла и заикалась пашней черной,
Она от тех, кто солнце полюбил
И достигал его упорно.

Оглядываясь, вижу — рубежи.
И вся дорога устлана костями...
Воспоминанье остро, как нож,
Но дни идут, идут за нами.

Свершается чудесная пора,
Каких не много в эре человеческой,
Крахтит земля — она уже стара,
Но нашей воли не перечит.

Столетним хмелем голова пьяна
И радостно, и грозно новоселье,
Стоит давно жестокая весна
Усилий, крови и веселья.

ПЕЧКА

Печку Анисья с утра протопила и, жар загребая,
Старым гусиным крылом золу с загнетки смела.
Стукнула жестью заслонки, заботливо под посмотрела:
Щи, в чугуне прокипев, преют капустным листом.

Каша в горшке разварилась и коркой поджареной вспухла,
В плёнке свинины кусок сазом избу продушил.
Ныль от углей сберегая, Анисья завесила тряпкой
Печку с чела, рогачи к ряду поставила все,

А кочергою баран заслонила и сунула вьюшки,
Чтоб тепло по трубе только до борова шло.
Кончив дела и махотки обсохнуть засунув в печурки,
На печь полезла сама старые кости погреть,

Кофту на средний кирпич от ожога под тело постлала,
С теплой поддевкой затем долго возилась она,
После решила и ею накрыться совсем с головою. —
Сонная дрема верней в эдаком разе возьмет.

МЫ ИДЕМ

Разрушая все преграды,
Все препоны, мы идем...
Откровенья и паряды
Миру новые несем.

Мощь призыва,
Битвы сладость,
Вихрь порыва,
Веру, радость —

Мы взлелеяли в груди,
В юной пламенной груди.

Мы — стремленье,
Достиженья
Светлой Воли,
Красной Доли...

Вперед:

Путь тернист, обрывы, скалы, —
Мы зажгли призывный свет...
Рдеют зори ярко-алы,
Таеж смерти силуэт.

Полог ночи
Разрываем
И рабочих
Призываем —

Встретить Утро, Солнце, День...
Властный, ясный, красный день!

Будут встречи,
Клятвы, речи...
Радость бедных,
Сонных, бледных
Деревень...

Только веру сохраните,
Души творчеством горят.
На железе и граните
Разобьем цветистый сад!

У СТАНКА

Стружка вьется, стружка тянется, ползет,
 Удлинясь, как разлука, как печаль...
 А резец идет — смеется и поет
 И, целуя, обнажает деву-сталь...

Шестерни, шкивы вращаются, спуют...
 А в груди моей под танец шестерней —
 Два желанья, два начала спор ведут...
 Слышу голос в мягком шелесте ремней:

«О, мечтатель, вольнодумец, о, поэт!
 Не затем же, ведь, родился ты на свет,
 Чтоб всю жизнь в заводе мучиться, терпеть,
 И прикованным к машине умереть.

За окном — весна... блеск солнца... красота...
 Тут туманит взор — грязища, темнота.
 Там ласкает слух певцов пернатых хор,
 Тут машин — чудовищ грохот — разговор...

Он — упрёки, он — проклятие отцов...
 С ним слиявсь, рыдает скрип резцов.
 Там — деревья... от цветов там — аромат...
 Тут бесшумно — сталь, железо, дым и смрад,

Тут все вертится, танцует и дрожит,
 Вост, лизгает, гремит, стучит, жужжит...
 И вот тут-то, как прикован, день-деньской —
 Неотлучно у станка ты, в мастерской...

Ум мугится... спину ломит... грудь болит...
 А смотри, как солнце ласково глядит,
 Как приветливо целует, радость льет,
 Дразнит, манит и настойчиво зовет:

В степь безбрежную, на волю, на простор,
 На зеленый, на цветистый на ковер...
 К морю звучному, — к играющим волнам,
 В горы... Выше, ближе к Солнцу, к небесам.

Хором звуков очарован, убежден, —
 Проклинаю плен завода, стали звон,
 К солнцу, к морю, в горы, к воле я лечу...
 Счастья светлого и радости хочу.

Ведь открыт же к наслаждению путь всегда
 Угнетателям, живущим без труда...
 Им, жиреющим, все можно, все дано...
 Что же мне — то кроме муки, суждено?

Ниль в заводе пулеметы все ковать.
 «Для чего они», — сын спросит, что сказать?
 Не сказать же, что в них зреет виноград.
 И тебя же им, быть может, угостят...

Сердце бьется, гнев клокочет, гнев кипит...
 А в ушах немолчно тот же зов звенит:
 «Видишь — ли, невольник — парий, блеск какой...
 Ты томишься у машины в мастерской»...

Замечтался, в высь умчался, занарил...
 Не заметил, кто станок остановил.
 Окрик... Мастер... Вновь включаю самоход.
 Вновь танцует звуков стройный хоровод...

Но пророча, напевая о другом,
 Криком стали, смелым, властным языком:
 «Разгони мечтаний хмельный хоровод.
 Не кланя станки, машины и завод.

Ты пришел сюда от солнечных полей,
 Где рабом яремым был у палачей.
 Тут кланешься ты в бой сзывающий металл,
 Там под розгами помещика стоял...

Тут тебе ремни о солнце говорят,
Там, страдая, солнца свету был не рад.
Тут твой пращур в горы, в степь тебя позвал,
Там в стени ты — под телегой ночевал...

Там, покорный, одиноко ты бродил.
Тут завод вас всех в союз соединил.
Там душил тебя протяжный, жуткий сдлин,
Тут зовет к Свободе говор, стук машин...

Там священник верой ложной цепенил,
Тут завод твое мышление пробудил.
Бодрость, Веру, Гнев, Протест вливает в грудь.
И выводит на огнистый, чистый путь...

Тут поймешь и жизни Смысл, и жизни Цель,
Тут Стремлений и Восстаний всех — Кунель...
Лишь прислунайся, пойми язык машин:
Ты Мессия, — ты Грядущий Властелин...

Ты в союзе с паром, сталью и огнем —
Овладеешь шаровидным кораблем...
Будет черный враг тобою побежден,
Мир оправдан, и омыт, и обновлен»...

На призывы двух различных голосов
Я качался, словно маятник часов;
В первом сердцу что-то нежное звучало,
Во втором Труда победное начало...

Предо мною разветвились два пути:
Иль к былому, иль к грядущему идти...
Колесился, не решался много дней,
Рассуждал, который радостней, светлей...

А когда вполне обдумал, обсудил —
На второй, на путь к Грядущему вступил...
И пошел к Борьбе, к Свободе, Вдаль, Вперед...
Полюбил Кунель Стремлений всех — Завод.

КРАСНЫЙ ЦВЕТOK

О, солнечно-бурный
Октябрьский набат!
О, снежно-пурпурный
Цветок баррикад!
В раскатах восстаний
Твой пламень могуч,
Народных страданий
Серебряный ключ.
Он солнечным светом
Звенит, как живой:
«Советам, Советам
Вся власть над землей!»
Взращенный в невзгодах,
В приволье родном,
На гневных заводах,
В подполье глухом,
В кровавые ночи
На бранных полях,
В призывах рабочих,
В солдатских сердцах,
Он вспыхнул с расцветом
Зари огневой:
«Советам, Советам
Вся власть над землей!»
И светлым зигзагом
Сверкнули штыки,
Уверенным шагом
Проходят полки
На север, восток,
И на запад и юг,
Чтоб красный цветок
Взять под огненный круг.
Несется приветом
Их клич боевой:
«Советам, Советам
Вся власть над землей!»

СКЕНТИКУ

Не к лицу тебе, товарищ,
Сыпать жалкие упрёки:
Мир еще в дыму пожаров
И не все промчались сроки.

Чтоб тростник качнулся гибкий,
Будь, как буря, непреклонный,
С проницательной улыбкой
Не смотри на Запад сонный.

Он, избитый, избитый,
Плачет огненной кровью...
Не насмешкой ядовитой,
Обогрей его любовью.

Обогрей родные груди
Ярким пламенем восстания.
Там давно исшили люди
Чашу горького страдания.

Хоть следы тяжелой муки
На лице твоём усталом,
Хоть твои немеют руки
В смертной битве с капиталом.

Не смотри с тоскою жгучей.
Верь, проснется Запад сонный...
Нарастает шквал могучий,
Грозный, революционный.

Продержись еще немного:
В грозном пламени пожара
Грядет братская подмога
Со всего земного шара...

ЛЮБОВЬ

В грустный час, отдавшись укоризне,
За стеною девушка рыдала
О своей убогой, темной жизни
И о том, что счастья не видала.

Тосковала, что ее изводит
Тяжкий труд неволю жестокой,
Что напрасно молодость проходит
И что грустно гибнуть одинокой.

Тосковало сердце и не знало,
Что сосед мой, молодой рабочий,
Каждый вечер, в дружбе небывалой,
У меня гостит до полуночи.

И, когда за чуткою стеною
Звонкий смех соседки раздается,
Он дрожит, краснеет предо мною
И, как солнце, плачет и смеется...

СМЕРТЬ ВОЖДЯ

Был вечер, и сумраком синим
Город густел.
Торопливо
По линиям, как в бесконечность,
Бежали трамваи.
Шли пешеходы,
И по всему городу
Мелко похрустывал снег.
В заводах
Кипела работа быстрая,
Разговаривали станки,
И шум густой приводных ремней
Наполнял корпуса.
Казалось, так было всегда,
Так будет и завтра,
И много, много годов...
Но вот в 7 часов
На башне Кремлевской,
Вздрыгнув,
Куранты оборвали звон,
Медным стоном всколыхнув синеву,
Вдруг
Звяканьем захлебнувшись,
Остановились трамваи на миг,
И пробегающий автомобиль
Головой глазастой
Уткнулся, рыдая, в сугроб.
На окраинах громко гудки заревели...
Толпами
Из корпусов фабричных
В ночь
Рабочие молчаливо прошли...

Вел тревогою ветер,
Над городом сумрак густел...
Только красноармеец
На посту у ворот Кремля,
Пугливо
Слышал, будто сквозь сон,
Как провода тоскливо гудели,
Сливаясь в похоронный марш,
И настороженный
Крепче винтовку сжимал...
В этот вечер
Умер рабочий вождь.

В ТУ НОЧЬ

Я знал железное большое кладбище —
 За городом, в широком тупике,
 Рядами черными стояли паровозы,
 Скованные сном.
 А перед ними опустелым храмом
 Уныло высилось чумазое депо;
 Оставив службу, горны потухнув,
 Ушли рабочие сражаться.
 Ушли...
 И длинные, пустые тянулись дни;
 Не громыхало, не лязгало железо,
 Не грохотали молотки.
 И только дождь пронзительный и пестрый
 Струился долго, долго и упорно
 На это кладбище большое,
 На эту мертвую,
 По сумрачно-вишневую мощь.
 И вот не помню, видел ли во сне
 Иль это все случилось наяву...
 Была осенняя глухая ночь,
 Была на кладбище густая тишина.
 Безмолвные стояли паровозы
 И, темный пыл в себе тая,
 Застывшим ужасом железным
 В пустые палились поля.
 И вдруг гудок,
 Над мертвыми гудок тревожный
 Отчаянно заклокотал,
 Железный потрясая сон.
 Так зверь ревет во мраке ночи,
 Когда зовет потерянную самку,
 Так зверь ревет... не зверь, —

Так трубачи воинственные
В трубы трубят,
Когда выходит армия в поход.
На трубный зов, на зов сигнальный,
Теньями черными,
Хватаясь
За вспугнутую темноту,
Вдруг всколыхнулись мертвые
Заржавленные паровозы в тунике
И, прорвавшую ревом тишину,
Движением железным наполняя,
Вздохнули грозно.
Пульсируя цилиндрами,
Забил о поршни мощный пар,
И регуляторы открылись сами.
И, постуном чугуиной на рельсы налегая,
Стенаньями,
И гулом,
И ревом трубным
Покрывая мрак,
Железной армией в чудовищном порядке
Тронулись тревожно паровозы...
Земля вздрагивала,
Широлись, приподымались небеса,
И отступающая луна
Озаряла
Железное восстание паровозов.
В ту ночь
Рабочие вступили в город.

ГИМН МОГИЛ

Каждой ночью,
Как только по городу
Стихнет шум,
Под кремлевской стеной,
В могилах
Пробуждаются мертвецы.
Черным строем встают из мрака,
Черным строем вступают в Кремль.
На измученных лицах — тревога,
На одеждах —
Застывшая кровь.
И привычно,
По древним ступеням,
На высокую башню Кремля,
Под кирпичные своды восходят
И бесшумно становятся в круг.
Медными головами,
Шевеля полуночную тишь,
Как по знаку безмолвному,
Мерно
Интернационал поют.
И слова о последнем бое,
О воспрянувшем роде людском,
Медным строем гудят над городом,
И тревожные
Тонут во мгле...
Каждой ночью
С Кремлевской башни
Раздается рабочий гимн —
Это мертвые о борьбе поют,
Это мертвые будят живых.

ВЕСЕННЕЕ

Весна. Струится ветер тонкий,
Над городом кричат грачи.
О, как под вечер в шуме звонком
Устали в мастерской ткачи!..

И я устал за тканьем тканей,
Уж мне домой пора, пора...
С тоскою непонятно-тайной
Станок оставил до утра.

Иду, а по дороге талой
Поет о вечере ручей.
И вспоминается устало
Мне песнь весенняя ткачей.

И взор мой дали тянут, тянут,
И синь небес он жадно пьет,
А вечер розовые ткани
Так радостно в лазури ткет.

ВСТРЕЧА С ЗАСТАВОЙ

Ах, сердце, ты не хорохорься,
Смотри, ссутулился, продрог,
Пиджак шершавый пообтерся
В пыли проселочных дорог,
И ночи августовской мгла
Туманом на плечи легла.
Но все, как было онамедни,
Огни вечерние горят.
Сперва перрон. Перрон последний,
И за перроном — Ленинград.
Не нынче ли
Веселый час живой?
Качнется сумрак голубой...
Эй, Нарвская застава,
Здравствуй! —
Я снова свиделся с тобой.
Гудки
Защели на прокатном,
Как прежде,
Перед четырьмя,
Застава,
Я пришел обратно
В твои шершавые дома.
Вот видишь,
Нынче стал постарше,
Лицо обветрено мое,
Но пусть в груди
Грохочет маршем
Твое тяжелое литье.
Пусть нетерпенье молодое
Вставало вечно на пути
И каждой строчкой,

Как забоем,
Мне было тяжело пройти.
Но плечи не бояся груза,
Грозой не захлеснуть глаза,
Не в этот вечер синеглазый
На жизнь поставишь тормоза.
Не нынче ли
Веселый час твой?
Качнется сумрак голубой.
Эй, Нарвская застава,
Здравствуй,
Я снова свиделся с тобой!

7 СЕНТЯБРЯ 1924 г.

Эй, брательник,
Брательник мой,
Если
Мы с тобою шагали не зря
Боевой комсомольскою песней,
Мы седьмое
Зажжем сентября.

Подымайся рабочая смена.
Эй!
Пора!
По рядам молодежь,
Непрерывно вставай,
Непрерывно,
В непогоду,
И ветер,
И дождь.

Белый брат
Слышит черного брата
И спешит по путям городским.
Эй, слетайтесь,
Слетайтесь орлята,
И клянитесь
Бороться за Ким.

Разве кровью,
Промытой на Руре,
Боевые знамена прожечь?
Непогоде,
И пулям,

И буре
Не сломить,
Не согнуть наших плеч.

Подымайся рабочая смена.
Эй!
Пора!
По рядам молодежь!
Непрерывно вставай,
Непрерывно!
В непогоду,
И ветер,
И дождь.

ТРЕТЬИХ ЗВОНКОВ ПОРА

Руки мои на страже
И маяки зрачков,
Мне ожидать — когда же
Третьих пора звонков?

Так, мы теперь готовы
Сквозь непомерный зной
Ветер тянуть свинцовый,
Ветер тянуть хмельной.

Ныне нам не впервые
Круто менять построй
В разведчики, и в часовые,
И в пулеметчиков строй.

Отгрохотать с вокзала
Наперекор врагам,
Знаю — пора настала
Третьим греметь звонкам.

Туда, где тоску скликая,
И ненавистна вся,
Жизнь — совсем другая,
Радость в глазах тая.

Старый восстал раздор — ли,
Новый — ли вал беды —
Бьются на каждом горле
Каменные следы.

Если забыт веселый
Синий насквозь простор —
Бей по вискам, как молот,
Ненависть — бей в упор.

Хлынь - же порыв, который
Сдружит в одном огне
Литейщиков и шахтеров,
Строителей новых дней.

Наперевес — с вокзала,
Наперерез — врагам,
Знаю — пора настала
Третьим греметь звонкам.

Ружья с рукой — друзьями
Крепче других друзей —
Этими - ли путями
Не разгреметь грозе?

Ринутся напропалую
Встретить — в огне - ль, в дыму - ль,
Пьяные поделуи
Зарокотавших пуль.

Много погибнет, знаем —
Горечи в сердце — нет,
Знаем кому хмельная
Победа из всех побед.

От городских предместий
Поезд бы лишь понес
Нас, захлебнувшихся песней
Под пересвист колес.

Хватит камней, железа
Новую жизнь скроить,
Сумеречность прорезая
Зори взойши твои.

Этим, издавна милым
Мой непокорный крик,
Так прогреми - же миру
Третьих звонков язык!

ИЗ ПОЭМЫ «ЛЕНИН»

I

«По всей России матушке
Один лишь разговор:
Ребятишки, ребятишки,
Опять у нас набор.

«Мужское население
С тревогой и волнением
Глядит на об'явление
И думает — возьмут или не возьмут.

«А там в деревне бедненькой
Другой уж коленкор,
Там пахарь с поля серенький,
Услышав про набор»...

Милостью божьей

Мы

Николай Второй —

Царь русский,

Царь польский,

Князь финляндский

И прочая,

прочая,

прочая...

Испослав России великое кровотооче

Признали за благо: сложить —

Богом данные нам полномочья.

Метнулись окопы на глухие
Лезвия рельс, — за вагоном вагон,
А ночами трезвая Россия
Огненный варила самогон.

Зарево, зарево в черных полях,
В черных полях раскаленным осколком,
Черепами в городах
Решалась российская головоломка.

А в библиотеках Люцерна,
Читая до заката,
Ленин проверял уверенный
Голос пролетариата.

II

Еще стояли леса
Ощетиенных шпек.
Метались царские поезда
Загнанные втушки.

Ленина не вместить
Ни в какой
Пломбированный вагон;
Это он
Золотопогонную пыль
Вытер, —
И мудрую речь Сократа
Слушал
Питер
Советом рабочих и армейских депутатов.

Тысячетелого не стереть
Никакой надрезанной пулей;
Ленину
Не умереть...
И шинел предательский улей...

Три...

Не целясь...

В ряд...

И гул по городам и весям:

Вышел русский Герострат

Поджигать храм в Эфесе.

И дым по кровавой земле,

И кровь из дымящейся раны;

Чужое радио навеселе:

Убит...

Владимир...

Ульянов...

Только Ленину не умереть —

Все мы ленинцы и комсомольцы,

Мы закинули в звездную сеть

Наши души — железные кольца.

ДЕРЗОСТИ СЛАВА

Жить в потемках мы устали.
Мы проснулись, мы восстали, —
Слишком долго боя ждали, —
Жаждем жизни молодой.
Прочь, беспомощные страхи,
Глубже взгляды, шире взмахи,
Больше дерзости святой.

Много надо рук упорных,
Чтоб из глыб слепых и черных,
В наших домнах, в наших горнах,
Полосой сверкнул металл. —
Больше страсти, больше жару,
Подставляйте грудь пожару,
Чтоб металлу дать закал.

Выше факел поднимайте,
В душах пламя зажигайте,
Ошибайтесь — но держайте.
Пролетит веков гряда, —
Только то, что силой взято,
Будет живо, будет свято,
Будет свято навсегда.

УМЕР

Умер...
 Умер...
 И флаги — трауром
 Берediaт занывшее сердце...
 А вчера —
 Так метели плавали
 И так жутко —
 Жутко не верится...

Был —
 И исту...
 Да разве — ж мыслимо?!
 Почему — же
 Снуют
 Трамваи?...
 — ... В восемнадцатом...
 — ... Выстрелом...
 — ... Разве не знаем?...

Знали,
 Знали
 Товарищ Ленин,
 Только думали про иное...
 — Эй!
 — Запад!
 — Склони колени!
 — Слушай в метельном зное:
 — Умер
 товарищ
 Ленин.

САМИ

1

Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стаком,
Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только Сами не считает человеком.

Смотрит он на него одним глазом,
Никогда не скажет спасибо.
Сами греет для бритья ему тазик
И седлает пони для Сагиба.

На пылинку ошибется Сами, —
Сагиб всеведущ, как Винну,
Бьют по пяткам тогда тростинками
Очень больно и очень слышно.

Но отец у Сами не даром
В Беджапуре был скороходом,
Ноги мальчика бегут по базарам
Все уверенней год от году.

2

Этот год был очень недобрым:
Круглоухого, мышистого пони
Укусила черная кобра
И злой дух кричал в телефоне.

Раз проснулся Сагиб с рассветом —
Захотел он читать газету,
Гонг надменно сказал об этом,
Только Сами с газетой нету.

И пришлось для бритья ему тазик
Поручить разогреть другому
И, чего не случалось ни разу —
Мул не кормлен вышел из дому.

3

Через семь дней вернулся Сами,
Как отбитый от стада козленок
С исцарапанными ногами,
Весь в лохмотьях, от голода тонок.

Синяка круглолобая глыба
Сияла, как на золоте проба.
Один глаз он видел Сагиба,
А теперь он увидел оба.

— Где ты был, павиан бесхвостый, —
Сагиб раскачался в качалке,
Отвечал ему Сами просто:
— Я боялся зубов твоей папки

И хотел уйти к властелину,
Что браминов и раджей выше,
Без дорог заблудился в долинах,
Как котенок слепой на крыше.

— Ты рожден, чтобы быть послушным:
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следить за коношней,
Я властитель твой, обезьяна.

4

— Тот далекий живет за снегами,
Что к небу ведут, как ступени,
В городе с большими домами.
И зовут его люди — Ленин.

Он даст голодным корочку хлеба,
 Даже волка может сделать человеком,
 Он большой Сагиб перед небом,
 И совсем не дерется стаком.

Сами из маграджского рода,
 Но свой род для него уронит, —
 Для бритья будет треть ему воду.
 Бегать с почтой, чистить его попи.

И за службу даст ему Ленин
 Столько мудрых советов и руший,
 Как никто не давал во вселенной:
 Сами всех сагибов погубит.

5

— Где слышал ты все это, несчастный?
 Усмехнулся Сами лукаво:

— Там, где белым бывать опасно,
 В глубине Амритсарских лавок.

У кунцов весь мир на ладони,
 Они знают все мысли судра,
 И почему в Рохилькэнде кони
 И какой этот Ленин мудрый.

— Уходи, — сказал англичанин,
 И Сами ушел с победой,
 А Сагиб заперся в своей спальне
 И не вышел даже к обеду.

6

А Сами стоял на коленях,
 Маленький, тихий и строгий,
 И молился далекому «Ленину»,
 Непонятному, как поги,

Чтоб услышал его малые просьбы
В своем городе, до которого птице
Долететь не всегда удалось бы,
Даже птице быстрее зарницы.

И онаб от дождей размокла,
Слон бежал бы и сдох от бега,
И разбилась бы в бурях, как стекла,
Огненная Сагибов телега.

7

Так далеко был этот Ленин,
А услышал тотчас же Сами,
И мальчик стоял на коленях
С мокрыми большими глазами.

А вскочил легко и проворно,
Точно маслом намазали бедра,
Вечер пролил на стан его черный
Благовоний полные ведра.

Будто снова он родился в Амритсаре
И на этот раз человеком —
Никогда его больше не ударит
Злой Сагиб своим жестким стэком.

Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор — золото лимонов.

Случайно к нам заходят корабли,
И рельсы груз приносят по привычке;
Пересчитай людей моей земли —
И сколько мертвых встанет в перекличке.

Но всем торжественно пренебрежем —
Нож сломанный в работе не годится,
Но этим черным сломанным ножом
Разрезаны бессмертные страницы.

Не заглушить, не вытоптать года, —
Стучал топор над необ'ятным срубом,
И вечности каменная вода
Вдруг обожгла запекшиеся губы.

Владеть крылами ветер научил,
Пожар шумел и делал кровь янтарной,
И брагой темной путников в ночи
Земля поила благодарно.

И вот под небом дрогнувшим тогда,
Открылось в диком и простом убранстве,
Что в каждом взоре пенится звезда
И с каждым шагом ширится пространство.

Огонь, веревка, пуля и топор
Как слуги кланялись и шли за нами,
И в каждой капле сыал потоп,
Сквозь малый камень проросали горы,
И в прутике, раздавленном ногою,
Шумели чернорукие леса.

Неправда с нами ела и пила,
Колокола гудели по привычке,
Монеты вес утратили и звон,
И дети не путались мертвецов.
Тогда впервые выучились мы
Словам прекрасным, горьким и жестоким.

ПЕРЕКОП

Катятся звезды, к алмазу алмаз,
В кипарисовых рощах ветер затих,
Винтовка, подсумок, противогаз —
И хлеба фунт на троих.

Тонким кружевным голубым
Туман обвил виноградный сад,
Четвертый год мы почей не спим,
Нас голод глодал и огонь, и дым,
Но приказу верен солдат.

Красным волкам
За канканом канкан,
Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.

За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг — наш и не наш,
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед —
Не гранате, не пуле сегодня власть,
И не нам отступать черед!

За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды —
За нами города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды.

За горами же солнце и отдых и рай,
Пусть это мираж — все равно!
Когда тысячи крикнут слово: отдай —
Урагана сильней оно.

И когда луна за облака
Покатилась, как рыбий глаз,
По сломанным, рыжим от крови, штыкам
Солнце сошло на нас.

Дельфины играли вдали,
Чаек качал простор —
И длинные, серые корабли
Поворачивали на Босфор.

Мы легли под деревья, под камни, в траву —
Мы ждали, что сон придет
Первый раз не в крови и не наяву —
Первый раз за четвертый год...

Нам снилось — если сто прожить,
Того не увидят глаза,
Но об этом нельзя ни песни сложить,
Ни просто так рассказать!

СМЕРТЬ БОЙЦА

Железо в жилах уж не то,
Волос на руке не колюч,
А у сердца осталось ударов сто,
И сердце зашлут на ключ.

Ему принесли винтовку — ту,
Что теперь возьмет его сын,
И за приступом взятую высоту
Золотые с гербом часы.

Он открыл затвор — напрасный труд,
Все патроны ушли в расход,
Часы стоят, часы не идут,
Им пыль переела ход.

И упала рука, с одеяла взяла
Славный лист, что положат в гроб,
На листе вверху — Гельсингфорс — скала,
Песни зуб вверху — Перекоп.

Лучше-б яма волчья — шалый шлах,
Кругоребрый уральский дом,
Ему-ль, точившему коготь в полях,
Умирать в углу, за стеклом!

Из-за Рейна руки кричат ему
И Мюнхена лебедь ал —
На востоке с красным серпом чаму
Качает каспийский вал.

Но слышит ухо, насторожась,
Что стук уже тут, как тут.
Четыре лопаты, в раз торопясь,
На Марсовом землю скребут.

Не плакать, не плакать, не плакать,
Не плакать об Ильиче!
Пусть плачут слезами плака
Глаза плавильных печей.

Дрожь, просеки моторы!
Вдвое завоюте, станки!
В цехи, в поля, в конторы
Рабочие и мужики!

Ни дряби, ни хмури, ни лени!
Льни к рычагу рука.
Ленин!

Мы помним,
Ленин,
Твой боевой приказ!
Вейся знамен пламя,
Туже рабочий нажим!

Ленин
Всегда с нами,

Ленин
Всегда жив.

МАРШ — ПЛАКАТ

Каждая хата,
Каждый завод. —
Глаза — на Запад,
Кулак — на взвод.

В молоте — серпе
Огни скользят,
Больше терпеть
Рабочим нельзя.

Пора. Виднеется
Простор уже,
Красноармейцы
Настороже.

Европе впротемь
Звенит в ушах
Рабочих сотен
Каленый шаг.

Заводы наши
Гудят, шхтя, —
Товарищ немец,
Дасень Октябрь!

В баварский карцер
Итти-ль кряхтя,
Э-гей, баварцы,
Дасень Октябрь!

Сегодня солнце
У нас в гостях,
Э-гей, саксонцы,
Дашь Октябрь!

Вставай, в железе
Лицо когтя,
Э-гей, Силезия,
Дашь Октябрь!

Быть нашей буре
На всех путях,
Э-гей, на Руре,
Дашь Октябрь!

К стене банкиров,
Долой растян,
Рабочий мира,
Дашь Октябрь

ПРОЛЕТАРИАТУ

Безумным бегом буря мчится вдаль,
 Изгибом гордым запрокинув шею,
 Воцаря в небо космы точно змеи,
 Витые кольца, серую спираль.
 Бунтуют дубы, в дуги гнутся ивы,
 Срываются стропила кровель хат,
 Табун летит по степи вздыбив гривы,
 Метая ржанье, дикие призывы,
 Как труб тревогу, конских горл набат.
 И облаков стихийные порывы,
 И пыль, как облака, со всех дорог, —
 Все в бешенстве, круженьи, пляске фурий,
 По голубой сухой лазури
 Бежит не зная, где рубеж, порог.
 И вижу я —
 На синеву зенита
 Властительно врывается орел
 В размахе крыл, разгневанно, открыто.
 Круги чертя, разрезал, распорол
 Средину туч, как легкая ладья.
 Вдруг крылья в небе распластал
 И стал
 Недвижно в бурю, точно знак векам,
 Точно символ явленный полкам
 Милльонных масс, кем Шар Земной об'ят.
 То образ Твой, титан пролетариат,
 Венчанный славой.
 То образ Твой, двойник,
 Как он Ты величавый,
 Как Ты орел велик,
 В оружии когтистой оторочки.
 Как Ты, —
 Простерший крылья правоты,
 Срежь бурь парнишь на беспримерной точке.

ГИМН ТРУДА

Благословен Труда приход,
Его ступня легка, легка,
Благословен из рода в род
На все века, века.

- Трудятся вечные светила,
Трудом вселенные рождаются, живут,
В истории миров одно одно лишь было —
Творенье, Созданье, Труд.

В начале был его раскат,
Звучанье, гуд;
Жми кресте руку брату, брат —
И мирный труд.

Мы были вечными рабами
И говорящими орудьями труда,
На сцене мира умирали в драме
И слышали мы визг кнута.

Нас хлест его сопровождал
И тонкий свист,
Лиц перекошенных оскал
Был бровянист.

Благословен Труда приход,
Его ступня легка, легка,
Благословен из рода в род
На все века, века...

Царям и королям гробницы
И лабиринты для немых забав,
Безумья башни и на них бойницы
Для сумрачных и жалких слав

Мы строили. Но час пробил тиранов:
Мы водарили над землею Труд,
Он пурпуром горит, горит багряно —
Наш Храм, Приют.

Благословен Труда приход,
Его ступня легка, легка,
Благословен из рода в род
На все века,
На все века.

МОСКВА

I

Там Грозный острым наконечником
По плитам каменным звеня,
Ходил наряженный опричником,
Расправу лютую чиня.

Или в монашьем шлыке с четками,
Устав от оргий и крамол,
Упрямым дбом поклоны четкие
В соборах бил о влажный пол.

Там думный дьяк рычал приказами
И колокольный рыскал зык,
Когда над плахой никнул связанный
Секиры ждавший бунтовщик.

Там Петр с реляциями строгими
Под гневный ропот брил бояр,
И дыбой, плетью и острогами
Стрелецкий заливал пожар.

Там по дорогам нищей - странницей
И юродива и темна,
Бродила Русь бездомным пьяницей
Шатаясь с горя и вина.

И кабаки и храмы высились
Над ржавою соломой крыш,
Да силуэты черных виселиц
Как призраки тянулись в высь.

И так Россия, околдованной
В мучительных томилась снах,
А на спине исполосованной
Судьба качалась в стременах.

Но вот Октябрь взметнув жар-птицею
 Расправил мышцы мощных крыл,
 И всадник рыжей кобылицею
 В века Историю вздыбил.

II

Все тот-же Кремль зелено-башенный,
 Проходов узких полумрак,
 Но кровью жертвенной окрашенный
 Над Совнаркомом бьется флаг.

И далеко над Русью всененной —
 Набатных революций зов —
 Звучит в декретах голос Ленина
 Сильней, чем сорок сороков.

На острия бессонных радио
 Стальные вешая слова,
 Материков граница сгладила
 Освобожденная Москва.

И там, где сердце пролетария
 Великим гневом зажжено,
 Кипит и мечет искры ярые
 Революционное вино.

Бомбей, Чикаго, Лондон, Токио,
 Сбивая звенья ржавых пут,
 Бурливо-вешними потоками
 В русло железное текут.

И отмечая путь их огненный,
 Из-за Кремлевских мшистых стен,
 Собирает тучи с громом-молнией
 Штаб Революции — Коминтерн!

Отныне надвое расколота
 Вращающаяся земля —
 Кто за Москву под знаком молота,
 Кто против Красного Кремля?

Кто перевесит Знамя Алое
 На исторических весах?
 Ноют Интернационала
 Гимн боевой на полюсах!

МОСКВА

Синью, звоном, златом налитая!
 Меткий кож твой помнят крепко все.
 Облака тоскуют, улетая,
 По твоей диковинной красе.

Набирала, не давала сдачи,
 Издавна обычай твой таков...
 Да не те ли вороны маячат,
 Что отнесли Новгород и Псков?...

Закружились над дубчатой банней,
 С карканьем уплыли — как тогда.
 Вот несут опять и мед и брашно,
 Бьют челом — деревни города...

Где вздыхать и думать, о молебнах!
 Встрепенулась с молодецких слов!
 Мало ль утопила силы древней
 В золотом разливе куполов!

Наверстать! Как не бывала старой,
 Кровь бурлит звонка и горяча!
 Не согнули татарва и бары
 Круглого, покатога плеча!

Пляс и песни! — Приходи, дивуйся,
 Не с медов пьяна — с воды живой!
 Заиграли самоцветы-бусы,
 Буйно-весел взгляд твой огисвой!

Синью, звоном, златом налитая,
 Тянешь губы хмельные ко всем...
 Облака тоскуют, улетая,
 По твоей диковинной красе.

ОКТАБРЬ

Октябрь пронесся
Над Русью шквалом,
С огромной силой
В сиянии алом.

В дымящем вихре
Истлели троны,
Как пыль, исчезли
Царей короны.

Метались в страхе
Дворцы, чертоги,
И в прах свалились
Былые боги...

Октябрь сильнее
Грозы, вулканов
Взмутит народы
За океаном.

Октябрь в плавильне
Старинный город
Спаял могуче
И сери и моют.

МАЙ

Был двор как двор: как всякий двор
Заводский огорожен.
Блестели рельсы, как укор
Пропыленным дорожкам.
А в поле камень — так и тот
Заулыбался Маю.
Угрюмый сторож у ворот
Светлел необычайно.
И мальчик шел, а дома мать,
А за стеною поле...
Станки, как мальчики, с ума,
Сошли с ума по воле.
Но сталь не любит, чтоб устал,
Железо любит резвость...
Гадал мальчишка о кустах,
А ноги врозь полезли.
Мотор секунду не гудел,
Секундой стало тише...
На каменном полу хрипел
Зарезанный мальчишка...
Взревел испуганный гудок,
Взвыл жалобней и глуше,
Бросая сотнями жадных ног
Случившееся в уши.
Бежали, прыгая чрез ров,
Чрез головы глазели,
Как рыжая сочилась кровь,
Как камни розовели.
А в поле камень — так и тот
Заулыбался Маю...
Угрюмый сторож у ворот
Светлел необычайно.
А сумерками, когда тьма —
На городском погосте,
Встречали филины и Май
Зарезанного гостя.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>А. Лумачарский. Предисловие</i>	3
<i>В. Александровский. Восстание</i>	5
Октябрь	10
О забываемом	11
Поэма о Пахоме	12
Кузнец	21
Рабочий	22
При разгрузке	23
Там и здесь	24
Две жизни в холодной избе	25
Да, такие бывают напасти	26
Когда на строгие, нахмуренные ели	27
Я	28
<i>Иван Арский. Воля коллектива</i>	29
Песня о молоте	30
<i>Николай Асеев. Кумач</i>	32
День революции не прожит	33
Сегодня	34
Я не знаю земли иной	35
О нем	37
Огонь	39
Двадцать шесть	44
Реквием	53
Россия издали	55
Москва	56
Гастев	57
<i>Лина Баркова. Красноармейка</i>	59
Товарищ возлюбленный	60
<i>Давид Бедный. Главная улица</i>	61
Коммунистическая марсельеза	67
Осада! Осада!	69
Революционный гудок	71
Петроград	72
Юной гвардии	74
Благословение	76

Братьям	78
В огненном кольце	79
Печаль	80
О дохлой кобыле	82
Крещение	86
Алтынники	89
<i>А. Безыменский. Боевая ленинская</i>	92
Партбилет	95
О шапке	98
Петр Смородин	100
Комсомолня	103
Из „записок комсомольца“	106
Кулацкое восстание	109
Мобилизация	113
На работе	115
В путь	120
Шкет	123
<i>И. Бердников. Никогда</i>	126
Весенним пенем опьяненные	128
<i>Александр Блок. Двенадцать</i>	129
<i>Николай Браун. Россия</i>	140
<i>Валерий Брюсов. После смерти В. И. Ленина</i>	141
Третья осень	142
Серп и молот	144
<i>Иван Васильев. На работе</i>	145
Качели	146
<i>С. Ващенко. Арсентий Глыба</i>	147
Эпизод	150
<i>А. Гастев. Мы растем из железа</i>	152
Мы посягнули	153
Рельсы	155
Башня	157
<i>Мил. Герасимов. Его памяти</i>	161
Из поэмы „Октябрь“	163
Мы	164
Железные цветы	165
Люблю я зарево вагранок	166
Громокнипящей мельницей	167
Из поэмы „Электрификация“	168
В купели чугуна	170
Ночью	171
Из поэмы „О детстве“	172
<i>Эмилия Герман. Пеход</i>	174

<i>Вл. Гиляровский. Петербург</i>	176
<i>Михаил Голодный. Октябрь</i>	183
Пролетарий	187
Тыл	188
<i>Сергей Городецкий. Красномосковье</i>	189
Волга	192
Там	194
Кофе	195
Туберкулез	197
Пивная	199
Беспризорный	201
<i>Михаил Данилов. Армия труда</i>	204
Товарищ Петров	206
<i>А. Дорогойченко. На завод</i>	208
<i>Иван Доронин. Заводское</i>	209
Весенняя любовь	210
Утро в хате	212
<i>Сергей Есенин. Товарищ</i>	214
Пантократор	218
<i>Александр Жаров. На смерть Ленина</i>	219
Деревня	221
Ледоход	222
Наш праздник	223
Утро маяра	224
<i>Николай Зирудин. Творчество</i>	225
<i>Вера Инбер. Пять ночей и дней</i>	227
Так будет	228
Земля московская	229
События в Красном море	233
Сеттер Джек	235
<i>Илья Ионов. Красный кормчий</i>	238
<i>Андрей Иркутов. Семнадцатый год</i>	240
<i>Василий Казин. Ленин</i>	244
Каменщик	245
Небесный завод	246
Рубанок	247
Дядя или солнце	248
Ручной лебедь	250
Ох, праздник	251
Гармонист	252
Песня	253

<i>Василий Каменский. Звени, весенняя Россия</i>	255
<i>Ив. Касаткин. Коняга</i>	256
<i>Валентин Катаев. Жестокую стужу костры сторожили . . .</i>	257
<i>Владимир Кириллов. 25 Октября</i>	260
Красный Кремль	261
Железный Мессия	263
Памятник труда	265
Шаги	266
Двенадцать месяцев	267
Звездный путь	268
Матросам	269
Я подслушал эти песни	270
Поэтам кузницы	271
<i>Николай Кляев. Распахнитесь, орлиные крылья</i>	272
<i>В. Князев. Око за око, кровь за кровь</i>	274
Сын коммунара	276
Набат	278
<i>Г. Лелевич. Баллада об интернационалисте Штейне</i>	280
С натуры	282
<i>Сергей Малахов. Кожаная куртка</i>	283
<i>Малл. Баллада о Ленине и Ли-Чане</i>	285
<i>В. Маяковский. Бюллетень</i>	287
150.000.000	288
III Интернационал	290
Ода революции	301
Левый марш	303
Наш марш	305
<i>С. Михлин. Над могилой</i>	306
<i>В. Нарбут. Россия</i>	309
Октябрь	310
<i>В. Наседкин. Красная рать</i>	313
Гнедые стихи	315
Весна	317
<i>И. Пеленаков. Где-то под Ачинском</i>	319
<i>Егор Печасев. Гудок</i>	321
<i>С. Обрядович. Вождь</i>	323
Молотобоец	325
Синеблужники	327
Завод	329
Рабочая	331

Работница	332
Петр в Москве	333
<i>Петр Орешин.</i> В октябре	335
Алый храм	338
Молот	339
Круговорот	341
Портиновская	343
Песня веселого стекольщика	344
Плотник	346
Поезд	347
Журавлиная	349
Трава	351
<i>Е. Панифилов.</i> Ай, и много, много будет ласки	352
У нас и у них	353
Рабкор	354
<i>А. Петровский.</i> Последнее свидание	355
<i>И. Полтавск.</i> Последняя встреча	357
Не верим	360
Портретов Ленина не видно	361
Красная площадь	362
Весенние лужи	363
Зайчик	364
<i>Е. Половская.</i> Кармен	365
<i>А. Поморский.</i> Красный октябрь	369
<i>Ив. Приблудный.</i> Детство	371
<i>Е. Приходченко.</i> Друг	372
Возвращение	373
Паровоз	374
Песня	375
Жестокая весна	376
<i>И. Радимов.</i> Печка	377
<i>И. Сидорьев.</i> Мы идем	378
У станка	379
<i>Симовитишник-Машинров.</i> Красный цветок	382
Скептику	383
Любовь	384
<i>Г. Санников.</i> Смерть вождя	385
В ту ночь	387
Гимн могил	389
Весеннее	390
<i>В. Саянов.</i> Встреча с заставой	391
7 сентября 1924 г.	393

Барис Соловьев. Третьих звонков пора	395
Григорий Сорокин. Из поэмы «Ленин»	397
Е. Тарасов. Дерзости слава	400
А. Тверяк. Умер	401
И. Тихонов. Самн	402
Мы разучились нищим подавать	406
Не заглушить, не вытоптать года	407
Огонь, веревка, пуля и топор	408
Перекоп	409
Смерть бойца	411
С. Третьяков. Не плакать, не плакать, не плакать	412
Марш - плакат	413
И. Филиппенко. Пролетариату	415
Гимн труда	416
К. Ходлов. Москва	418
А. Ширяевец. Москва	420
Ф. Шкүлев. Октябрь	421
А. Ясный. Май	422

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ Альманах для всех

КНИГА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ. Повести и рассказы: Лена Гумилевского, В. Ивана-
лова, Н. Каткова, М. Козакова, В. Лавренева, М. Слонимского и А. Чапыгина.
Стихи: В. Александровского, О. Мандельштама, С. Образовича и друг.
269 страниц. Цена 2 руб.

Литературно-Художественный
АЛЬМАНАХ

„СТРОЙКА“

СОДЕРЖАНИЕ:

Д. Четвериков — Обруб (рассказ). И. Кологривский. — Конфуз неей деревни
(рассказ). М. Кирпов. — Апрельские прели (повесть). Г. Фин. — „Генерал
Корпилов“ (рассказ). А. Крайский — От печки (рассказ). А. Тверяк. — Синица
(рассказ). Это же — Не судьба (рассказ). Макс Жижмор. — Фигуры (пьеся).
Ф. Левин. — Железные ряды (поэма). И. Васильев. — Город (поэма). Е. Павфилов. —
Комсомода. О подлинном коммунизме (стихи). А. Крайский. — Вишневые сады.
Л. Б. Друг. — Через мост. Квадрат (стихи). Самобытник. — * *, * * (стихи).
В. Махнин — Летчик (поэма) и друг.

Цена 1 р. 50 к.

Стр. 297.

АЛЬМАНАХ

литературного кружка университета им. Зиновьева

„ЗВЕНЬЯ“

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие А. Крайского. Стихи: Ф. Левина, А. Дорофеева, А. Кириллова,
А. Павловского. Отрывок из романа С. Шпаныря. — Через медные трубы. — Рас-
сказы: А. Кириллова и Д. М. Лаврухина, Георгиевского. Повесть Поли
Своей. — В дни рождения.

Цена 60 коп.

Стр. 130.

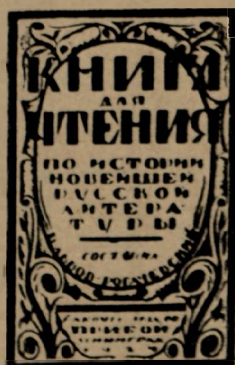
БЕЛЛЕТРИСТИКА:

	Цена.
У. Синклер.—Юг и Север (роман из эпохи гражд. войны) (распр.)	1 р. — 8.
У. Синклер.—Пьеса	1 — 20
У. Синклер.—Жизнь на развалинах	4 — 60
У. Синклер.—Денги (роман)	— 80
У. Синклер.—В поисках правды	— 60
У. Синклер.—Джимми Хиттиш	— печ
У. Синклер.—Король уголь	— печ
У. Синклер.—Дебри (джунгли)	— печ
Андрей Струг.—История одной бомбы (распр.)	— 90
Андрей Струг.—Люди подполья	— 75
А. Аросев.—Никита Шориев (распр.)	1 —
Эрнст Пуль.—Гиппаль (роман)	1 — 20
М. Бартель.—Площадь народной мести (распр.)	— 30
Уэллс.—Сон (фантастический роман) (распр.)	1 —
М. Козаков.—Попугаево-степь (рассказы)	— 50
М. Сивачев.—Федор Быльничков (роман)	— 50
Лозе.—Цюльдингер и его изобретения	— 50
Б. Никольсен.—Гормана (роман)	— 50
Саур.—Цена крови (пов.) (распр.)	— 35
В. Андреев.—Канун (рассказы)	— 50
Д. Четвериков.—Сытая земля	— 70
Витфогель.—Кто самый глухой? (пьеса) (распр.)	— 50
Львов-Рогачевский.—Книга для чтения по новейшей русской литературе	2 —
М. Чесс.—Едон (роман)	1 — 35
Б. Ропшин (Саников).—Ковь вороной (повести)	— 60
Э. Клаусс.—Бунтующий народ (сборник рассказов), стр. 152	— 60
Л. Лайцен.—Оправданные (рассказы), стр. 116	— 60
И. Рот.—Отель „Савой“ (роман, пер. с нем. Г. Генкель), стр. 114	— 50
М. Ю. Лермонтов.—Избранные соч.	— 40
А. С. Пушкин.—Избранные соч.	— 40
Гребнев.—Конец Ивана Потапыча (пьеса)	— 25
Песенник безбожника	— 20
В. Князев.—Рожные апостолы (Кляев и Клевовича)	— 35

Вышел из печати
новый роман

Ст. Жеромского КАНУН ВЕСНЫ РОМАН.

Стр. 336. Цена 1 р. 10 и.

Львов-Рогачев-
ский.

Книга для
чтения
по истории
новейш. русск.
литературы.

2-е изд. 1910 г.

ЦЕНА 2 р.

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НА
ДОМУ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1925 год.

Как появилась жизнь на земле?

Как устроены небо, земля и живые организмы?

Как работает тело человека, животного и растения?

Чему учат нас физика, химия и др. точные науки?

Как улучшить сельское хозяйство и в каком положении оно находится у нас и за границей?

Чему учил рабочих и крестьян В. И. Ленин?

На все эти и на многие другие вопросы ответит Вам

„Народный университет на дому“.

Печатается и на-днях выходит № 1.

Требуйте подробный указатель (проспект) из Издательства „ПРИБОЙ“, просп. 25 Октября, № 1.

ГОД ИЗДАНИЯ **4-ый** ГОД ИЗДАНИЯ

Открыта подписка на 1925 год

КРАСНЫЙ ЖУРНАЛ для всех

12 номеров журнала в год 2 рубля.

В журнале принимают участие виднейшие политические и общественные работники, лучшие научные, литературные и художественные силы :: Ленинграда, Москвы и др. городов СССР. ::

Приложения:

I-ая СЕРИЯ: 12 книг избранные сочинения **Н. ЛЕНИНА.**

II-ая СЕРИЯ: 12 книг избранные соч. русских классиков: **Лермонтов, Пушкин, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Гоголь, Лев Толстой** и др.

- - - - - ПОДПИСКА: - - - - -

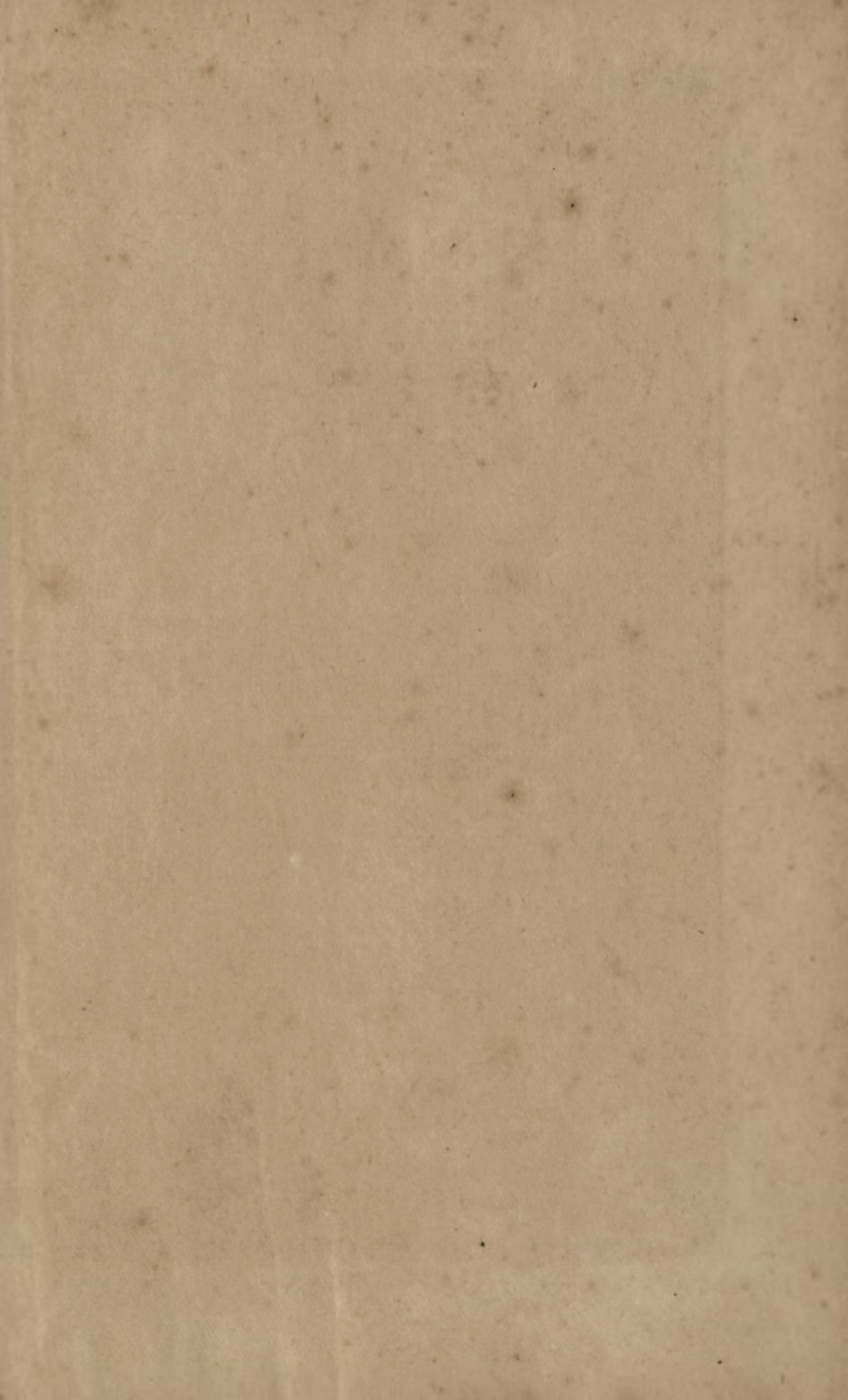
БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ:

на 1 год 2 руб. — коп.
на 1/2 года 1 . 20 .

С ПРИЛОЖЕНИЯМИ:

с одной серией.	с двумя сериями.
4 руб. — коп.	6 руб. — коп.
2 . 20 .	3 . 30 .

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Торговый сектор „Прибой“, Ленинград, пр. 25 Октября, 62. Севпечать, пр. 25 Октября, 1. Московское отделение „Прибой“, Лубянский пас. пом. 47-49 и все почтовые отделения.

12-50

119669

Цена 1 р. 50 к.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ.

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные
Новинки“. Телеф 5-45-77

Москва: Московское отд. изд-ва „ПРИБОЙ“, Лубянский
пассаж, №№ 47, 48, 49. Телеф. 2-24-09